

СЛАВЯНОВЕДЕ

ISSN 0132-1366

№

Лето

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

2011

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

5

2011

СЕНТЯБРЬ •

ОКТАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Ким И.К.</i> (Волгоград). Санационные власти в парламентских выборах 1935 года в Польше	3
<i>Михутина И.В.</i> (Москва). Польско-украинский союз 1920 года.....	14
<i>Волбуев В.В.</i> (Москва). Проблема рабочего самоуправления в общественно-политической системе ПНР и рабочие выступления в 1956–1980 годы.....	26
<i>Майорова О.Н.</i> (Москва). Августовские соглашения 1980 года в Польше: 30 лет спустя	40
<i>Стыкалин А.С.</i> (Москва). Польский кризис 1980–1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе.....	52
<i>Хорев В.А.</i> (Москва). Литература и политическая борьба в Польше (1980–1981).....	68

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Вычеров В.В.</i> Польский дневник. 1981–1983 (фрагменты).....	82
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Стыкалин А.С.</i> Т.М. Исламов, Т.А. Покивайлова. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы.....	108
<i>Карнаухов Д.В.</i> Проблемы истории Польши и российско-польских отношений на страницах исторического альманаха	113
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Z. Profantová a kol. Hodnota zmeny – zmena hodnoty: demarkačný rok 1989.....	114
<i>Вовк М. И.С.</i> Яжборовская. Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы.....	117
<i>Дубовик О.А.</i> Р. Радев. Българската эротика. Енциклопедия. Т. 1, 2	119

ЮБИЛЕИ

К юбилею Анны Леонидовны Хорошкевич	121
К юбилею Татьяны Андреевны Покивайловой.....	123

<i>Досталь М.Ю., Чуркина И.В.</i> Памяти словацкого историка Владимира Матулы (1928–2011) ...	125
<i>Толстая С.М.</i> Памяти академика Милки Ивич (1923–2011)	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии),
М.М. Валенцова (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зак. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о научной степени, должности, электронную почту и контактный телефон. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2011 г. И.К. КИМ

САНАЦИОННЫЕ ВЛАСТИ В ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 1935 ГОДА В ПОЛЬШЕ

Статья посвящена деятельности санационных властей Польши по организации и проведению парламентских выборов 1935 г. На основе архивных и других материалов представлены наблюдения властей за предвыборными настроениями в обществе, их участие в подборе и проведении в парламент предпочтительных кандидатов, нарушения избирательного законодательства.

The article is devoted to the activity of the so called “sanitation” (sanacja) authorities in Poland aimed at organizing and conducting the parliamentary elections of 1935. On the basis of archival and other materials, the article presents how the authorities were monitoring the election expectations in the society, selecting and promoting favorable candidates to the parliament, coping with the election laws violations.

Ключевые слова: история Польши, политические партии и организации, парламентские выборы, санация.

15 июля 1935 г. президент Польши И. Мосьцицкий объявил очередные парламентские выборы, положив начало предвыборной кампании, которая завершилась выборами в Сейм 8 сентября и Сенат 15 сентября. К проблеме выборов 1935 г. неоднократно, хотя и косвенно, обращались польские авторы. А. Айненкель пишет, что в выборах правящий лагерь «использовал разного рода давление на избирателей» и «фальсификации», особенно в восточных и южных воеводствах [1. S. 197]. Т. Наленч указывает на зависимость между явкой на выборы и «облегчающей злоупотребления степенью безнаказанности местной администрации» [2. S. 542]. В. Рошковский замечает, что «в восточных воеводствах администрация использовала разные формы давления, чтобы поощрить избирателей к голосованию» [3. S. 316]. В то же время П. Вечоркевич пишет об «успехе» санации на выборах в восточных воеводствах, который «достигнут, однако, не благодаря злоупотреблениям, хотя и те, несомненно, имели там место» [4. S. 8], характеризуя выборы «как первые, проводившиеся после майского переворота без административного давления и фальсификаций» [5. S. 15]. До настоящего времени не существует работ, специально посвященных этим выборам. В статье на основе документов из архивов Польши, Украины и Белоруссии, других материалов представлена деятельность польских властей в предвыборной кампании и выборах в 1935 г.

Середина 1930-х годов характеризовалась для Польши сложным международным положением из-за роста германской угрозы, в экономической сфере страна только начала преодолевать последствия мирового экономического кризиса. Внутривнутриполитическая ситуация в Польше обуславливалась смертью 12 мая 1935 г.

Ким Игорь Константинович – канд. ист. наук, доцент Волгоградского государственного педагогического университета.

фактического диктатора Ю. Пилсудского и принятием инициированных санацией конституции и новых законов о выборах. Уход Пилсудского положил начало кризису санационного лагеря, борьбе за власть между премьером В. Славеком и президентом И. Мосьцицким, роспуску Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББВР). Санации противостояла оппозиция, представленная польскими по этническому составу партиями: правонационалистической Национальной партией (Стронництвом народowym, СН) и демократическими Польской партией (стронництвом) христианской демократии, Национальной рабочей партией, Крестьянской партией (Стронництвом людowym, СЛ) и Польской социалистической партией (ППС).

Конституция, вступившая в силу в апреле 1935 г., меняла правовые основы государства, перераспределяя полномочия в пользу президента как главы государства. Он наделялся широкими прерогативами и нес ответственность «перед Богом и историей за судьбы государства», в его руках сосредотачивалась «единая и неделимая государственная власть». Возрастали компетенции правительства и ограничивались полномочия парламента, особенно Сейма. Государство должно было обеспечить «свободу совести, слова и объединений» (о других правах не упоминалось) [6. N 30. Poz. 227].

Законы о выборах были приняты за неделю до их объявления. В Сейм предусматривалось избрание в 104 двухмандатных округах 208 депутатов. Повышался возраст получения избирательного права: активного до 24 лет, пассивного до 30 лет. Вводился единый список кандидатов (не менее четырех) для каждого округа, утверждавшийся на окружном избирательном собрании представителями самоуправления и общественных организаций. Избиратель мог отдать голос за одного или двух кандидатов, незаполненный бюллетень засчитывался в пользу двух первых кандидатов в списке. Закон о выборах в Сенат устанавливал его состав в 96 человек, две трети которых избирались посредством двухступенчатых выборов, треть назначал президент. Право голоса в сенат получали лица с 30 лет, имевшие правительственные награды, высшее образование, офицерское звание [6. N 47. Poz. 319, 320]. «Оба закона представляли собой концепцию, выраженную в апрельской конституции. Оба были сконструированы так, чтобы обеспечить правящему лагерю удержание власти», – считает А. Айненкель [7. S. 227].

Оппозиция противодействовала утверждению новых конституции и особенно избирательного закона, окончательно вытеснявших партии из парламента, а после их вступления в силу основные польские партии приняли решение о бойкоте выборов.

За два месяца до объявления выборов в структуре МВД уже существовало Избирательное бюро (ИБ). Люблинский воевода в письме старостам (главам повятов) от 27 мая информировал о создании в воеводском управлении (ВУ) избирательного реферата (ИР), который должен решать общественно-политические, финансово-технические вопросы, а также вопросы печати и безопасности, во главе с начальником общественно-политического отдела ВУ. Реферат должен был «издавать распоряжения в делах, связанных с проведением выборов в законодательные органы, а также осуществлять надзор над деятельностью избирательных рефератов в старостах». Последние должны были быть организованы в повятах и контролироваться старостами. «По мере возможности функции избирательных референтов должны осуществлять те чиновники, которые без замечаний исполняли их в 1930 году», – рекомендовал воевода [8. Sygn. 1642. K. 5]. В состав такого реферата в Келецком ВУ входили: руководитель, заместитель и четыре сотрудника, в 18-ти повятовых рефератах воеводства должности их руководителей занимали вице-старосты и в одном случае референт безопасности староства [9. Zesp. 62. Sygn. 38. K. 3–4].

15 июля президент назначил генеральным избирательным комиссаром судью Верховного суда С. Гижицкого, который назначал председателей окружных

избирательных комиссий. В конце июля министр внутренних дел М. Зындрам-Косьцялковский назначил окружных избирательных комиссаров, которые должны были «выполнять свои функции на основе полного доверия государственных властей к его личности», в выполнении своих обязанностей комиссар должен «руководствоваться исключительно интересами государства, представляемым правительством», если же речь будет идти «о несоответствиях политического характера», комиссар должен согласовать проблему лично с воеводой [8. Sygn. 113. К. 1, 3–4, 15–16].

При проведении предвыборных мероприятий власти были обязаны следить за порядком. В письме ИР Люблинского ВУ старостам от 12 августа предписывалось обеспечить порядок при проведении избирательных собраний и избрании выборщиков. Рекомендовалось подготовить план, «исключающий возможность какого бы то ни было нарушения этих предвыборных актов»; установить полицейские посты; иметь «в закрытом и незаметном помещении под руководством тактичного и уравновешенного офицера подразделения полиции»; обеспечить свободный вход в помещение для участников мероприятий и предотвратить попадание туда посторонних [8. Sygn. 105. К. 30]. Городское правление Пшемышля перед избранием выборщиков распорядилось: «Для обеспечения спокойствия и порядка голосования приказываю [ану] начальнику городской стражи предоставить охрану по одному стражнику на 1 сенатский округ» [10. Спр. 3. Арк. 1].

Еще до объявления выборов власти отслеживали отношение различных сил к избирательным законам и выборам. 11 мая МВД просило воевод сообщить о проведении «опозиционными группировками возможной пропаганды бойкота выборов» и подготовке «ими иных способов борьбы» против проектов избирательных законов. Полесское ВУ сообщило 15 мая, что общественные организации не заняли какой-либо позиции, а оппозиционные партии «не ведут никакой кампании против проектов избирательных законов». Старосты сообщали в Полесское ВУ в конце мая, что на местах отсутствует интерес к проектам законов, не отмечается и деятельность легальной оппозиции и подрывных элементов [11. Ф. 1. Оп. 10. Д. 193. Л. 7–9, 18]. Вероятно, в начале июля появился отчет Люблинского ВУ, представлявший ситуацию в избирательных округах воеводства. В округе 33 (Люблин) наибольшее влияние из оппозиционных сил в городе Люблине имели СН и ППС, в повяте – СЛ. Прогнозировался состав окружного избирательного собрания: из 125 делегатов – 91 должен был представлять ББВР и иные проправительственные силы, а СН – 17, Бунд – 7 и так далее, что давало там санации подавляющее преимущество [8. Sygn. 1482. К. 7, 9–10].

Серьезное внимание власти уделили окружным избирательным собраниям. Министр внутренних дел рекомендовал воеводам разъяснить окружным избирательным комиссарам: три назначаемых комиссаром секретаря собрания «будут заранее намечены» воеводой, с ними комиссару следовало познакомиться до собрания; ход собрания «должен безраздельно находиться в руках избирательного комиссара»; для ориентировки, «какие кандидатуры могут быть выдвинуты отдельными группами депутатов, избирательный комиссар должен предварительно связаться со старостами на территории избирательного округа». В инструкции комиссарам говорилось: на собрании «все прения недопустимы», отсутствующие в списке делегатов лица «не могут присутствовать в зале». В следующей инструкции комиссарам рекомендовалось: чтобы «уберечься от неожиданностей, следует предварительно подыскать одного из серьезных делегатов и ему поручить выдвижение установленных кандидатов»; воеводы должны позаботиться, чтобы «при голосовании не возникло относительно кандидатов состояние противоречия с директивами, данными на конференции в Центре» [8. Sygn. 113. К. 15–16, 43–45].

Власти на местах влияли на выбор делегатов в собрания от территориального самоуправления. Бывший депутат Сейма из округа 73 (Сокаль) сообщал В. Сла-

веку, что старосты «рекомендовали гминам выбрать таких делегатов в окружные коллегии, которые пойдут им навстречу, или эндеков» Кандидат в Бродском повете жаловался премьеру: «П[ан] староста сообщает, что желает, чтобы выбрали этих и этих, а этих и этих не желает. Люди боятся, поскольку только таких зависимых или боящихся выбирали в самоуправление» [9. Zesp. 8. Cz. VI. Sygn. 3-21. K. 45, 86]. Из избранных 12 780 делегатов на собрания территориальное самоуправление представляли 8313 (повятовые рады – 1543, гминные – 4820, городские – 2040) [12. 13–14 VIII].

Согласно материалам ББВР количество делегатов в собраниях округов колебалось, как правило, от 70 до 170, меньше всего было в округе 6 (Варшава) – 57, больше всего в округе 103 (Хойнице) – 206. Отчеты руководителей ББВР из 13-ти округов сообщают о доминировании проправительственных сил в собраниях: лишь в округе 7 (Варшава-повят), наряду со 100 проправительственными делегатами упомянуты семь представителей СН, 5 – СЛ, 4 – ППС и 4 – «разных», а в округе 68 (Калуш) три делегата ППС [9. Zesp. 62. Sygn. 40. K. 41, 45; Sygn. 43. K. 1–18]. В отчетах ВУ сообщалось: из 1208 делегатов собраний в девяти округах Келецкого воеводства членов ББВР было 904, симпатизирующих Блоку – 114, другие проправительственные организации представляли 23 делегата; оппозицию – 29 делегатов от ППС, 16 – от СЛ, 8 – ПСХД, 7 – СН и 6 – НПП и так далее; из 501 делегата избирательных собраний в Поморском воеводстве лишь 30 представляли СН, 11 – НПП и 7 – ППС [9. Zesp. 1378. Sygn. 267/II-13. K. 117; Zesp. 1383. Sygn. 273/III-26. K. 89].

Относительно других характеристик состава собраний в отчетах ББВР имеются данные из округа 2 (Варшава), где из 87 делегатов было 29 христиан и 58 евреев, и округов 66–69, где были поляки и украинцы [9. Zesp. 62. Sygn. 40. K. 26, 44–46]. Большая неоднородность состава собраний была на восточных кресах: в округе 54 (Кобрин) из 93 делегатов было 68 поляков, 24 православных неполяка, 4 еврея; 63 католика, 24 православных, 2 евангелиста, 4 иудея [11. Ф. 493. Оп. 6. Д. 2. Л. 7–7 об.].

В отчетах ББВР сообщалось как местные власти вели работу с делегатами: в округе 55 (Пинск) пинский староста накануне избирательного собрания призвал делегатов его повята «солидарно отдать голоса за список кандидатов, одобренных властями», заявив, что «голосование за кандидатов открытое»; в округе 53 (Брест) на собрание делегаты «из брестского и пружанского повятов прибыли со своими старостами» [9. Zesp. 62. Sygn. 40. K. 34, 37].

Воеводы собирали мнения старост о возможных кандидатах, добавляли своих и направляли общий список В. Славеку. А. Айненкель пишет: формированием списков кандидатов «занимался сам В. Славек с помощью ближайших соратников», в частности, в восточных воеводствах А. Прыстора [1. S. 195–196]. В. Славек этому занятию «отдавал все свое время, мелочно взвешивая преимущества и недостатки кандидатов» [4. S. 6], – отмечает П. Вечоркевич. В центре добавлялись кандидаты из Варшавы, распределявшиеся по округам, особенно восточным. Местные власти должны были обеспечить утверждение избирательными собраниями именно этих одобренных центром списков.

О взаимодействии премьера Славека и, например, Станиславовского воеводы Ягодзиньского по подбору кандидатур можно узнать из их переписки. 12 июня воевода представил премьеру список 20 поляков и 14 украинцев, которые, «возможно, могли бы приниматься в расчет при составлении списков кандидатов». Каждому польскому кандидату давались характеристики: доктор Сейдлер пользуется «всеобщим авторитетом и уважением»; а Дзедушинский «из-за своей невысокой интеллигентности и сдачи в аренду имущества евреям не пользуется теперь авторитетом среди польской интеллигенции», но имеет «большие возможности среди сельского населения»; президент Коломыи Санойца «благодаря своему по-

рывистому характеру и грубым методам работы нелюбим всеми». Характеристики кандидатов-украинцев в основном касаются степени их лояльности властям [9. Zesp. 62. Sygn. 39. K. 4, 6, 10–12, 14–15].

В начале предвыборной кампании Белостокский воевода представил В. Славеку кандидатуры депутатов и сенаторов, добавив, что среди ранее предложенных кандидатур им были отозваны три, в том числе одна «в связи с ничтожными шансами прохождения». Новогрудский воевода сообщал В. Славеку о беседах с бывшими депутатами, обиженными тем, что «их кандидатуры не находят признания в правительственных кругах». Первый из них заявил, что, «несмотря на отсутствие поддержки со стороны властей», будет баллотироваться. Другой же «по соображениям престижа» будет добиваться утверждения своей кандидатуры, но на выборы не пойдет, предоставив соответствующую декларацию. Относительно последнего воевода просил министра просвещения предоставить ему «возможность возвращения на службу в каком-нибудь крупном центре» [9. Zesp. 62. Sygn. 39. K. 8, 41–42].

Старосты в повятах при подборе кандидатов не всегда действовали в соответствии с указаниями вышестоящих властей и согласии с ББВР. В отчете Блока из округа 7 сообщалось: староста уверял, что контролирует ситуацию, «сотрудничество с ББВР на местах излишне», и все указания воеводы «относительно списка кандидатов будут, безусловно, выполнены». Одновременно староста добавлял несогласованных кандидатов и требовал бороться против некоторых из девяти согласованных [9. Zesp. 62. Sygn. 40. K. 41–42]. В письме В. Славеку бывший депутат Р. Бурда из округа 74 жаловался: староста, уверяя автора письма, что тот является кандидатом «вне конкуренции», распустил слух, что «председатель Слаvek запретил Бурде баллотироваться в депутаты». После «конференции старост всего округа по установлению кандидатов в депутаты и их очередности» кандидатура автора письма оказалась третьей в списке, который возглавил князь Л. Сапега. Старосты «во всем округе начали активную кампанию среди делегатов в поддержку кандидатуры Сапеги, и подчинили их суровой дисциплине, чтобы случаем не захотелось им хотя бы изменить очередность этих кандидатов на собрании делегатов». По мнению Р. Бурды князь Сапега «может стать депутатом только потому, что является приятелем старосты и что тот к нему на охоту ходит» [9. Zesp. 62. Sygn. 39. K. 53–55]. 22 человека из Бжоского повята сообщали В. Славеку, что староста «не допустил нашей кандидатки», не помогли обращения к воеводе, президенту города Жешува, старосте, вследствие чего был навязан и проведен другой кандидат [9. Zesp. 8 Cz. VI. Sygn. 3-21 K. 116].

Проправительственная пресса в позитивном ключе информировала о ходе избирательных собраний, которые прошли 14 августа «при почти стопроцентном участии делегатов», из 13 081 делегатов не явились на собрания всего 232 (1.8%). «Ход избирательных собраний везде был спокойный, серьезный и неоднократно почти торжественный. Лишь в нескольких округах (Плоцк, Влоцлаvek, Белосток, Калуш) мелкие группки, состоявшие из двух-семи делегатов, пробовали нарушить спокойствие демонстративными декларациями». Выдвинутый кандидатом в округе 5 (Варшава) премьер и председатель ББВР в. Слаvek получил среди шести кандидатов наибольшее количество голосов – 61 из 65. «При оглашении выбора п[о]лк[овника] Славека по залу разносятся долгие и громкие аплодисменты. Делегаты устроили премьеру Славеку овацию», – сообщила «Gazeta Polska» [12. 15 VIII].

Такая картина не всегда соответствовала действительности, о чем говорится в отчетах ББВР из 13 округов. На избирательных собраниях первым предлагался установленный властями список кандидатов заранее определенным лицом, затем, нередко вопреки планам властей и ББВР, делегаты также выдвигали кандидатуры. В центральных и северо-западных воеводствах количество выдвинутых кандидатур было больше (10–26), чем в восточных (4–9). Наибольшее количество вы-

двинувших кандидатов делегатов было в округе 2 (Варшава) – 13. Получившие более 25% голосов делегатов кандидаты, утверждались в списках по округам на местах в зависимости от числа полученных голосов. Из 13 окружных избирательных собраний, откуда имеются отчеты ББВР, в большинстве кандидаты были избраны в одном туре, а в четырех округах в восточных кресах – без выборов, так как их было по четыре, что не требовало выборов [9. Zesp. 62. Sygn. 39. K. 60–62; Sygn. 40. K. 9–47].

Нарушения закона в ходе избирательных собраний, как правило, были связаны с вмешательством властей. А. Айненкель подчеркивает: «Когда на восточных территориях государства на избирательных собраниях навязывались либо путем давления, либо с помощью фальсификации те кандидаты, которых желала иметь правая группа, иначе, опять же, несомненно, в соответствии со сформировавшейся традицией, эти дела складывались в центральных и особенно в западных районах государства. Там санация еще не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы грубым образом навязывать своих людей» [13. S. 347]. Поэтому «в списках кандидатов неоднократно оказывались не люди, намеченные Славеком и его соратниками, а люди, выбранные в результате голосования среди кандидатов, выдвинутых участниками собрания» [1. S. 196–197], – добавляет тот же автор.

Согласно отчету ББВР из-за давления пинского старосты Э. Цедзыньского скандально прошло собрание в округе 55. Первый подсчет голосов дал кандидату Олдаковскому 105 голосов, Кольбушу – более 90, Фрейману – более 90, Цедзыньской (жене старосты) – 62, после чего избирательный комиссар «ничего не оглашая и не прерывая заседания, забрал избирательные листы и направился на совещание к старосте. Вскоре комиссар «вернулся в замешательстве и заявил, подсчет плохой, что произошло ошибки, и объявил о новом проведении подсчета», результаты которого незначительно отличались от первого. Тогда избирательный комиссар объявил третий подсчет, во время которого он, «вследствие нервного состояния, заикался, повторял по несколько раз те же самые фамилии, что было причиной отличных результатов в подсчете секретарей». В результате Фрейман получил 102 голоса, Кольбуш – 100, Цедзыньская – 85, Олдаковский – 77, что принципиально меняло очередность кандидатур в списке [9. Zesp. 62. Sygn. 40. K. 39].

Е. Томашевским были обнаружены документы о подобной фальсификации в округе 60 (Кременец). В письме министра юстиции В. Грабовского от 25 марта 1937 г. тогдашнему премьеру Ф. Славой-Складковскому говорилось о показаниях бывшего войта гмины в Волынском воеводстве Л. Мальского, осужденного на два года лишения свободы за злоупотребление властью с целью получения материальной выгоды и находившегося под следствием по другому подобному делу. В ходе следствия Л. Мальский сообщил прокурору о том, как фальсифицировались выборы в округе. По его показаниям староста вынудил его как делегата избирательного собрания участвовать в подсчете голосов, чтобы «были выбраны те кандидаты, которых желает Дубенский староста». Бургомистр Дубно Ковалевский проинструктировал Мальского: «Когда оба будут громко зачитывать фамилии кандидатов, вписанные в избирательные бюллетени и опущенные участниками собрания, они пропустят фамилии кандидатов, избрания которых не следовало допустить, а вместо них, вопреки правде, будут зачитываться фамилии желаемых кандидатов или тех, которые, принимая во внимание малое количество отданных голосов, не имеют видов быть избранными. Поскольку для избрания кандидата было достаточно количества 25 голосов, речь шла о том, чтобы воз[можно] прервать зачитывание фамилии нежелательного кандидата, когда количество отданных за него голосов при зачитывании приближалось к этой границе – 25». Нежелательным для старосты был инженер Скупень, и Ковалевский с Мальским умышленно несколько раз пропустили при зачитывании бюллетеней его фамилию и тот, «несмотря на то

что фактически получил около 30 голосов» не был избран кандидатом, но «были избраны все те кандидаты, которые поддерживались старостой». В ответе МВД на письмо В. Грабовскому сообщалось, что «придание этому делу хода со всех сторон нежелательно», причем эта формулировка написана карандашом вместо напечатанного «не придавать этому делу хода» [9. Zesp. 9. Sygn. 1122. К. 1–5]. По мнению Е. Томашевского, правка принадлежала премьеру Ф. Славой-Складковскому и требовала «категорическим образом оставить дело о фальсификации выборов в покое». Подобное отношение властей к этой проблеме понятно: «если фальсификации выборов были всеобщим явлением в 1935 г. и начало следствия в деле показаний Мальского стало бы грозным прецедентом, либо же эти фальсификации делались на основе указаний высших властей» [14. S. 506], – делал вывод историк.

Списки утвержденных окружными избирательными собраниями кандидатов были опубликованы 17 августа [15. 17 VIII], но они менялись в связи с неутверждением отдельных кандидатов или их отказом баллотироваться. Результаты выборов кандидатов в округе 55 были признаны недействительными, окружная комиссия «не смогла установить результата голосования собрания, поэтому избирательный комиссар снова созывает окружное собрание в Пинске», сам комиссар был заменен. Повторные выборы привели к утверждению списка из четырех кандидатов, в котором отсутствовала фамилия «общественной деятельницы» З. Цедзыньской [12. 23–27 VIII]. От 13 кандидатов комиссии не получили согласия баллотироваться, и они были признаны «отказавшимися баллотироваться» [12. 22 VIII].

Среди утвержденных оказались непланировавшиеся властями кандидаты. В округе 93 (Познань) отчет ББВР называет двух таких кандидатов [9. Zesp. 62. Sygn. 40. К. 61, 62]. Согласно внутренним документам ББВР лишь в 51 окружном собрании (из 104) утверждение кандидатов произошло в соответствии с планами ББВР, 26 таких собраний заседало в восточных воеводствах [9. Zesp. 62. Sygn. 43. К. 1–18]. ИБ МВД приводит данные о кандидатах, утвержденных на первом-втором местах в списках: 65 бывших депутатов Сейма (шесть украинцев и три еврея), по занятиям – мелкие землевладельцы (49), представители самоуправления (21), крупные землевладельцы (20), государственные чиновники (18), профессора и учителя (14), адвокаты и чиновники частных учреждений (по 12) [9. Zesp. 8. Cz. VI. Sygn. 3-21A. К. 30, 83–88].

25 августа прошли участковые собрания, избравшие по одному выборщику в воеводские коллегии (они должны были избирать сенаторов), в которых участвовало по 90–120 избирателей. Явка по участкам колебалась от 48 до 90% [10. 24–27 VIII], а в среднем по стране составила 62,4% [16]. Относительно высокий процент явки А. Айненкель объясняет тем, что эти выборы «имели для оппозиции меньшее значение», а лицам имевшим право голоса в Сенат «лозунги бойкота выборов говорили в меньшей степени» [1. S. 199]. В отчете Келецкого ВУ сообщалось, что в числе выборщиков оказались по одному представителю от СН, ПСХД и ППС, трое беспартийных, остальные 39 – это члены или симпатизирующие ББВР [9. Zesp. 1378. Sygn. 267/II-13. К. 139a (tyl.)]. По документам избирательных комиссий на участковых собраниях в округах 54, 55 и 74 выдвигалось по 1–3 кандидата, из которых выборщик избирался преимущественно в первом и втором турах [11. Ф. 493. Оп. 7. Д. 2. Л. 14об.–15, 70; 12. Спр. 8. Арк. 2–4].

Потенциальные кандидаты в сенаторы и поддерживающие их организации обращались к властям за поддержкой. Военный осадник из Волыни к своему заявлению премьеру о готовности быть выдвинутым кандидатом присоединил декларацию: «Я, Францишек Токарчук, данным предоставляю декларацию абсолютного послушания в отношении правительства П[ольской] Р[еспублики]» [9. Zesp. 8. Cz. VI. Sygn. 3-21A. К. 37]. Союз подофицеров резерва направил председателю ББВР девять телеграмм и писем с просьбой местных организаций и съездов о

выдвижении его деятеля А. Якубовского сенатором [9. Zesp. 8. Cz. VI. Sygn. 3-21. K. 205–213].

Власти противодействовали оппозиционным партиям в бойкоте выборов и стигматизировали внутренние разногласия в них. Отчеты ВУ и оппозиционная пресса содержат сведения о репрессиях властей против оппозиции, особенно СН: запретах или закрытиях мероприятий, конфискации печатной продукции, обысках и арестах, отправке в концентрационный лагерь в Березе Каргуской. Поморское ВУ сообщало об эффективности мер против СН: «Несколько случаев репрессивных распоряжений по отношению к открыто призывающим к бойкоту выборов направило агитацию на пути более умеренные и осторожные» [9. Zesp. 1383. Sygn. 273/III-26. K. 110].

Функционер СН из Быдгощи жаловался министру внутренних дел, что полиция закрыла собрание партии, причем комендант полиции сознательно творил незаконные, так как, по его словам, «имел четкий приказ п[ана] вице-старосты не допустить до собрания» [9. Zesp. 8. Sygn. 3–15. K. 43]. Печатный орган СН цитировал распоряжение пшемысльского старосты о запрете митинга, поскольку его проведение «6 сентября в базарный день при одновременном возбуждении населения предвыборной кампанией может привести к угрозе безопасности, спокойствию или общественному порядку». Митинг был закрыт властями, а местный руководитель СН арестован [17. 6–7 IX]. Силезское ВУ также боролось преимущественно против СН, из 78 задержанных в последнюю неделю перед выборами был 51 представитель этой партии, 21 – ПСХД и один – ППС. В Гдыни по отчету Поморского ВУ три инициатора увеличения количества печатных изданий ППС «по решению суда были отправлены в тюрьму». Волыньское ВУ сообщало, что помимо государственным властям в противодействии бойкоту оказало самоуправление на уровне гмин и сельских общин [9. Zesp. 1383. Sygn. 273/III-26. K. 114; Zesp. 1385. Sygn. 275/II-21. K. 177, 178, 180; 12. Ф. 492. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 1].

Власти использовали стремление части бывших депутатов от партий сохранить статус парламентариев и связанных с партиями профсоюзов иметь своих представителей в парламенте. Из оппозиционных партий по отчету МВД за май СЛ было наименее единым отношение к выборам: часть руководства партии выступала «за решительный бойкот выборов», другая допускала его без «отчетливого желанья», третья же «склонялась к соглашению с правительством за цену выторговывания некоторого числа мандатов» [9. Zesp. 9. Sygn. 853. K. 75].

Именно склонные к компромиссу и имевшие влияние на местах людовцы пошли на соглашение с властями и против бойкота выборов, что привело к расколу в СЛ на рубеже июля – августа. Центральный орган СЛ «Zielony Sztandar» требовал от раскольников публично ответить на риторические вопросы: были ли они «у министра внутренних дел Косьцялковского и договаривались ли они по вопросу участия в выборах или нет?»; были ли они «у премьера Славека по вопросу выборов или не были? Предложили ли ему список с фамилиями отщепенцев как кандидатов в депутаты или не предложили?» Демонстрируя свою осведомленность, орган СЛ предлагал при отсутствии правдивых ответов поведать об ответе Славека [18. N 58]. В сообщениях Комиссара правительства в Варшаве упоминалось о переговорах властей с раскольниками СЛ, где речь шла о гарантии получения теми депутатских мандатов и возможности «создать в будущем Сейме идейную и солидарную группу, представляющую мелкое крестьянство». Руководитель СЛ М. Ратай полагал, что обязательства раскольников «перед п[аном] министром Косьцялковским вероятно такие далеко идущие, что в настоящее время они не имеют другого выхода, как путь раскола». Он же считал, что раскол консолидировал СЛ, осудившую раскольников, а всего партию покинуло 14 ее ведущих деятелей [19. K. 439, 444, 502].

По сообщениям комиссара правительства в Варшаве власти вели переговоры и с другими политическими силами. Часть лидеров НПП пошла на разрыв с партией в обмен на поддержку властями их кандидатур на выборах. На то же рассчитывали руководители близких к НПП профсоюзов, после избирательных собраний обвинявших «санацию, что она не придерживалась пакта». Один из лидеров СН К. Верчак сообщал, что и «к нему обращалась санация и предлагала мандат, но он ответил отказом» [19. К. 444, 466].

Основное внимание властей, оппозиции и польского общества в целом было сосредоточено на состоявшихся 8 сентября выборах в Сейм. Власти прилагали усилия для того, чтобы обеспечить больший процент участвующих в выборах и провести намеченных кандидатов.

В письме организации ППС из Келецкого воеводства сообщалось: в Заверце «социальные работники ходили по домам и грозили людям, что если они хотят работать или получать помощь по срочной акции, должны идти голосовать. Был поднят настоящий ураган просьб и угроз»; в деревни санация «выслала войтов, солтысов и постовых, чтобы пригонять избирателей к урнам, угрожая сопротивляющимся карами» [9. Zesp. 1378. Sygn. 267/II-13. К. 172 (tyl.)]. «Zeilony Sztandar» сообщал, что в Лукувском повете голосовали те, кто «боялся наказания, объявленного солтысами, по 50 зл. от каждого, кто бы не голосовал», а в Велюньском повете солтысы «направили в деревню с подводами, чтобы свозил голосующих» [18. N 62]. «Gazeta Grudziądzka» писала о давлении властей Люблинского воеводства на избирателей: в Билгорайском повете крестьян запугивали, что «у неголосующих отберут землю, полученную по парцелляции»; в Ленчице представители городских служб «обходили дома и выгоняли людей на голосование, угрожая последствиями» [20. 21 IX]. «Warszawski Dziennik Narodowy» цитировал заявление члена участковой комиссии в Томашуве-Любельском о том, что председатель комиссии «делал выписки из списка избирателей тех лиц, которые еще не голосовали», и эти выписки были предназначены «для вручения повесток избирателям». Повятовый староста заявил комиссии, что председатель «имел право давать записи посторонним лицам», и вопреки закону «дал указания Комиссии», которые могли повлиять на результат голосования [18. 13 IX].

Власти на местах стремились повлиять на волеизъявление избирателей. Проправительственный кандидат из Новогрудского воеводства, ссылаясь на председателей участковых комиссий, вспоминал: «Во время голосования к ним обращались коменданты местных постов полиции и с глазу на глаз заявляли, что староста говорил им, что правительство только делает вид, что хочет видеть меня в Сейме, а в действительности желает, чтобы я в выборах не прошел. С этой целью следует после окончания голосования удалить из урны опущенные туда избирателями бюллетени, и положить эти. И тут комендант поста подсовывал председателю комиссии пачку избирательных бюллетеней, на которых мое имя было вычеркнуто». Председатели «езде отвергли эти предложения», кроме, возможно, одной гмины, и там «это мероприятие старосты удалось» [21. S. 231–232]. В протесте на выборы из округа 36 писалось, что солтыс «сидел за шторой [в кабине для голосования] и заполнял бюллетени» [8. Sygn. 124. К. 6, 10, 19]. На участках со значительным влиянием оппозиции фальсификация во время выборов была затруднена. «Gazeta Grudziądzka» сообщала, что в Вадовицком повете тех, «кто хотел “помогать” дописыванием бюллетеней, ждало разочарование», поскольку в комиссиях в качестве доверенных лиц находились людовцы. «Потому-то в Вадовицком 10 проц. голосующих, поскольку был контроль над урнами, в Живецком же, где этого контроля не было, насчитали больший процент голосующих» [20. 19 IX].

В целом властям удалось не допустить крупных выступлений оппозиции в день выборов. По отчету о выборах Волынского ВУ «полицейская служба была патрулирующей, а постоянную охрану на участках несли пожарная стража и Союз

резервистов» [10. Ф. 492. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 3]. Властями были запрещены «распитие и продажа алкогольных напитков как в ресторанах, так и магазинах» с 12 часов дня 7 сентября до 12 часов дня 9 сентября [12. 5 IX]. Однако ряд инцидентов властям предотвратить не удалось. Отчеты ВУ сообщают о нападениях членов СН на избирательные участки: в Скерневицком повете Варшавского воеводства, где было задержано 60 человек; в двух поветах Поморского воеводства, в Выжицком повете выборы были сорваны на четырех участках, «пролита кровь и 4 человека погибли» [9. Zesp. 1384. Sygn. 274/II-23. К. 111, 115; 7. Zesp. 475/II. Sygn. 91. К. 177].

О том, как избирательные комиссии вели подсчет голосов и определяли результаты выборов, свидетельствуют протоколы заседаний избирательных комиссий из округов. В округах 35, 36, 54, 55 и 74 недействительными были признаны от 1,0 до 3,87 % голосов [8. Sygn. 117. К. 164; Sygn. 122. К. 187; 10. Спр. 5. Арк. 25; 11. Ф. 493. Оп. 6. Д. 3. Л. 130; Оп. 7. Д. 11. Л. 4]. В округе 35 доверенные лица проигравшего кандидата представили комиссии замечания по выборам, прося признать недействительными результаты голосования, однако комиссия замечания о «якобы имевших место неправомерных действиях во время голосования» на двух участках округа «единогласно признала несущественными» [8. Sygn. 117. К. 159–160, 164]. Подсчитав голоса, комиссии признали депутатские мандаты двух кандидатов в каждом округе, набравших больше всего голосов и не менее чем по 10 тыс.

В документах избирательной комиссии округа 54 имеются неполные данные об опущенных незаполненных бюллетенях, которых там было подавляющее большинство. Например, в Каширском повете на одном участке из 1190 опущенных бюллетеней 1187 были незаполнены, на другом – из 903 – 900; в Косовском из 1520 – 1511. В протоколе заседания комиссии округа 55 отмечалось, что на одном участке Лунинецкого повета «опущены все бюллетени чистыми, без отметок», в связи с чем комиссия засчитала по 304 голоса из 304 опущенных на участке бюллетеней в пользу первых двух кандидатов в списке [11. Ф. 493. Оп. 6. Д. 3. Л. 165, 188, 203; Оп. 7. Д. 11. Л. 3 об.].

Имеются свидетельства фальсификации выборов посредством вброса бюллетеней. Бывший войт Л. Мальский сообщал, что дубенский староста перед выборами «на специальном инструктаже велел старостам, чтобы в участковых комиссиях сообщили количество голосующих таким образом, чтобы их число колебалось от 50 до 80% имеющих право голоса», одновременно «к сведению старосты» должен был вестись правильный подсчет. Войты, как председатели участковых комиссий, после проверки голосов «вбросили некоторое количество фиктивных голосов». Из устных отчетов войтов старосте следовало, что «на некоторых участках официальное число голосов увеличено посредством вброса от 100 (видимо 10. – *И.К.*) до 100% в отношении к количеству голосов, отданных фактически» [9. Zesp. 9. Sygn. 1122. К. 1–5; 29]. О вбросе бюллетеней в урны упоминал в мемуарах находившийся в эмиграции лидер СЛ В. Витос: в Новогрудском воеводстве «вброшено более ста процентов голосов», вброс имел место также в Познаньском воеводстве, Малой Польше, Варшаве [22. S. 87].

Из 204 депутатов Сейма были избраны 202, в Лодзи в округах 15 и 16 избрали только по одному депутату, поскольку другие кандидаты не набрали положенных 10 тыс. голосов. Депутатами были выбраны 85 кандидатов из находившихся на первом месте в списках, 80 – на втором, 25 – на третьем, шесть – на четвертом, восемь – на пятом, по одному – на шестом и восьмом местах [12. 12 IX]. В Сейм были избраны премьер В. Славек, министры М. Зындрам-Косыцковский, Ф. Славой-Складковский, А. Коц, санационные деятели В. Стпичиньский, С. Цар, Б. Медзиньский, Я. Желиговский, Б. Подоский, раскольник из СЛ С. Татрчак, представители украинских партий С. Тимошенко, В. Мудрый, В. Целевич

и еврейских партий Л. Минцберг, Э. Соммерштейн. В основном депутатами были избраны неискушенные в политике люди. Лишь около половины из них были заранее одобрены властями и ББВР. В сейм не были избраны львовский воевода А. Бильк (в Лодзи), пилсудчик-консерватор С. Мацкевич (Цат), большинство раскольников из партий оппозиции.

Результаты выборов оказались для санации, трактовавшей их как плебисцит и опиравшейся на административный ресурс и проправительственные организации, поражением. По официальным данным из 16 282 347 имеющих право голоса граждан участие в выборах в Сейм 8 сентября приняли всего лишь 7 575 681 (46,51%) [15. 10 IX]. На воеводских избирательных коллегиях, прошедших 15 сентября избравших сенаторов, присутствовали 99,2% выборщиков [16]. Явка избирателей и успехи санационных кандидатов были хуже в центральной и западной Польше и значительно лучше в восточной. Последнее было результатом давления на население, злоупотреблений и фальсификаций результатов выборов административными властями. В центральных и западных воеводствах власти делали основной упор на противодействие кампании партий по бойкоту выборов. Основная организационная деятельность по выборам и реализации указаний высших властей проводилась административными властями воеводского и особенно повятового уровня. Они организовывали избирательные институты и избирательный процесс на местах, финансировали и обеспечивали безопасность избирательных мероприятий, руководили деятельностью проправительственных организаций, подбирали и обеспечивали избрание намеченных кандидатов; противодействовали оппозиции в бойкоте выборов; оказывали, не всегда в соответствии с законом, влияние на избирательные институты, кандидатов, избирателей для достижения выгодного властям результатов выборов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Historia sejmu polskiego. Warszawa, 1989. Т. II. Cz. II.
2. Samsonowicz H., Tazbir J., Lepkowski T., Nalecz T. Polska. Losy państwa i narodu do 1939 roku. Warszawa, 2003.
3. Roszkowski W. Najnowsza historia Polski. Warszawa, 2003. Т. I. 1918–1945.
4. Wieczorkiewicz P. Ostatnie lata Polski niepodległej. Warszawa, 1991.
5. Wieczorkiewicz P. Historia polityczna Polski. 1935–1945. Warszawa, 2005.
6. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1935.
7. Ajnenkiel A. Konstytucje polskie. 1791–1997. Warszawa, 2001.
8. Archiwum Państwowe Lubelskie. Zesp. 403.
9. Archiwum Akt Nowych.
10. Львівський державний історичний архів України у Львові. Ф. 521. Оп. 1.
11. Государственный архив Брестской области.
12. Gazeta Polska. 1935.
13. Ajnenkiel A. Parlamentaryzm II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1975.
14. Tomaszewski J. Kulisy wyborów do Sejmu w 1935 r. // Kwartalnik Historyczny. 1959. N 2.
15. Monitor Polski. 1935.
16. Mały Rocznik Statystyczny. 1939. Warszawa, 1939.
17. Warszawski Dziennik Narodowy. 1935.
18. Zielony Sztandar. 1935.
19. Archiwum Państwowe miasta stołecznego Warszawy. Zesp. 72\1\0. Sygn. 355.
20. Gazeta Grudziądzka. 1935.
21. Szymanowski G. Dwanaście lat – wspomnienia z lat 1927–1939. Toruń, 1998.
22. Witos W. Moja tułaczka w Czechosłowacji. Warszawa, 1993.

© 2011 г. И.В. МИХУТИНА

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЙ СОЮЗ 1920 ГОДА

В статье рассмотрены мотивы и обстоятельства заключения в 1920 г. союза между Украинской народной республикой (УНР) и Польшей. Петлюровское руководство УНР искало средство возвращения утраченной государственной территории. Польский лидер Ю. Пилсудский рассматривал союз как повод для продолжения экспансии на восток с целью изменения геополитического баланса так, чтобы Польша заняла место России в Восточной Европе.

The article regards the reasons and circumstances of setting an alliance between the Ukrainian People's Republic (UNR) and Poland in 1920. This way Petliura's government was trying to get back the recently lost state territories. The Polish leader J. Pilsudski considered the alliance as a pretext for continuing the East expansion aimed at changing geopolitical balance, so that Poland were able to take over the place of Russia in Eastern Europe.

Ключевые слова: Украинская народная республика, Польша, 1920 г., союзный договор, военная конвенция, проект экономического соглашения.

Февральская революция 1917 г. сняла государственные барьеры, мешавшие свободному национальному развитию украинского народа. Однако развернувшийся на пространстве бывшей Российской империи, включая Украину, революционный процесс не ограничился обеспечением гражданского и национального равноправия. Вскоре на первое место в общественной жизни вышла социальная и внешнеполитическая проблематика. Деятели Февраля оказались бессильны перед этими проблемами, что привело к Октябрьскому, большевистскому этапу революции.

Деятели украинского национального движения, умеренные социалисты из Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП) и Партии украинских социалистов-революционеров (эсеров), чтобы изолировать Украину от общероссийского революционного потока, стимулировали провозглашение Центральной радой 7 (20) ноября 1917 г. Украинской народной республики (УНР).

Но настроения украинских масс были созвучны общероссийским, а мысли сосредоточились на идее земельной реформы и скорейшего выхода из Первой мировой войны. Медлительность и противоречивые действия правительства УНР в этих вопросах разочаровали многих украинцев, что создало почву для образования левыми украинскими активистами в Харькове в декабре 1917 г. нового украинского государственного центра советского образца.

Эта альтернативная украинская власть смогла вооруженным путем установить контроль над большей частью края не только благодаря поддержке российских революционных отрядов, но главным образом потому, что в возникшем проти-

---

Михутина Ирина Васильевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

в борьбе у киевского правительства оказалось слишком мало защитников. «Все наши широкие массы солдат не оказывали им (большевистским отрядам. – *И.М.*) никакого сопротивления и даже переходили на их сторону, почти все рабочие каждого города были за них, в селах сельская беднота явно была большевистской, словом, огромное большинство именно украинского населения было против нас [...] Единственной нашей военной силой являлась интеллигентная молодежь и часть национально-сознательных рабочих» [1. С. 215, 217]. Это признание по горячим следам событий сделал глава киевского правительства известный писатель В.К. Винниченко в книге, опубликованной в начале 1920 г.

Теряя государственную территорию, киевское руководство УНР нашло для себя выход в заключении – отдельно от России и, опередив ее, – мирного договора со странами Четверного союза и в приглашении на Украину для изгнания большевиков австро-германских войск. Последние в апреле 1918 г. решающим образом содействовали государственному перевороту и установлению власти гетмана П.П. Скоропадского. Пребывание чужеземного воинства запомнилось украинскому народу как жестокая, грабительская оккупация, вызвав стихийное сопротивление.

Лидеры УНР восстановили республику на волне народного восстания, поднятого после краха австро-германского блока в Первой мировой войне, но их социальная и политическая программа по-прежнему не соответствовала сдвигавшимся влево настроениям масс, не позволив объединить и сделать своей силовой опорой разрозненные повстанческие отряды, многие из которых продолжали действовать самостоятельно под анархическими или советскими лозунгами, некоторые выродились в банды.

В революционную эпоху недостаток общественной поддержки и слабость силовой составляющей сделали проблематичной прочность восстановленной власти. Тем не менее Директория (высший распорядительный орган УНР) в январе 1919 г. официально объявила войну советской России, в результате чего уже в феврале вновь потеряла свою столицу – Киев. До августа 1919 г. войска республики по умолчанию совместно с Добровольческой армией А.И. Деникина вели на Украине борьбу против Красной армии. Но, одновременно с добровольцами подойдя к Киеву и вытеснив оттуда красных, рассорились с деникинцами, и обрели в их лице грозного врага, сократившего вскоре государственную территорию УНР почти до одной Подольской губернии.

Польша тоже значилась в числе преуспевающих на поле битвы противников Украинской республики. К июлю 1919 г. в войне с Западно-Украинской народной республикой (ЗУНР – государство, образованное в Восточной Галиции после распада Австро-Венгрии, с января 1919 г. в результате объединения сделалось частью УНР под названием ее Западной области – ЗО УНР) польским войскам превосходящими силами удалось захватить всю Восточную Галицию, удерживать за собой этнически украинские Холмщину и Подлесье и развернуть наступление на Вольни.

Глава Директории УНР и Главный атаман (Верховный главнокомандующий) С.В. Петлюра, чтобы сосредоточиться на борьбе против деникинцев и большевиков, направил в Польшу дипломатическую миссию во главе с А.Н. Ливицким, готовый замирился даже ценой признания за ней захваченных украинских земель. Однако стремление таким путем сократить для своей армии фронт борьбы только ослабило УНР и ее руководство в военном и морально-политическом отношении. Личный состав пришедших из Восточной Галиции стрелковых корпусов, ставших самой организованной, боеспособной и многочисленной частью армии УНР, был возмущен готовностью Петлюры отдать их родину Польше; в знак протеста галицийские корпуса перешли на сторону добровольцев, а после их разгрома – в Красную армию.

Руководство же УНР, чтобы оставшаяся еще в его распоряжении малая часть государственной территории не досталась деникинцам, предложило занять ее, включая свою импровизированную столицу – Каменец-Подольский – польским войскам, что те охотно выполнили. Одновременно, по свидетельству главы правительства УНР И.П. Мазепы, польская военная разведка хитрым способом поспособствовала окончательной ликвидации украинской армии [2. С. 145–156]. Лишь Главному атаману Петлюре польское командование на 5 декабря назначило выезд в Польшу в качестве «гостя» польского лидера, Начальника государства Ю. Пилсудского. Информация об этом содержалась в коммюнике Главного командования Войска польского, датированном 4 декабря: «Последние сведения: остатки петлюровской армии окончательно распались, переходя к большевикам, частью – к повстанческим отрядам в Приднепровье. Петлюра с пятью офицерами в сопровождении польского офицера приезжает в Варшаву. Он выражает желание переехать в Чехословакию (т.е. выйти из политической игры. – *И.М.*). Остатки украинской армии нами разоружены и направлены в концентрационные лагеря» [3. Ф. 308/К. Оп. 9. Д. 1. Л. 254].

Как раз в это время польские дипломаты получили от миссии Ливицкого в Варшаве признание со стороны УНР необходимых Польше обязательств. Самым трудным для делегации, в которую входили и галицийцы во главе с государственным секретарем Западной области УНР С. Витвицким, представлялся вопрос о польско-украинской границе. В полномочиях, полученных делегацией от руководства УНР, предлагалось не идти на уступки в вопросе о Восточной Галиции и вместе с тем подчеркивалось, что судьбу этого края надлежит решать мирной конференцией в Париже [4. С. 97], которая, впрочем, уже предоставила Польше временный мандат на управление в Восточной Галиции. Ливицкий на заседании ЦК УСДРП 29 января 1920 г. рассказал, как проходили переговоры в Варшаве. На первом заседании, 28 октября его миссия огласила декларацию, в которой предлагалось при установлении украинско-польской границы руководствоваться этническим принципом, а решение земельного вопроса предоставить будущему украинскому парламенту; при этом заявлялось, что правительство УНР ожидает признания Польшей независимости Украины и настаивает на изменении режима в оккупированных поляками местностях. На следующем заседании, 30 октября польская делегация отвергла украинские условия, противопоставив им свои непреклонные требования. В дальнейшем на фоне приближавшейся катастрофы УНР украинская делегация сочла за лучшее отступить от инструкции правительства и пересмотреть свою первоначальную декларацию. Доложить об этом правительству, покинувшему Каменец-Подольский, уже не удалось [2. С. 186–187]. Готовность приднепровцев уступить Польше в вопросе о Восточной Галиции вызвала напряженность в делегации. Ливицкий убеждал галицийских коллег, что Польша предоставит краю национально-территориальную автономию, условия автономии будут вырабатываться с участием украинцев и т.д. Галицийцы не согласились и в знак протеста вышли из состава миссии [5. С. 182–183]. Неуверенное сопротивление украинской дипломатической миссии было окончательно сломлено угрозой поляков разорвать соглашение о перемирии. 2 декабря 1919 г. миссия от имени правительства выступила с новой декларацией, в которой назвала допустимые, с ее точки зрения, контуры западной границы УНР: от Черного моря по Днестру, вдоль Збруча и через Волинь, оставляя за Польшей северо-западную часть этой области и всю Восточную Галицию; в декларации содержалось обещание гарантировать национально-культурные права проживавших на Украине поляков и неприкосновенность их земельной и другой собственности. Было заявлено, что взамен от польской стороны ожидается признание УНР и заключение с ней соглашений военного, торгового и консульского характера; оказание УНР помощи оружием, боеприпасами, армейской экипировкой, а также

срочный транзит через Польшу украинцев, попавших в плен во время Первой мировой войны, и пропуск военных материалов. Под документом отсутствовали подписи галицийцев и одного из членов делегации УНР П. Мшанецкого [6. Т. 2. S. 461–463].

Катастрофа УНР прибавила определенности в вызревавший у Ю. Пилсудского план продолжения начатой почти год назад войны против советской России. О содержании этого плана можно среди прочих свидетельств судить по секретному политическому коммюнике командования польского Вольнского фронта от 1 марта 1920 г., «явно инспирированному», по словам публикатора, самим Ю. Пилсудским [7. S. 187]. «В настоящее время, – читаем в документе, – польское правительство намерено поддерживать украинское национальное движение, чтобы создать самостоятельное Украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, отбирая у нее окраину, богатую хлебом и природными богатствами. Руководящей идеей создания самостоятельной Украины является **создание барьера между Польшей и Россией** (выделено в тексте. – *И.М.*) и переход Украины под польское влияние и обеспечение тем самым экспансии Польши на восток как экономической – с целью создания себе рынка сбыта, так и политической» [7. S. 160].

Несколько позже сам Начальник государства изложил свою точку зрения в инструкции для военного представителя Польши генерала Т. Розвадовского перед поездкой того в Румынию: «Польша охотно предпримет инициативу совместной с Румынией работы по поддержке Украины в ее усилиях по организации собственного государства, которое отгородило бы нас и Румынию от России государством по природе своей слабым и при желании оставаться независимым ищущим опоры в Польше и Румынии. Общие интересы заключались бы в том, чтобы повернуть Украину, опирающуюся на наши два государства, на восток и таким способом заслонить те составные части обоих наших государств, которые имеют в большой численности украинское население – как то: Бессарабию и Буковину у них, у нас – Восточную Галицию и части Волыни. Мы направляем на эту цель в настоящее время наши военные усилия и содействие в организации Украины при помощи поляков, происходящих оттуда (с Украины. – *И.М.*); если Румыния на такой основе хочет быть с нами, то должна, как мы, признать правительство Директории с Петлюрой во главе и таким путем хотя бы морально поддержать нашу действительную украинскую политику. Следует при этом упомянуть, что таким образом мы вместе делаем нашу внешнюю политику независимой от капризов Антанты, вместе устраняем большевистскую и империалистическую опасность со стороны России и, наконец, вместе сможем извлечь особую пользу из такого богатого края, как Украина» [8. S. 98]. Румынское правительство не поддержало предложение официальной Варшавы, не желая неизбежного обострения и без того напряженных отношений с советской Россией.

Украинский проект Ю. Пилсудского заведомо имел много противников. Это и западные правительства, по соображениям разного порядка не желавшие отделения Украины от России, и оппоненты Начальника государства внутри страны – национальные демократы, считавшие лишним существование самостоятельной Украины. Потому польский лидер и после катастрофы УНР предпочел вмешаться в российско-украинские отношения так, чтобы украинская сторона согласилась пойти на союз с вчерашним, а также и историческим противником – Польшей и при этом признала бы за последней все требуемые ею территориальные и другие выгоды от запроектированного союза. Для претворения в жизнь задуманной комбинации как раз и нужен был вынужденный «гость» Варшавы Петлюра, не имевший воли признать необратимость понесенного поражения и сложить с себя полномочия первого лица УНР. Заполучив такого партнера, польская сторона решила, что настало время возобновить переговоры.

10 марта 1920 г. представители польского правительства сообщили об этом дипломатической миссии Ливицкого, подчеркнув, что намерены завершить их в самое короткое время. На заседании 12 марта польские участники переговоров объявили условия, на которых их правительство считало возможным официальное признание Украинской народной республики. Петлюровское руководство «исключительно от безысходности», как потом объясняли его представители, выразило принципиальное согласие на неблагоприятное, с их точки зрения, предложение поляков. В чем была суть польского предложения, Петлюра изложил И.П. Мазепе в письме от 15 марта. Польша хочет получить, писал он, «Ковельский, Луцкий, Дубенский, Ровенский и часть Кременецкого уездов. Про это официально сегодня не говорят, но завтра–послезавтра могут решительно заявить. Что нашей миссии удастся отстоять, сказать нельзя. Во всяком случае, без того или иного соглашения с Польшей мы не можем возобновить государственную работу. Тем более, что в Румынии [...] невозможна работа (в пользу Украины. – *И.М.*), если одновременно или даже раньше не смягчить отношения с Польшей» [9. С. 11]. Далее глава Директории рассуждал о том, что на Румынию нельзя надеяться ни в плане доступа к морю для связи с внешним миром, ни в снабжении оружием и боеприпасами, и делал из всего перечисленного вывод: «Остается Польша как единственное более или менее широкое окно в Европу в смысле транспорта и сношений. Без соглашения с Польшей абсолютно невозможна серьезная работа для нашей государственной жизни. Я смотрю так. Нам придется идти на уступки полякам с тем, что последнее слово по решениям, которые может принять наша миссия в Варшаве, скажет наш будущий парламент» [9. С. 12]. В письме Петлюра умолчал о том, что вместе с территориальными требованиями польская сторона предложила совместный военный поход на Украину.

Условия военного сотрудничества беспокоили правительство УНР. Памятуя о роковых последствиях австро-германской военной помощи в 1918 г., оно боялось повторения подобного опыта, на этот раз – с участием польских войск. В январе совещание находившихся в Варшаве украинских министров в присутствии Петлюры утвердило решение по этому поводу: «Признавая, что продвижение на Украину польских войск является нежелательным и вредным, совещание считает необходимым, чтобы [дипломатическая] миссия в Польше приложила все усилия к тому, чтобы предостеречь поляков от наступления на Украину. Население Украины должно быть оповещено, что правительство против продвижения польских войск на Украину» (цит. по [4. С. 104]). Почти одновременно с этим глава кабинета И.П. Мазепа, воочию наблюдавший, оставаясь в занятой польскими войсками части Подолии, вред, наносимый краю их присутствием, горячо говорил на заседании ЦК УСДРП: «Мы ни в коем случае не можем допустить, чтобы на Украину пришли новые чужеземные силы. Это вновь оттолкнуло бы от нас народные массы [...]. Надо [...] быть настороже, чтобы поляки, пользуясь нашим тяжелым положением, вообще не двинулись на Украину» [2. С. 189]. Правительство ожидало от Польши предоставления оружия, боеприпасов, экипировки для украинской армии, которую хотело восстановить в целях борьбы за возвращение государственной территории национальными силами.

Но члены дипломатической миссии, получив предложение поляков о походе их войск на Украину, на том же заседании 12 марта дали на это согласие. Ливицкий, «гибкий оппортунист», по определению Мазепы [2. С. 224], оправдываясь, сообщал в письме, датированном 15 марта, что за последние три недели он в Варшаве виделся с итальянским, румынским, чешским, финским, латвийским посланниками, с коммерсантами и журналистами из Англии и Франции, в ближайший день намечена встреча с английским посланником, затем – с французским. И все эти встречи показали автору письма, что «ни одно из этих государств не думает серьезно о нашем (Украинской народной республики. – *И.М.*) признании. Для этого

им нужно, чтобы мы имели постоянную территорию [...] Европа предоставила наше национальное дело воле Польши, решение которой признает вся Европа». Аудиенции же у Ю. Пилсудского и С. Патека (министр иностранных дел Польши. – *И.М.*) произвели на главу дипломатической миссии «благоприятное впечатление» [9. С. 12]. Оставалось ознакомиться с проектом договора, который польское правительство обещало представить в ближайшие дни. Однако обещанное случилось не сразу.

Лишь 3 апреля 1920 г. польская сторона представила свой проект политического договора с УНР и потребовала ответа не позднее 7 числа того же месяца. Украинская делегация нашла польские условия неприемлемыми. Но, написал А.Н. Ливицкий 8 апреля И.П. Мазепе, состоялась аудиенция у Ю. Пилсудского, а также встречи с рядом польских политиков. Пилсудский пообещал приказать, чтобы были «сделаны соответствующие уступки» [9. С. 13]. На заседании 9 апреля украинцы предложили, чтобы признание УНР как самостоятельного государства вместе с признанием правительства было оформлено – согласно принятой международной практике – отдельным от договора о союзе актом с последующей его публикацией; в территориальном вопросе они пытались добиться государственного разграничения по старой австрийской границе, оставлявшего Волынь и Подолию на украинской стороне а также восстановления в этих областях гражданской администрации УНР [9. С. 13].

Но еще 8 апреля капитан В. Чарноцкий, сотрудник польской разведки, участник переговоров, телеграфировал из Варшавы капитану В. Славеку, известному соратнику Ю. Пилсудского, который, возглавляя разведку 6-й польской армии, на месте, в Каменец-Подольском, планировал обустройство Украины на польский лад: «У нас дела очень осложняются. Большевики дали ответ, равнозначный нашему международному конфузу (это, очевидно, – о советских дипломатических нотах с сообщением об отказе Варшавы от мирных переговоров с Москвой, направленных 8 апреля западным правительствам. – *И.М.*). Украинцы с полным бесстыдством посмели предложить на сегодняшних переговорах линию Буга (то есть оставить западные уезды Волыни за пределами Польши. – *И.М.*). Приезд господина капитана был бы очень желателен, так как, похоже, будут приняты важнейшие решения, и нужно будет господ украинцев выгнать из Варшавы» [З. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 1. Л. 145]. До этого, правда, дело не дошло. Однако 10 апреля, перед самой Пасхой, «в страстную субботу, был – по словам Ливицкого, – и вправду страстной день»: представители польского МИД ультимативно и «в оскорбительной форме» подтвердили свои территориальные претензии, потребовав ответа до понедельника, 12 апреля. Ливицкий тут же заявил, что, не дожидаясь понедельника, отклоняет требования. Члены делегации приготовились забрать свои паспорта и уехать на Украину. Но вслед за этим произошли некие встречи, которые будто бы внушили украинским дипломатам надежду на «разумное завершение переговоров» [9. С. 14].

14 апреля Ливицкий, проведя последнее совещание с главой польской делегации А. Залесским, выехал в Каменец-Подольский, чтобы представить правительству УНР согласованный проект договора. Однако из членов правительства его одобрили только военный министр В. Сальский и сам Ливицкий. В связи с этой неудачей Славек 16 апреля телеграфировал в адъютантуру Верховного главнокомандующего, что Ливицкий «проведет переговоры во всех общественно-политических кругах и только 18 апреля даст окончательный ответ, который, надеется, будет положительным [З. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 1. Л. 185]. Надежда оказалась неоправданно оптимистичной. Дипломатическую деятельность Ливицкого, как и содержание проекта, раскритиковали даже его однопартийцы – украинские социал-демократы. Одобрил проект только оппозиционный правительству Украинский национальный совет и то лишь в виде устного заявления заместите-

ля председателя Совета. Резолюции же, принятые от имени входивших в Совет партий – социалистов-самостийников, социалистов-федералистов и хлеборобов-демократов – свидетельствовали о том, что их лидеры «не могли гарантировать поддержку и сочувствие проекту со стороны этих партий». Так по ознакомлении с резолюциями охарактеризовал их содержание советник украинской дипломатической миссии П.Д. Понятенко (цит. по [9. С. 14–15]).

Тем не менее Ливицкий из Каменец-Подольского через Славека попросил немедленно уведомить Петлюру, а также Верховного главнокомандующего польской армией и министра иностранных дел, что «соглашение в целом принято». Это сообщение 18 апреля пошло с грифом «Секретно. Очень срочно. Выслать перед всеми другими депешами» [З. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 190]. Однако спешка оказалась излишней. Польское военно-политическое руководство пренебрегло такой формальностью, как необходимая санкция правительства УНР. 17 апреля был издан приказ об исходном боевом порядке польских войск при наступлении на Волынь и Подолию, подписанный «Первым маршалом Польши и верховным главнокомандующим Пилсудским». Наступление должно было начаться 25 апреля и имело задачей разбить 12-ю советскую армию и части 14-й, стоявшие перед линией польского фронта [6. Т. 2. S. 735–737].

Союзный договор был подписан, по официальной версии 21 апреля, на самом деле, как помечено в записной книжке присутствовавшего при подписании В. Славека, – «22 в 4 часа 45 минут» [З. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 253], вице-министром иностранных дел Польши, деятелем крестьянского движения Я. Домбским («хотя в действительности его подготовило военное окружение Пилсудского», – засвидетельствовал известный и хорошо информированный депутат сейма М. Ратай [10. S. 82]), и с украинской стороны – А.Н. Ливицким. Документ своей асимметричной конструкцией отражал неравенство договаривающихся сторон. В нем от имени Польской республики в одностороннем порядке (а не обоюднo, как предполагают равноправные отношения) заявлялось о признании права Украины на независимое государственное существование, воплощенное в Украинской народной республике. Высшей властью в ней признавалась Директория «с главным атаманом господином Симоном Петлюрой во главе». Границы УНР на севере, востоке и юге договор оставлял не установленными, подлежащими определению на основе будущих договоров с соседями [6. Т. 2. S. 745]. Только эта первая статья подлежала опубликованию, все остальные были секретными. Описание в засекреченной части границы с Польшей означало отказ УНР от претензий на восстановление государственного единства с Восточной Галицией, то есть от создания «соборной» Украины – программной цели национального движения. В пользу Польши был произведен раздел Волыни. За УНР же признавалась территория в Правобережье на восток от предложенной границы с Польшей и до линии границы Речи Посполитой в 1772 г. – земли, «которыми Польша уже обладает или добьется от России силой оружия либо дипломатическим путем» [6. Т. 2. S. 745]. Отступление от идеи «соборной» Украины вызвало непримиримую критику со стороны последовательных поборников украинства еще на стадии переговоров. Характерна в этом отношении запись от 20 марта в дневнике Е.Х. Чикаленко – авторитетного украинского деятеля, отдавшего много сил и личных средств национальному просветительству: «Мой совет короток: пусть теперь полякам отдадут Украину аж до Волги и Кавказа, а если они не согласятся, то пусть большевики ее забирают аж до Чехии и Вислоки (южный приток Вислы. – *И.М.*), а делить Украину на польскую и большевистскую, с маленькими шматочками самостоятельной – между ними – не стоит. Лучше пусть будет вся вкупе тут или там» [11. С. 275].

Петлюровские дипломаты в ходе переговоров пытались оттянуть неблагоприятное для УНР решение о границе с Польшей, предложив переместить соответ-

ствующую статью из политического договора в военную конвенцию. Но начальник польского Генерального штаба С. Галлер выступил против, легко расшифровав смысл предложения. «Перенесение пункта, устанавливающего западные границы Украинского государства в военную конвенцию, – рассуждал он в письме, направленном 14 апреля в Президиум правительства, – придало бы этому важному вопросу временный характер, и окончательное решение проблемы границ лишь по достижении конечной цели совместной [военной] акции создало бы повод для начала новых переговоров о границе государства, которые тогда проводились бы в менее благоприятных для нас условиях» [7. S. 164–165].

В подписанном договоре предусматривались взаимные национально-культурные обязательства при том, что польское меньшинство в Приднепровской Украине было малочисленным и принадлежало к имущим образованным слоям, а украинцы, составлявшие в признаваемой за Польшей Восточной Галиции, на Волыни и Холмщине коренное большинство населения, были преимущественно крестьянами. Затрагивался также острейший на Украине социальный вопрос – аграрный: декларировалось, что в неопределенном будущем он подлежит решению Учредительным собранием УНР, но до того благоприятное правовое положение земельных собственников-поляков будет гарантировано особым соглашением между Польской республикой и УНР. Политический договор должен был немедленно после подписания вступить в силу, не дожидаясь парламентской ратификации [6. Т. 2. S. 745–747].

Военная конвенция была подписана 24 апреля в польском варианте. В ней декларировались союзные отношения двух армий и совместное проведение боевых действий «в Правобережной Украине на восток от имевшейся линии польско-большевистского фронта» [6. Т. 2. S. 750]. Управление военными операциями признавалось за польским командованием. Ему же отдавался контроль над железнодорожным транспортом Украины. Зато продовольственное, фуражное, гужевое снабжение польской армии возлагалось на правительство УНР. За счет Украины польские военные власти получали право производить реквизиции. Причем соотношение украинской и польской валют при расчетах с местным населением за изъятое имущество могло устанавливаться только польской стороной. В конвенции декларировалась необходимость создания на занимаемых территориях украинских органов управления, но вместе с тем предусматривалось сохранение польской администрации на ранее занятых поляками украинских землях, а за польской жандармерией – охранные функции. Правительство УНР оплачивало расходы по формированию на польской территории украинских частей в размере трех дивизий с тыловыми учреждениями [6. Т. 2. S. 749–753]. В целом декоративный характер военного союза и подчиненное положение украинского союзника были очевидны.

Завершить систему соглашений между Польшей и петлюровской Украиной должна была хозяйственно-экономическая конвенция. Переговоры на эту тему начались еще осенью 1919 г. 1 мая 1920 г. готовый проект временного экономического соглашения из Министерства промышленности и торговли Польши был передан во II отдел Генерального штаба. Проект, как и уже подписанные политический договор и военная конвенция, был начертан рукой «старшего брата». В его первой статье говорилось, что «Украина и Польша не будут отказывать друг другу в предоставлении разрешений на вывоз товаров, необходимых на своих внутренних рынках, (причем. – *И.М.*) в особенности Украина не будет отказывать в разрешениях на вывоз сельскохозяйственных продуктов, железной и марганцевой руд, металлолома, тряпья, шерсти, фосфоритов, щетины, необработанных кож, сахара, льна, конопли, скота и продуктов животноводства». Польша же собиралась поставлять лишь экспортные промышленные изделия значительно меньшей номенклатуры: «некоторые сельскохозяйственные орудия, нефтепродукты, керо-

син, смазочные материалы), посуду и некоторые текстильные изделия» [6. Т. 3. S. 26]. При этом нелишне припомнить, что нефть и ее производные оказались среди предметов польского экспорта вследствие военного захвата Польшей Западной области УНР (Восточной Галиции) с ее Бореславо-Дрогобычским нефтяным районом.

Согласно проекту УНР должна была передать польскому правительству в концессию сроком на 99 лет железорудные разработки в окрестностях железнодорожных станций Карнаватка и Колачевское; польское правительство получало приоритетное право в добыче подольских фосфоритов независимо от принадлежности земли в районе месторождения, причем правительство УНР должно было обеспечить железнодорожное строительство специально для вывоза фосфоритов [6. Т. 3. S. 19, 28].

Вообще проблемы транспортировки украинского сырья и продовольствия составляли львиную часть статей и параграфов польского проекта. Под предлогом плохого состояния украинского транспортного хозяйства предусматривалось свободное курсирование по украинской территории польских железнодорожных составов с собственным персоналом на льготных или привилегированных условиях. Железнодорожные перегоны, попадавшие в эпицентр обусловленных соглашением перевозок, подлежали охране украинскими и союзными, т.е. польскими войсками. Иными словами, УНР должна была поступиться суверенитетом над своей транспортной системой.

Судя по тому, какое повышенное внимание в разработанном проекте уделялось транспортировке грузов неблизким для украино-польского товарообмена морским путем, польское правительство намеревалось организовать широкую международную торговлю богатствами украинской земли. Проект предусматривал доставку добытых по концессиям руд в порт Николаева и передачу для этого в эксплуатацию Польше соответствующих участков железных дорог. Планировалось также соединение Криворожского бассейна с одним из черноморских портов путем строительства по концессии специальной железнодорожной линии; в перспективе значилось строительство водного пути Днепр – Висла, а также предоставление Польше пристаней со статусом порто-франко в Херсоне, Николаеве и Одессе [6. Т. 3. S. 28].

В связи с этими особенностями проекта стоит вспомнить, что Ю. Пилсудский еще осенью 1919 г. через британского посланника в Варшаве направил британскому правительству сигнал о том, что в случае победы «белых» в Гражданской войне Польша могла бы заняться «экономическим и административным восстановлением России» и готова к партнерству с Великобританией на этой почве [6. Т. 2. S. 424–425]. Но власть в России сохранили за собой большевики, и прагматичный Лондон без посредников занялся поиском экономических контактов с советской Россией, включая Украину, поскольку на большую часть территории последней вернулась советская власть. Интерес к щедротам украинской земли в Лондоне и других европейских столицах подогревался пропагандой представительств УНР. Например, в феврале украинское пресс-бюро в Копенгагене опубликовало материал под заголовком «Богатейшая сокровищница Европы – Украина и европейский рынок», в котором оповестило, что «Украина имеет около 10 миллионов тонн хлеба всех сортов, 300–600 тысяч тонн сахара ежегодно; 1 миллион литров спирта, табак, хмель, лен, коноплю, масло, шкуры, яйца, птицу, скот. Она могла бы вывозить 100 тысяч тонн марганцевой руды через Николаев, фосфориты, соль, соду, железо, дерево, вскорее – каменный уголь в объеме 6–10 миллионов тонн, антрацит, кокс – 500 тысяч тонн, бензол, нафталин и другое сырье и полуфабрикаты» [12. Д. 16. Л. 99–100].

Глава миссии УНР в Англии А.Д. Марголин написал 20 февраля Петлюре: «Все внимание здесь обращаем на установление отношений с индустриальными

и торговыми кругами Англии и Америки» [12. Д. 15. Л. 22]. 8 апреля он же общал Ливицкому: «Много политических деятелей и групп финансистов заинтересованы нашими делами» [12. Д. 15. Л. 54]. Сомневаться в достоверности этих слов не приходится. Только дело заключалось в том, что британские политики и бизнесмены предполагали налаживать связи с украинскими торговыми и хозяйственными структурами через Москву, а не через кочующее правительство УНР. В отчетах украинской миссии регулярно сообщалось, что английские политики, хотя и не исключают автономного статуса Украины, но лишь при соблюдении ее руководством свободного доступа России в черноморские порты. Так, генерал Морис, бывший начальник британского Генерального штаба и влиятельный деятель Либеральной партии объяснил сотруднику миссии, что «понимает необходимость независимой Украины, но одновременно английские либералы хотят тесных экономических связей между Украиной и Россией и для последней – выхода к Одессе» [12. Д. 15. Л. 78].

Такая позиция правительственных и деловых кругов Лондона формировалась на фоне антивоенных настроений массовых трудовых слоев британцев, энергично протестовавших против воинственных планов Польши. Ранее созданный лейбористами комитет «Руки прочь от России», в начале марта разослал брошюру «Мир с Россией как требование рабочей партии». Украинская миссия получила ее вместе с письмом, в котором говорилось, что «Комитет внимательно следит за переговорами между Россией и окраинными государствами бывшей Российской империи, и если они откажутся заключить справедливый мир, то английская рабочая партия, когда придет к власти, сделает из этого соответствующие выводы». Сообщение об этом эпизоде Марголин сопроводил собственным комментарием: «Английское общественное мнение не только в социалистических, но и в правительственных и финансовых кругах сейчас безоговорочно за мир с советской Россией» [12. Д. 15. Л. 44].

В целом ситуация в Англии, самой влиятельной в то время европейской державе, не благоприятствовала реализации конфронтационного в отношении России проекта Ю. Пилсудского. Связанные с этим опасения в завуалированном виде преломились, например, в рассуждениях Б. Медзиньского, человека из ближайшего окружения польского лидера, начальника политической секции II отдела Министерства военных дел, выступившего 17 апреля с докладом на инструктивном совещании начальников нижестоящих информационных отделов и офицеров контрразведки. «Урегулирование Польшей восточного вопроса, объяснял он слушателям, – встречает препятствия со стороны западных государств, которые видят в Польше опасного соперника на востоке. Дело [...] в том, кто первый начнет эксплуатацию России, нынешней или новой [...] Англия боится Польши как опасного конкурента на востоке, который первый может начать эксплуатацию России, в которую Англия вложила миллиарды» [6. Т. 2. S. 738–739]. Эти слова прозвучали в день, когда Ю. Пилсудский подписал приказ о наступлении на советскую Украину, однако, как обернется дело на полях сражений, осталось еще неясным.

Наступление началось в назначенный день – 25 апреля и в первое время шло очень успешно. Воодушевленный хорошим началом еще один приближенный Ю. Пилсудского, вице-министр в военном министерстве генерал К. Соснковский, как видно, полагая, что уж теперь-то Польше удастся переиграть Англию в экономической составляющей русского вопроса, позволил себе иронизировать, уснастив свои рассуждения метафорами из классики и фольклора. «Предпринятая недавно Европой с Англией в первом ряду погоня за российским золотым руном оказалась погоней за грушами на вербе, – писал он 29 апреля Ю. Пилсудскому в Ставку Верховного главнокомандующего, – осталась, как и следовало ожидать, единственная реальная позиция – Украина, путь куда открыт Вашим мечом. Реальная с точки зрения имеющихся богатств, доступности эксплуатации и отно-

сительно значительных транспортных возможностей [...] Мне кажется, что если мы сумеем стать экономическим импрессарио Украины, то получим большой политический козырь, построим мост, по которому и английская коза должна будет пристать к польскому возу» [13. S. 110–111].

Одно в этой истории тревожило генерала. «Украинцы оттягивают присоединение к торгово-хозяйственной конвенции. Я вижу в этом серьезную опасность и считаю, что следовало бы оказать на них решительное давление», – писал он Ю. Пилсудскому 3 мая [13. S. 106]. Маршал со своей стороны 6 мая в письме к премьер-министру Л. Скульскому напомнил адресату, что каково бы ни было политическое значение и материальные выгоды размещения польских войск на Украине, их, в конце концов, по причине неизбежного недовольства местного населения придется вывести: к этому времени все соглашения с правительством УНР должны быть полностью оформлены [8. S. 110–111].

Однако экономический договор оставался неподписанным. В связи с этим 12 мая К. Соснковский с раздражением писал шефу: украинские «делегаты крутятся как вьюны, ссылаясь на отсутствие полномочий. Сегодня у меня был министр торговли, чтобы посоветоваться, что делать. А я уже семь недель, как кричу ему, Патеку и Скульскому – спешно заключайте торговое соглашение, трактуйте его как составную часть общего политического договора! Но неиспользованным остался момент, когда украинцы, желая купить независимость, охотно заплатили бы экономическими концессиями, и получилось, как мне кажется, плохо. Мы до сих пор не сумели захватить в свои руки ключ от этой житницы! [...] Украинцы выкручиваются, так как это ловкачи, которые, походя, ожидают, не начнут ли вокруг их богатств торги, в которых быть может и нашим (западным. – *И.М.*) союзникам будет что сказать. А поскольку этим дело пахнет, то почему (украинцам. – *И.М.*) не подождать и не поговорить с ними (западными союзниками Польши. – *И.М.*) напрямую, без посредничества Польши?» [13. S. 111].

Причем к партнерству с влиятельной Англией на этом поле, по мнению генерала, все-таки следовало стремиться. Иное дело – ослабленная войной Франция. Стоило начальнику французского Генерального штаба высказать мысль о возможности оплаты поставок в Польшу вооружения и боеприпасов товарами – деревом, углем, нефтью, зерном, крахмалом, сахаром, как Соснковский заподозрил Францию в недобром. «Я думаю, что речь идет о том, чтобы схватить нас за горло, о нажмем с той целью, чтобы мы взяли Францию на Украину в роли равноправного компаньона. Они бормочут что-то о возвращении в Одессу [...] По-моему, в этом направлении следовало бы дать твердые инструкции Карлолю Ярошиньскому (владелец крупной земельной собственности, сахарных заводов и финансовых учреждений на Украине, связанный с государственными структурами УНР. – *И.М.*), который в своих планах отводит посторонним слишком обширное место [...] Похоже, он не понимает какое политическое значение имеет для нас роль монопольного посредника в отношении Украины. За допуск в кампанию мы должны требовать плату – и политическую, и материальную – мы ведь не можем отказаться от доминирующей роли. Наконец, слишком поспешный симбиоз на украинской почве наверняка дал бы украинцам поле для разных нежелательных интриг» [13. S. 110]. Для того чтобы все-таки добиться от украинцев нужного результата, генерал дал Пилсудскому по-военному прямолинейный совет, насмешливый по отношению к слабому союзнику, которого не грех приструнить весомым напоминанием о собственном могуществе: «В нынешнем положении есть единственный выход – перенести заседание по торговой конвенции в Ставку, где легко отыскать и полномочия для украинских делегатов, и средства нажима, которые Вы, пожалуй, в Вашем положении (триумфатора. – *И.М.*) легко можете найти. Немного помочь может в этом и Ярошиньский, который утверждает, что всю их Директорию держит у себя в кармане» [13. S. 111].

Нет данных о том, были ли продолжены переговоры о польско-украинском экономическом соглашении. Через месяц с небольшим польские войска начали отступление и вскоре покинули Приднепровскую Украину. Главные цели союза – восстановление петлюровской УНР, с одной стороны, а с другой – изменение геополитического статуса Восточной Европы и привилегированный доступ Польши к богатствам Украины оказались недостижимы.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Винниченко В. Відродження нації. Київ; Відень, 1990. Ч. 2
2. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Прага, 1942. Т. 2.
3. Российский государственный военный архив (РГВА).
4. Зарецька Т. Юзеф Пілсудський і Україна. Київ, 2007.
5. Баран З. Східна Галичина і союз Пілсудський – Петлюра // Polska i Ukraina. Sojusz 1920 roku i jego następstwa. Toruń, 1997.
6. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. Warszawa, 1961. Т. 2; 1964. Т. 3.
7. Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku. Wybór dokumentów. Londyn, 1990.
8. Listy Józefa Piłsudskiego // Niepodległość Londyn; Nowy Jork, 1962. Т. 7.
9. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. Польсько-український союз. Кінець збройних змагань УНР. Прага, 1943. Т. 3.
10. Rataj M. Pamiętniki 1918–1927. Warszawa, 1965.
11. Чикаленко С. Щоденник 1919–1920. Київ; Нью-Йорк, 2005.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5889. Оп. 1.
13. Listy generała dywizji Kazimierza Sosnkowskiego do Marszałka Józefa Piłsudskiego w okresie wyprawy kijowskiej // Przegląd wschodni. 1992/1993. Т. II. Z. 1.

© 2011 г. В.В. ВОЛОБУЕВ

ПРОБЛЕМА РАБОЧЕГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПНР И РАБОЧИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В 1956–1980 ГОДЫ

В статье исследуется проблема рабочего самоуправления как части концепции «польского пути к социализму». Показывается внутренняя ограниченность этого явления, вытекавшая из утопичности самой идеи. Анализируются конфликты между рабочими и властью, приведшие к дискредитации программы рабочего самоуправления в пользу независимых профсоюзов по западному образцу.

The article analyses the problem of the workers' self-government as a part of the concept of Polish way to socialism. It indicates the inner drawbacks of this phenomenon, which resulted from the utopian character of the idea itself. The article studies the conflict between workers and the authorities, which led to discrediting of the program of the workers' self-government and the triumph of the Western model of trade-unions.

Ключевые слова: рабочее самоуправление, Польша, комитет защиты рабочих.

Вопрос о степени допустимого воздействия работников на экономические процессы на предприятии в условиях руководящей роли коммунистической партии неизменно стоял на повестке дня в ПНР начиная с 1956 г. Причем, поднимался он не только представителями разного рода оппозиционных течений, но и самой властью. Данный вопрос, ставший актуальным со времени возвращения В. Гомулки на пост первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) (т.е. с октября 1956 г.), часто обсуждался на партийных пленумах и съездах. Причиной такой озабоченности высокопоставленных чиновников реальным участием народа в определении судеб страны была роль, которую сыграли рабочие и интеллигенция в период кризиса 1956 г., вернувшего Гомулку на пост партийного лидера. Массовое недовольство людей тяжелыми условиями существования и отсутствием свободы вылилось в масштабные общественные выступления, которые приняли наиболее драматичный характер в Познани в конце июня 1956 г.

Чтобы понять суть изменений в системе управления промышленным производством, предложенных Гомулкой, вкратце опишем состояние дел в этой области до кризиса.

Политика форсированной индустриализации, осуществлявшаяся в период шестилетнего плана (1950–1955), требовала выстраивания соответствующей системы управления, отличавшейся максимальной централизацией в принятии решений и ликвидацией почти всех каналов воздействия трудящихся на власть.

Волобуев Вадим Вадимович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа написана при поддержке программы Музея истории Польши для зарубежных ученых.

На польских предприятиях в соответствии с декретом от 6 февраля 1945 г. создавались рабочие советы, задачей которых кроме заботы об интересах трудящихся являлся еще и контроль за выполнением плана. 16 января 1947 г. эти советы получили статус профсоюзов, каковые, в полном согласии с советской практикой, в 1949 г. были подчинены партаппарату, превратившись в классические «приводные ремни» от партии к массам. Все профсоюзы были объединены в Собрание профсоюзов во главе с Центральным советом, выбиравший в свою очередь из своего состава Президиум. Председателем президиума обязательно должен был быть член ПОРП (в 1949–1950 гг. – А. Завадский, в 1950–1956 гг. – В. Кloseвич, в 1956–1971 гг. – И. Лега-Совиньский, в 1971–1980 гг. – В. Кручек). На низовом уровне за деятельностью профсоюзов надзирали представители первичных парторганизаций, верхушка которых в обязательном порядке входила в состав профсоюзного руководства. Кроме того, всеобъемлющий контроль осуществляли органы госбезопасности, которые на рубеже 1940–1950-х годов действовали вполне в духе своих советских коллег (последние, к слову, присутствовали в эти органах в качестве советников).

Вместе с централизацией управления в 1949 г. были ограничены полномочия директоров предприятий в пользу высших экономических инстанций и парторганизаций. Одновременно, в 1949–1954 гг. происходила массовая замена старых директоров классово близкими власти людьми, т.е. простыми рабочими (в большинстве – членами ПОРП). Отныне директор становился кем-то вроде политика, его задачей было улаживание конфликтов на заводе и поддержание нормальных отношений с разнообразными инстанциями. Реальным же администратором, следившим за работой предприятия, становился его заместитель (как правило – представитель старых инженерных кадров) [1. С. 79].

Превращение профсоюзов в элемент системы управления лишил эти органы их защитной функции. Отныне польские рабочие отстаивали свои права через те или иные «группы натиска» в составе официальных структур (первичных парторганизаций, заводских организаций Союза польской молодежи, рабочих советов и т.д.) или же путем стихийных забастовок. Ужесточение наказаний за нарушение трудовой дисциплины, неусыпный контроль за поведением рабочих и ряд мер социального и материального характера (введение обязательных отпусков, распространение системы государственного медицинского обслуживания, быстрый карьерный рост многих рабочих, массовый наплыв в города сельского населения, не столь зависимого от уровня зарплаты, и т.д.) привели к резкому снижению количества забастовок на предприятиях. Кроме того, уходило в прошлое многодневные акции протеста – отныне забастовки все чаще длились всего несколько часов и охватывали как правило лишь часть трудовых коллективов [2. С. 146].

В 1956 г., параллельно с экономическим и общественным кризисом в Польше, выросла и активность рабочих. Причем, нередко были случаи, когда с их требованиями солидаризировались члены заводских парторганизаций и даже директора предприятий. Так, например, сотрудник Экономического отдела ЦК ПОРП Е. Богуш писал о настроениях рабочих щецинской верфи в июле 1956 г.: «Партком изолирован от рабочих. Может, это происходит не столько по вине секретарей парткома, сколько в силу позиции, занимаемой партийным активом. Поначалу они пытались противостоять вражеской демагогии. Ныне же немалая часть актива сама принимает участие в дискуссиях» [3. С. 149]. Аналогичным образом повел себя и партактив вагоностроительного завода в Познани, где в июне 1956 г. разразились события, приведшие к взрыву общественного неповиновения.

Обстоятельства зарождения познанского бунта показательны для взаимоотношений властей, заводской администрации и рабочих Польши в тот период. Недовольство работников завода было вызвано тяжелыми условиями жизни, несправедливой системой оплаты труда и пренебрежением дирекции к проблемам

рабочих. Поначалу разрядить ситуацию пытался рабочий совет, но все его обращения к заводской администрации были безрезультатны. О конфликте были проинформированы местные партийные и государственные органы власти, а также верхушка ПОРП (по каналам госбезопасности и милиции). В разбирательство втянулись отраслевой профсоюз, городские власти и прокуратура. Однако и это не привело к каким-то подвижкам. Очевидно, центральные власти не придавали значения ситуации в Познани, более озабоченные такими традиционно конфликтными регионами как Лодзь с ее текстильным производством и шахтерская Силезия (именно туда направлялись в 1956 г. члены высшего руководства для улаживания споров). Нараставшее бурление в обществе и пошатнувшиеся позиции власти после смерти первого секретаря ЦК ПОРП Б. Берута (произошедшей 12 марта 1956 г.), придали людям смелости. 8 июня на вагоностроительном заводе рабочие собрались на митинг, 16 июня произошла первая (непродолжительная) забастовка, а 21 июня работа была прервана повсеместно и надолго. В Познань прибыл председатель президиума Центрального совета профсоюзов В. Клоевич, вместе с первым секретарем воеводского комитета ПОРП Л. Стасяком отправившийся на встречу с протестующими. 23 июня прошло заседание заводского комитета ПОРП, а 25 июня стихийные собрания рабочих избрали делегатов для поездки в министерство машиностроения. К этим делегатам присоединился директор и представители заводской парторганизации и совета. Им удалось договориться с министром машиностроения Р. Фидельским об удовлетворении требований рабочих, но 28 июня в Познани он, проконсультировавшись с членами Политбюро ЦК ПОРП, частично отказался от ранее принятых обязательств [4. С. 119–121; 5. С. 20]. Это вызвало взрыв негодования, закончившийся манифестациями протеста, погромами государственных учреждений и введением в город танков.

В данной трагической истории обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, быстрая потеря рабочими доверия (если оно вообще было) к заводскому совету и парторганизации – органам, которые традиционно являлись связующими звеньями между работниками и дирекцией. Все основные шаги предпринимались рабочими по собственному почину, минуя официальные структуры предприятия. Во-вторых, оппонентом рабочих в этом конфликте выступает не просто дирекция, но государство и сросшийся с ним аппарат в лице местных властей, профсоюзного руководства и партийной верхушки. Результат этого: трехдневные бои в городе и более пятидесяти убитых.

В принципе, по пути Познани мог пойти любой другой промышленный район Польши, но нельзя забывать, что рабочие все еще находились под страхом сурового наказания (вплоть до тюремного заключения или даже расстрела), грозившего за акции протеста в берутовской Польше, и решались идти до конца лишь в самой отчаянной ситуации¹. В Познани как раз сложилась такая ситуация. Явное пренебрежение властей тяжелым материальным положением рабочих переполнило чашу терпения и привело к трагедии.

В польской правящей элите уже ранней весной 1956 г., сразу после оглашения доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, начали обсуждаться проекты перехода к новой модели взаимоотношений с рабочими. Наиболее привлекательной в этом смысле реформаторское крыло ЦК ПОРП считало югославскую концеп-

---

¹ Польский исследователь Д. Ярош, изучавший поведение рабочих в берутовской Польше, заявляет, что причиной сокращения числа забастовок после 1949 г. явилось ужесточение наказаний [6. С. 128]. Того же мнения (но для более раннего периода) придерживается и автор книги о положении разных групп населения в послевоенной Польше Л. Каминский, который на первое место в качестве причины постепенного уменьшения числа забастовок в 1944–1948 гг. ставит усиление контроля за обществом, и лишь на второе – улучшение материального состояния рабочих (см.: [7. С. 147]).

цию рабочего самоуправления, которая казалась единственной альтернативой сталинскому социализму. Уже в марте властной элите была представлена переведенная с французского работа польского экономиста Ч. Бобровского на эту тему. В апреле в Югославию с целью ознакомления с опытом ездила группа молодых журналистов во главе с аспирантом, выпускником Института общественных наук при ЦК ПОРП, М. Раковским. По их возвращении в ежедневной газете «*Życie Warszawy*» была опубликована статья о рабочем самоуправлении в Югославии. Затем на частной квартире начали проводиться встречи с участием представителей варшавского комитета ПОРП и первого секретаря парткома на автомобильном заводе в Жерани (Варшава) Л. Гозьдзиком, который вскоре превратился в настоящего «трибуна варшавского люда». Уже в апреле на совещании парторганизации Жеранского завода было высказано пожелание о создании рабочего совета на югославской основе (с этой целью в ЦК была отправлена делегация) [8. С. 73–74]. 16 июля на заводе была образована комиссия, которая выработала проект перехода предприятия на хозрасчет и создания обновленного рабочего совета. 20 сентября был оглашен проект устава совета: орган самоуправления выбирался всеми работниками и являлся верховной властью на заводе; исполнительным органом становился президиум, избираемый пленумом и утверждаемый соответствующим министром; директор также избирался трудящимися; в случае его споров с рабочим советом арбитром должна была выступать заводская парторганизация, она же была правомочна объявить досрочные выборы.

Против придания парткому ключевой роли в этом проекте выступила чрезвычайно популярная тогда молодежная еженедельная газета «*Po prostu*». Издание указывало на необходимость для партии использовать методы убеждения, а не юридически установленного контроля; а также на опасность усиления государственной бюрократии, которая может подчинить себе все экономические процессы и уничтожить любые проявления рабочей демократии [8. С. 76–77]. При этом, что характерно, радикалы из молодежных изданий («*Po prostu*», «*Standard młodych*») полагали рабочие советы главнейшим конструктивным элементом «польской дороги к социализму» и выступали за установление подлинной советской власти, т.е. за создание советов на всех уровнях управления вплоть до общегосударственного, и даже за образование еще одного органа законодательной власти, параллельного Сейму [8. С. 78–79, 140]. С критикой этих предложений выступил социолог Ю. Хохфельд (входивший некогда в руководство Польской социалистической партии), заявивший, что стремление придать советам функции органов государственной власти привело бы лишь к дроблению рабочего класса и бесконтрольной тирании бюрократической элиты [8. С. 138–139].

Акции рабочего протеста охватили летом 1956 г. всю Польшу. Как правило, они выражались в забастовках, манифестациях, митингах, а также в такой оригинальной форме, как вывоз директора на тачке с территории предприятия. Пришедший к власти в октябре 1956 г. В. Гомулка среди прочих нововведений поручил соответствующим органам разработать новую концепцию взаимодействия рабочих и государства. Как следствие, 19 ноября 1956 г. был принят новый устав о рабочих советах. Его главной отличительной чертой являлось выведение парторганизации за рамки рабочего самоуправления. В соответствии с уставом в рабочие советы имели право избираться все сотрудники предприятия, но при условии, что на две трети он будет состоять из рабочих. В обязательном порядке членом президиума рабочего совета становился директор. Совет имел право регулировать работу предприятия в рамках принятого государственного плана и распоряжаться заводскими фондами, однако должен был при этом учитывать мнение профсоюза (представленного советом предприятия). В случае несогласия профсоюза с позицией рабочего совета решение принимало собрание всех работников предприятия. Рабочий совет располагал правом голоса при назначе-

нии или снятии директора предприятия (окончательное решение оставалось за министром), а директор обязан был отчитываться перед рабочим советом и мог отменять его постановления в случае, если они противоречили законодательству либо государственному плану [9].

Данный устав не завершил дискуссии о месте рабочих советов (и советов вообще) в общественно-политической системе ПНР. Но теперь их вела только интеллигенция. Молодые радикалы продолжали выступать за «советизацию» Польши и ограничение полномочий бюрократического аппарата. Эти призывы, невзирая на неизменные заверения в приверженности руководящей роли партии, явно ставили под угрозу положение партийно-правительственного аппарата, следствием чего явилось скандальное закрытие еженедельника «*Pro prostu*» в начале октября 1957 г., сопровождавшееся столкновениями молодежи с милицией в Варшаве.

Другим критиком существующей системы был известный экономист-рыночник С. Куровский, выступавший за дальнейшую децентрализацию администрации и предоставление заводам и фабрикам полной самостоятельности на основах рабочего самоуправления. Куровский считал, что несмотря на произошедшие перемены по сути своей общественно-политическая система осталась прежней: как и раньше, она была заинтересована в сохранении подчиненных ей профсоюзов и ограждена от критики. Корень зла ученый видел во всемогуществе привилегированного слоя (бюрократии), который стремился подчинить себе все стороны общественной и экономической жизни. Прежде, указывал Куровский, общество защищалось от этого, используя бреши в директивах плана, организуя черный рынок и теневую экономику. Теперь же, когда положение бюрократии пошатнулось, следует коренным образом реформировать экономику, увязав ее с рыночными принципами, и организовать «общественный натиск» на привилегированный слой, который, разумеется, будет сопротивляться реформам [8. С. 141–142].

Естественно, все предложения Куровского так и остались на бумаге, ибо в силу особенностей общественно-политической системы ПНР внедрять их мог лишь тот самый привилегированный слой, против которого и ополчился экономист. По большому счету, даже принятый в ноябре 1956 г. устав был утопичен. Ведь он привлекал рядовых работников к управлению предприятием, однако не учитывал отсутствия у них необходимых знаний и времени. И действительно, первоначальный интерес рабочих к деятельности советов уже во второй половине 1957 г. начал угасать. Вскоре рабочие перестали ходить даже на те заседания, где обсуждались социальные вопросы [1. С. 274–275]. Это было естественно – люди не могли постоянно жить в режиме общественной активности. Добившись уступок от власти, они вернулись к своей обычной жизни. Создание рабочих советов, правда, не искоренило забастовок, которые продолжали вспыхивать с завидной регулярностью, но уже не достигали масштабов 1956 г. Причина всегда была одна – материальные условия (как правило, зарплаты и премии).

Воспользовавшись успокоением общества, власть перешла в наступление. В 1958 г., после своего IV конгресса, профсоюзы вновь превратились в «приводные ремни» партии и сосредоточились на бытовых вопросах, все больше напоминая органы социального обеспечения [10. С. 74]. 20 декабря того же года был принят новый устав рабочих советов, значительно расширивший полномочия профсоюзов и включивший в число органов заводского самоуправления парторганизации. Отныне на каждом предприятии создавалась конференция рабочего самоуправления, в состав которой входили: рабочий совет, совет предприятия (т.е. профсоюз), партком и Главная техническая организация (т.е. инженеры). Директор более не являлся членом рабочего самоуправления, но обязан был присутствовать на его заседаниях и готовить все материалы, необходимые для его работы. Рабочий совет (в лице его президиума) лишился права инициативы при

назначении и снятии директора, он мог лишь выразить свое мнение. Арбитрами в спорах между рабочим советом и дирекцией теперь должны были выступать: конференция рабочего самоуправления, представители соответствующего министерства совместно с правлением профсоюза, а также примирительная комиссия, действующая при министре или воеводском (городском) совете при участии Центрального совета профсоюзов. Нетрудно догадаться, что последнее слово всегда оставалось за органами государственной власти, заинтересованными прежде всего в выполнении экономического плана, а не в соблюдении прав рабочих. Более того, процедурные вопросы, связанные с деятельностью рабочих советов, передавались теперь в ведение Центрального совета профсоюзов. На крупных предприятиях предусматривалось создание цеховых рабочих советов, в руководство которых обязательно должны были входить представители цеховой парторганизации [11].

Представители партийно-государственного аппарата не скрывали, что их целью является упрочение руководящей роли партии (хотя само положение об этом было внесено в Конституцию лишь в 1976 г.). Собственно, даже в уставе ПОРП было написано, что «заводские парторганизации несут ответственность перед партией за успешную работу своих предприятий. Принципиальной обязанностью этих парторганизаций является политический контроль и воздействие на работу администрации предприятия в вопросах, касающихся производства и экономики предприятия, кадровой политики, а также условий труда и быта» [12. С. 88]. С точки зрения теории такое вмешательство партии в социальные и экономические вопросы обосновывалось крайне просто: «руководство партии рабочего класса в отношении социалистического государства является одним из главных принципов социалистического строя», «общественные организации и советы представляют собой организационные формы, содержание которых зависит от того, в чьих руках находится политическое руководство этими организациями. Марксистско-ленинская партия обеспечивает именно социалистическое содержание советов и организаций трудящихся масс в социалистическом государстве», «руководящая роль марксистско-ленинской партии гарантирует, что государственные органы не оторвутся от масс и не возвысятся, как в капиталистических странах, над трудящимися массами» [13. С. 3, 8, 9]. Поскольку же, согласно уставу, советы должны были пользоваться инициативой политических партий, а основной партией являлась ПОРП, из этого следовало, что советы должны были обращаться прежде всего к инициативе ПОРП [13. С. 10]. Любое ослабление руководящей роли партии, указывалось в одной из идеологических брошюр, «создает поле для непобежденных еще вражеских сил и антисоциалистических стихий либо стихий люмпен-пролетариата из так называемой социальной обочины» [14. С. 11]. Правда, при этом настойчиво проводилась мысль о принципиальном разделении функций партийных и государственных органов. «ПОРП после VIII пленума ЦК в октябре 1956 г. по новому определяет взаимоотношения между партией и народным государством. В этой области партия отказалась от ошибочной практики вмешательства или подмены собой государственной власти в деятельности официальных органов», «партия [...] сосредотачивает свои усилия не на управлении государством, экономикой или людьми – всем этим занимаются государственные и экономические власти. Партия как организующая и руководящая сила, сосредоточена на объединении сил польской демократии и формулировании политической программы развития» [14. С. 13, 10]. Другими словами, подразумевалось, что партия отныне будет следить лишь за направлением общего развития страны, контролируя политическую благонадежность организаций и граждан, но перестанет осуществлять мелочный надзор, вмешиваясь во все вопросы без исключения. Как выразился В. Гомулка на IV съезде ПОРП в 1964 г., роль партии заключалась «во вдохновении и координации [государственных] органов, а не в их подмене»

[15. С. 81]². При этом допускалась общественная инициатива и даже критика, если она не выходила за рамки программы партии. На практике же размытость компетенций партийных и государственных органов приводила к тому, что партийные инстанции (в силу господствующего положения ПОРП в стране) сплошь и рядом довели над государственными либо же сливались с ними. С правом на критику дело также обстояло неблагоприятно, так как отсутствовали независимые от партийно-государственного аппарата общественные организации. Высшее руководство осознавало эту проблему и не раз поднимало вопрос о недостатке демократии. Например, на майском пленуме ЦК ПОРП в 1967 г. было признано, что отчетно-выборные собрания в партии проходят в авторитарной манере и указывалось на узурпацию исполкомами исключительного права на принятие решений [15. С. 80]. В ноябре 1970 г. член Политбюро З. Грудзень на страницах официального органа ЦК ПОРП журнала «Nowy drogi» указал на недостаточность информации, которую получают члены партии. «Стерильность информации может приносить вред и потери. Без прямой и объективной информации не может быть творческой критики – движущей силы прогресса и развития», – писал чиновник [15. С. 80]. Правящая верхушка ратовала за развитие демократического централизма, при котором меньшинство обязано подчиняться мнению большинства, но при этом поощрялись критика и дискуссии. Однако стоило проявиться где-то излишней, на взгляд партийных чиновников, самостоятельности, как тут же следовал окрик и призыв сомкнуть ряды и усилить бдительность. Такова была картина внутрипартийной жизни в то время, когда ПОРП усиливала свой контроль над рабочими советами.

«В главный орган [рабочего самоуправления] – конференцию рабочего самоуправления – по уставу входит заводской комитет (исполком) первичной парторганизации, а в президиум рабочего совета – один из представителей комитета. Уже из устава следует, что заводская парторганизация принимает участие в осуществлении контроля и надзора за деятельностью предприятия. С этим связано предусмотренное уставом партии право политического контроля со стороны парторганизаций за администрацией, что означает право первичной парторганизации и ее комитета оценивать и принимать решения в отношении деятельности партийных товарищей, занимающих руководящие посты в администрации» – так определил место заводской парторганизации на предприятии автор идеологического руководства в 1969 г. [12. С. 79]. Таким образом сложился коллективный управляющий орган, при котором первый и второй секретари первичной парторганизации входили в руководящую группу наравне с директором, его заместителями и главным бухгалтером. Сама же парторганизация и ее «младшие партнеры» – заводские представительства Союза социалистической молодежи и Лиги женщин – стали чисто декоративными органами, руководство которых слабо считалось с мнением своих членов. Не случайно на VIII пленуме ЦК ПОРП в 1967 г. поднимался вопрос об активизации работы парторганизаций, которые обнаруживали себя лишь в период каких-либо общенациональных кампаний (к примеру, выборов), а в остальное время были малозаметны [15. С. 82]. Апатичность заводских парторганизаций стала характерным явлением для второй половины 1950–1960-х годов [10. С. 74].

В этих условиях рабочие сплошь и рядом сталкивались со случаями, когда общественные и политические организации на заводе не могли или не хотели доводить до сведения администрации их проблемы. Социологические опросы, проведенные в 1969 и 1978 г., пришли к одному выводу: на предприятиях всем

---

²Надо заметить, что В. Гомулка по-своему был последователен в этом размежевании. Так, он категорически отверг идею превратить парламентскую фракцию ПОРП в новую партийную инстанцию, заявляя, что источником власти должен являться Сейм, а не партия. Правда, при этом в каждой парламентской комиссии существовал отдел ПОРП [16. С. 274–275].

распоряжался директор, утрясавший свои решения с парткомом [1. С. 273]. Рабочие, помнившие берутовские времена, говорили по этому поводу: «Раньше я не мог критиковать министра или правительство, зато мог критиковать директора или мастера. Теперь я могу критиковать правительство или министра, но за критику директора или мастера меня могут уволить» [17. С. 44].

Партийные функционеры по сути превратились в технократов, думающих лишь о выполнении плана и исключавших рабочих из числа тех, кто оказывал влияние на принятие решений. Авторитет заводского самоуправления упал так низко, что работники зачастую не знали даже, кто является председателем рабочего совета, не говоря уже о том, чем этот совет занимается [17. С. 41–42]. И это положение не изменило и расширение полномочий рабочих советов в феврале 1969 г., когда по решению пленума ЦК их допустили к разработке планов предприятий на 1971–1975 гг. [18. С. 247]. Рабочие были несведущи в таких вопросах, не имели рычагов воздействия на администрацию, и последнее слово все равно оставалось за дирекцией и исполкомом. Партийные структуры стали играть роль лоббистских групп, связанных с тем или иными отраслями экономики [16. С. 260]. В том же духе действовали и профсоюзы, лишённые какой бы то ни было самостоятельности. Улаживание дел рабочих целиком легло на плечи мастеров и начальников цехов, которые в силу этого имели огромное влияние среди работников и следили за выполнением теми своих обязанностей [10. С. 72–72, 75–76].

Нельзя сказать, что дирекция и общественные организации совсем не прислушивались к требованиям рабочих. Прислушивались, особенно когда возникала угроза забастовки, а иногда даже поддерживали участников акций протеста. Но происходило это либо в силу личного расположения тех или иных чиновников к нуждам рабочих, либо по причине совпадения их интересов с интересами работников. Организации же, призванные защищать права трудящихся, бездействовали, будучи парализованы государственными и партийными структурами. В этом крылся зародыш будущих потрясений.

А повод для недовольства у рабочих был, и весьма существенный. Во второй половине 1960-х годов в польской экономике наступил очевидный застой, а с ним — и существенное замедление темпов роста зарплат. Одновременно росла дифференциация по заработкам рабочих, технической интеллигенции и служащих. В среднем в 1960–1975 гг. рабочие стабильно получали 72–75% от заработков инженерно-технического состава. При этом рабочие имели куда худшие условия проживания, кроме того, для них непрерывно сокращался общественный фонд (т.е. социальные услуги) [1. С. 112–116, 128]. Резкое повышение цен на продукты питания в преддверии рождественских праздников в 1970 г., взорвало общество.

Гомулка использовал партийные каналы для информирования населения о грядущем повышении цен. Письмо в парторганизации, составленное в ЦК, было принято рядовыми партийцами плохо, однако какой-то организованной оппозиции не встретило [19. С. 81–84]. Профсоюзы и рабочие советы вообще не были поставлены в известность о намечаемых мерах. Акции протеста зарождались стихийно, без какого-либо участия официальных структур предприятий, призванных выражать волю трудящихся. Новым была организованность протестующих, быстро создавших забастовочные комитеты и сформулировавших четкие требования к властям. Требования эти почти исключительно касались повышения зарплат рабочим и снижения цен; кроме того, рабочие хотели наказать виновных в произошедшем кризисе (в качестве таковых назывались фамилии Гомулки и его ближайших сотрудников) и добиться от польских средств массовой информации правды о жертвах на Побережье в декабре 1970 г. (где происходили ожесточенные столкновения манифестантов с органами правопорядка. Налицо была также усиливающаяся враждебность к ПОРП, проявлявшаяся не только в поджогах зданий воеводских комитетов партии, но и в лозунге беспартийных профсоюзов

и рабочих советов (особенно эти настроения были сильны в Гданьске, где после расстрела рабочей манифестации, случившейся утром 16 декабря у проходной № 2 верфи им. Ленина, рабочие исключили всех членов партии из забастовочного комитета [19. С. 180]). Впервые пункт об отделении профсоюзов от партии был включен в список требований рабочих щецинской верфи имени А. Варского, составленный 18 декабря. Там же содержался и призыв к перевыборам руководства Центрального совета профсоюзов, подхваченное затем другими забастовщиками и распространившееся на прочие структуры власти, включая партийные и государственные [20. С. 395]. Щецинские судостроители показали образец организованности и политической зрелости. Им не только удалось добиться повышения зарплат, но и провести досрочные переборы всех общественных и политических структур предприятия на демократической основе (т.е. без предварительных списков, составленных парторганизацией и дирекцией). Среди забастовщиков выделилось радикальное крыло, в состав которого входили местный социолог Люциан Адамчук и мастер Эдмунд Балука. Адамчук, имевший высшее образование, сумел убедить рабочих в необходимости добиваться ряда политических реформ, и настоял на создании Рабочей комиссии, задачей которой являлось следить за демократичностью перевыборов руководства парторганизации, профсоюза и рабочего совета на предприятии. Кроме того, комиссия добилась того, что в новые профсоюзные органы и рабочие советы не прошел ни один представитель администрации и инженерно-технической интеллигенции. По словам членов комиссии (подсказанных, несомненно, Адамчуком), люди умственного труда по своему служебному положению не могли бороться за интересы рабочего класса. Комиссия также своей властью отменила результаты выборов в двух цехах, так как там собраниям были предложены списки кандидатов в профсоюзные органы, составленные руководством цехов и общественных организаций. Комиссия сочла это нарушением демократии. Результатом всех этих мер стало существенное ослабление влияния парторганизации (ее члены заняли всего лишь 10% постов в рабочих советах и профсоюзе), а также полное обновление руководства самой парторганизации, в исполкоме которой удержался лишь один член старого состава (бывший первый секретарь, занявший теперь пост секретаря по идеологии), а новым главой стал лидер забастовочного комитета в декабрьские дни 1970 г. М. Доперала (он считался представителем умеренного крыла протестующих) [21. С. 83–86; 19. С. 349–350].

Рабочий протест в декабре 1970 г. – январе 1971 г. не привел к каким-либо структурным изменениям в общественно-политической системе ПНР. Народ удалось успокоить кадровым перестановками в правящей верхушке и экономическими мерами. Любопытно в связи с этим, как отправленный в отставку Гомулка оценивал политику партии в отношении рабочих в период, когда он находился во главе ПОРП.

Его письмо в ЦК, написанное в марте 1971 г., показывает, что у первого секретаря было весьма своеобразное представление о положении рабочих в Польше. Отвечая на обвинение в свой адрес со стороны партийной прессы в том, что при нем профсоюзы утратили самостоятельность и не защищали рабочих, Гомулка заявил, что профсоюзы и не должны заниматься ничем подобным в социалистическом государстве, это несовместимо с руководящей ролью партии. Теперь же, с беспокойством писал Гомулка, профсоюзы начнут оказывать давление на партию, требуя новых уступок в области повышения зарплат, а это неизбежно приведет к инфляции [22. С. 202]. Вообще, в ПНР, по словам Гомулки, профсоюзы уподобились своим западным аналогам, в Польше забастовку организовать даже легче, ибо трудящиеся не имеют страха перед рабочей, т.е. своей властью. Это ненормально, ибо забастовка является частью капиталистической, а не социалистической системы. Работники социалистической экономики не должны высту-

пать против социалистического же государства [22. С. 200, 201]. Гомулка напрочь отменил тезис о том, что в период кризиса против него выступали рабочие. Он видел корни возмущения в традиционном анархизме поляков, которому особенно подвержена молодежь [22. С. 224–226]. Запросы протестующих он признал чрезмерными, заявив, что при капитализме с такого рода требованиями борются экономическими и полицейскими мерами, а при социализме – путем централизованного определения условий быта рабочих со стороны партии, государства и профсоюзов [22. С. 202].

Это мнение Гомулки не учитывало внутреннего расслоения в ПОРП, выделения в ней привилегированного слоя (хотя и состоявшего в немалой степени из бывших рабочих), имеющего свои, отличные от рабочих, интересы и жизненные устремления. Зато оказалось правильным другое наблюдение Гомулки. Описывая материальное положение рабочих-судостроителей, он сказал, что эта группа трудящихся относилась к одной из самых высокооплачиваемых [22. С. 223]. Парадокс заключался в том, что наивысшие запросы и наибольшую требовательность демонстрировали как раз самые обеспеченные группы рабочих в Польше. В период забастовок именно эти категории проявляли наибольшую несговорчивость. Вот, например, что написал по этому поводу кинокритик З. Калужинский: «Недовольство не обязательно проистекает из тяжелого материального положения. В 1980 г. наибольшую ярость и упорство проявляли судостроители Побережья и шахтеры Силезии, зарабатывавшие тогда втрое больше меня. Уже тогда меня поразило, что те, кто получал куда более низкую зарплату, соблюдали умеренность и во время переговоров склонны были к соглашениям. Это явление, замеченное мною дважды, я и по сей день не могу объяснить» [1. С. 288].

Подытоживая результаты декабрьско-январского кризиса, Гомулка заявил, что партия по сути отказалась от руководящей роли, ибо пошла на поводу у бунтующих профсоюзов [22. С. 202]. Новая правящая элита как будто разделяла это мнение, а потому сразу же начала предпринимать усилия по возвращению ПОРП прежней роли. Так, профсоюзы не только не получили самостоятельность, но напротив, в октябре 1972 г. на VII конгрессе была подтверждена их подчиненность партии (единственным, кто голосовал против этой резолюции, был Э. Балука, вскоре после этого вынужденный эмигрировать из страны [23]). Тогда же была начата реформа местной администрации, согласно которой райкомы партии практически сливались с рабочими советами: отныне обоими органами руководили одни и те же люди [18. С. 177]. В феврале 1976 г. положение о руководящей роли партии согласно постановлению Сейма было внесено в Конституцию. И в том же году вспыхнули новые беспорядки, вызванные решением об очередном поднятии цен.

Информируя общество об этом шаге, правящая верхушка пыталась действовать деликатнее, чем в свое время Гомулка. Во-первых, более удачно был выбран день: не середина декабря, а середина июня. Многие люди были в отпусках, к тому же в ближайшее время не намечалось никаких праздников. В преддверии ценовой подвижки были проведены встречи с первыми секретарями воеводских комитетов партии, прошло расширенное заседание ЦК, во все воеводства были разосланы записки о планируемом изменении цен, прошли закрытые заседания местных парторганизаций. Наконец, решению был придан вид демократичности: окончательную санкцию на него должен был выдать Сейм, а за день до голосования по всей стране запланированы были «общественные консультации», по сути – массовые митинги, в ходе которых представители властей разъясняли людям причины повышения цен [24. С. 122–127].

Однако и на этот раз не удалось избежать массовых выступлений. Пусть они не могли сравниться по масштабу с декабрьско-январским кризисом, но образ действий протестующих был совершенно таким же. Началось все с забастовок, которые с большим или меньшим успехом пытались унять дирекция и представители

заводских организаций. Им не верили, на заводе «Урсус» под Варшавой председателю совета предприятия, уговаривавшему рабочих вернуться на свои места, было прямо заявлено, что «профсоюзы нам не нужны, поскольку и так ничего не делают», и что «профсоюзы не имеют никакого значения» [24. С. 224]. Наиболее драматичными оказались события в Плоцке и Радоме, где рабочие, выйдя на манифестации, подожгли здания воеводских комитетов партии (характерно, что и в этот раз, как в декабре 1970 г., главными объектами для нападений стали именно партийные, а не государственные органы власти. Тем самым рабочие демонстрировали свое понимание того, кто несет основную ответственность за положение в стране). Власти, перепуганные новым взрывом недовольства и памятуя о судьбе Гомулки, поспешили вернуть цены к прежнему уровню.

Однако это была неполная победа трудящихся, ибо теперь власти решили принять жесткие меры в отношении забастовщиков, и особенно участников акций протеста в Плоцке, Радоме и на заводе «Урсус». После того, как страсти улеглись, рабочих начали увольнять с предприятий, несколько десятков человек предстали перед судом. Но теперь в защиту рабочих выступила оппозиционная интеллигенция, начавшая собирать деньги для семей репрессированных и оказывать им юридическую помощь. В конце сентября около двадцати деятелей неформальной оппозиции создали Комитет защиты рабочих (КОР – по первым буквам польского названия) – первую открыто оппозиционную организацию, которая стала играть роль независимого профсоюза, и одновременно – политической структуры, выступавшей против всевластия ПОРП. Таким образом, рабочий протест стал катализатором организационного оформления политической оппозиции.

Деятели КОР в первом обращении (переданном маршалу Сейма) открыто выразили свои цели и подали адреса и телефоны всех членов организации. Защитой им должен был служить Заключение Хельсинской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, согласно которому все страны, подписавшие его, обязывались соблюдать права человека. Собственно, на права человека и ссылались члены КОР, заявляя о своем существовании. В обращении наряду с требованиями прекращения репрессий против рабочих содержалось и напоминание об основных правах граждан (право на труд, на забастовку, на выражение собственных взглядов, свобода собраний и демонстраций) [25]. Отсутствовало требование независимых профсоюзов, но то, что среди целей КОР была и такая, не подлежит сомнению. Во-первых, один из наиболее авторитетных участников организации, экономист Эдвард Липиньский, еще в апреле 1976 г. в письме первому секретарю ЦК ПОРП Э. Гереку, перечисляя основные гражданские свободы, упомянул и независимость профсоюзов [20. С. 523]. Кроме того, сам КОР, преобразовавшись в конце сентября 1977 г. в Комитет общественной самозащиты (КСС), выпустил «Декларацию демократического движения», в которой, среди прочего, указал на необходимость внедрения подлинно независимого рабочего представительства на предприятиях [26. С. 124]. С сентября 1977 г. КСС–КОР начал издавать журнал «Robotnik», стараясь тем самым наладить постоянные и крепкие связи между оппозиционной интеллигенцией и рабочими. Журнал выходил с периодичностью в две недели и распространялся на многих предприятиях. Он ставил целью «помощь в защите прав рабочих [...] поддержку независимого рабочего представительства, которое должно сменить безжизненные профсоюзы» [27]. Однако первый реальный шаг в создании независимых профсоюзов сделал не КОР, а конкурировавшая с ним организация националистического толка – Движение в защиту прав человека и гражданина (РОПЧО), созданная в мае 1977 г. В марте 1978 г. в Катовицах деятелями, связанными с РОПЧО, было провозглашено образование Свободных профсоюзов Верхней Силезии. Эта структура долго не просуществовала и распалась из-за преследования Службой безопасности, однако по ее примеру в конце апреля того же года активисты КОР создали аналогичную

организацию в Гданьске (она называлась Свободные профсоюзы Побережья). Детище КОРовцев оказалось куда более жизнеспособным и сумело продержаться до новой волны забастовок, а в октябре 1981 г. слилось с «Солидарностью». И хотя образование новых независимых профсоюзов из-за репрессий шло с большим трудом, власти всерьез обеспокоились этим явлением. В начале 1979 г. в аппарате Службы безопасности возник даже особый департамент «охраны национальной экономики» для пресечения любых проникновений «врага» на предприятия [28. С. 292]. Под врагом понимались все неформальные общественные структуры. Одновременно, в точности повторяя маневр Гомулки в предпоследний год его нахождения у власти, в Политбюро ЦК ПОРП начались дискуссии о повышении роли рабочего самоуправления. При воеводских советах были созданы специальные органы, которые должны были активизировать его работу [29. С. 61–62]. Впрочем, причиной этого стала вовсе не деятельность оппозиционных организаций, а нараставшие экономические трудности и возросшая самостоятельность местных элит, заставлявшая власти искать противовес этому в лице народных масс (не случайно именно в этот период постоянно повышались зарплаты лиц, занятых физическим трудом). Что же касается степени общественного резонанса деятельности КОР, то его хорошо иллюстрирует следующий пример. В начале 1977 г. секретаря заводской парторганизации на одном из крупных предприятий спросили, как он оценивает влияние КОР. Тот, после недолгих раздумий, ответил, что на его заводе КОР действует очень динамично, организует досуг трудящихся, группа КОР получила государственные награды, проводит занятия по стрельбе, и вообще КОР – это замечательная организация. При этом отвечавшему даже не пришло в голову, что задавший вопрос имел в виду что-то другое, чем Кругок офицеров запаса (польская аббревиатура которого также звучала как КОР) [29. С. 34].

Однако в дальнейшем КОР и Свободные профсоюзы приобрели куда большее влияние. Еще в июле 1978 г. представители оргкомитетов независимых профсоюзов Катовиц и Побережья издали «Обращение ко всем людям труда в Польше и профсоюзах мира», в котором констатировали, что официальные профсоюзы в ПНР, как показали события июня 1976 г., целиком подчинены «монопартии», ввиду чего следует наладить сотрудничество рабочих и интеллигенции для реального отстаивания своих прав [30. С. 205]. В декабре 1979 г. увидела свет «Карта прав рабочих», которая перечисляла неотъемлемые права трудящихся, описывала методы борьбы за них и призывала создавать по всей стране независимые профсоюзы. В целом же Карта затрагивала лишь экономические и социальные вопросы, и не ставила политических задач (впрочем, в условиях ПНР тезис о независимых рабочих организациях неизбежно приобретал политическое звучание) [30. С. 207–214; 28. С. 307]. К 1980 г. активисты Свободных профсоюзов были на многих предприятиях Польши [30]. О них хорошо знали за границей, финансовую поддержку (через КОР) оказывали профсоюзные организации Франции, Норвегии, Швеции, Италии, Международная амнистия, а также частные лица (Г. Белль, Г. Грасс, Э. Ионеску, Ж.-П. Сартр и др.) [31. С. 143]. Под воздействием нараставших экономических трудностей и общественного недовольства даже лояльные власти люди начали склоняться к расширению самостоятельности профсоюзов. Например, в октябре 1977 г. в Политбюро ЦК ПОРП обратился ряд интеллектуалов и бывших партийных функционеров, заявивших о необходимости введения реальных демократических свобод и повышения значимости профсоюзов [32. С. 147–148].

Один из самых мощных свободных профсоюзов появился на гданьской верфи им. Ленина. Его активистами были электрик Л. Валенса и сварщик А. Валентинович. Когда в августе 1980 г. Анну Валентинович в наказание за деятельность в независимом профсоюзе уволили с работы, ее коллеги по оппозиции организовали забастовку, впервые обнаружив силу своей структуры. Забастовка эта стала искрой, которая взорвала страну, уже давно погружавшуюся в пучину эконо-

мического кризиса. На верфи образовался Межзаводской забастовочный комитет (МЗК) (возглавленный Валенсой), который выставил ряд требований к властям. В отличие от всех предыдущих акций протеста, теперь лидеры забастовщиков предъявили не только экономические, но и политические требования, первым из которых было создание независимых профсоюзов. Этот факт явился красноречивым свидетельством эффективности сотрудничества рабочих и интеллигенции в рамках оппозиции (Л. Валенса был близок к КОР). Вскоре в Гданьск прибыли представители оппозиционных сообществ, создавшие там Экспертную комиссию при МЗК. Эта комиссия стала мозгом той организации, которая спустя короткое время получила название «Независимого самоуправляемого профсоюза Солидарность». 31 августа в Гданьске было подписано соглашение между представителями забастовщиков и партийно-государственного аппарата, согласно которому ПНР допускала существование организаций трудящихся, неподконтрольных правящей партии.

Таким образом, опыт Польши показал несовместимость руководящей роли партии и широкой демократии на производстве. Теоретические основы официальной идеологии, провозглашавшей допуск трудящихся к управлению предприятиями, вступали в противоречие с партийной практикой, ограничивавшей пределы возможной демократии директивами правящей верхушки. Предоставление рабочим организациям свободы открывало вентиль, из которого грозила вырваться стихия, явно идущая вразрез с руководящей ролью партии. Представители власти склонны были объяснять это происками классового врага или разгулом преступности. И Гомулка, и Герек были убеждены, что рабочее самоуправление представляло трудящимся реальные рычаги воздействия на дирекцию, не видя при этом, что в действительности значение советов обесценивалось всевластием партийных структур и отсутствием низового воздействия на правящий режим. В этом смысле ситуация на предприятиях полностью повторяла ситуацию в стране, где при формальном верховенстве местных советов вся полнота власти находилась в руках у парткомов. Характерно при этом, что гомулковская и герековская команды прошли по сути один и тот же путь, начав с обещаний предоставить трудящимся возможность участвовать в принятии решений, и быстро перейдя к новой централизации и закручиванию гаек. Обе команды балансировали между соблазном установить жесткую властную вертикаль и опасениями, что такая вертикаль приведет к новым рабочим выступлениям, подобным тем, что были в 1956 г. Правящий режим ПНР так и не нашел выхода из этой ситуации, уступив место проверенным на Западе образцам взаимоотношений работника и работодателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Stabek H.* *Obraz robotników polskich w latach 1945–1989.* Warszawa; Kutno, 2004.
2. *Яргов Д.* Сталинизм в Польше (1948–1956) // Польша – СССР. 1945–1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005.
3. *Kozłowski K.* *Strajki robotnicze na Pomorzu Zachodnim // Robotnicy przemysłowi w realiach PRL.* Radom; Starachowice, 2005.
4. *Opexov A. M.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005.
5. *Eisler J.* «Polskie miesiące» czyli kryzys(y) w PRL. Warszawa, 2008.
6. *Jarosz D.* *Trudności aprowizacyjne jako wyznacznik świadomości i zachowań robotników polskich (1945–1970) // Robotnicy przemysłowi w realiach PRL.* Radom; Starachowice, 2005.
7. *Kamiński Ł.* *Polacy wobec nowej rzeczywistości 1944–1948.* Toruń, 2000.
8. *Friszke A.* *Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980.* Londyn, 1994.
9. <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19560530238>
10. *Mazurek M.* *Przechytrzyć zegar fabryczny. Nadzór instytucjonalny i nieformalna kontrola społeczna w zakładach im. Róży Luksemburg w Warszawie w latach 1956–1961 // Robotnicy przemysłowi w realiach PRL.* Radom; Starachowice, 2005.
11. <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19580770397>
12. *Wacławek J.* *Podstawowa organizacja partyjna. Jej rola i zadania.* Warszawa, 1969.

13. *Zarajczyk A.* Kierownicza rola PZPR w działalności rad narodowych. Warszawa, 1962.
14. O kierowniczej roli partii w systemie PRL (zagadnienia wybrane). Warszawa, 1968.
15. *Taras R.* Ideology in a socialist state. Poland 1956–1983. Cambridge, 1984.
16. *Dymek B.* Z dziejów PZPR w latach 1956–1970. Warszawa, 1987.
17. *Głowacki A.* Kryzys polityczny 1970 roku. Warszawa, 1990.
18. *Hirszczyk Z.J.* Historia polityczna Polski. Białystok, 1996.
19. *Eisler J.* Grudzień 1970. Geneza, przebieg, konsekwencje. Warszawa, 2000.
20. *Hemmerling Z., Nadolski M.* Opozycja wobec rządów komunistycznych w Polsce. 1956–1976. Wybór dokumentów. Warszawa, 1991.
21. АБП РФ. Ф. 122. Оп. 56. П. 421. Д. 34.
22. Gomułka i inni. Dokumenty z archiwum KC. 1948–1982. Wstęp, wprowadzenia i przypisy Y. Andrzejewski [A. Paczkowski], Warszawa, 1986.
23. <http://szczecin.gazeta.pl/szczecin/1,40765,3861784.html>
24. *Sasanka P.* Czerwiec 1976. Geneza. Przebieg. Konsekwencje. Warszawa, 2006.
25. <http://www.kor.org.pl/>
26. *Bernhard M.H.* The origins of democratization in Poland. New York, 1994.
27. http://pl.wikipedia.org/wiki/Robotnik_%28dwutygodnik_KOR%29
28. *Paczkowski A.* Pół wieku dziejów Polski. Warszawa, 2005.
29. *Adamus A.* Zanim był sierpień. Wrocław, 1995.
30. Myśl programowa opozycji demokratycznej w Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. 1976–1980. Rzeszów, 1993.
31. http://www.kor30.sws.org.pl/Panel_5.htm
32. *Eisler J.* Zarys dziejów politycznych Polski. 1944–1989. Warszawa, 1992.

© 2011 г. О.Н. МАЙОРОВА

АВГУСТОВСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ 1980 ГОДА В ПОЛЬШЕ: 30 ЛЕТ СПУСТЯ

В статье рассматриваются причины забастовок в Польше в июле – августе 1980 г., ход переговоров между правительственными комиссиями и Межзаводскими забастовочными комитетами в Гданьске и Щецине, анализируются достигнутые соглашения, в которых главным достижением бастующих было получение согласия властей на создание независимых самоуправляемых профсоюзов.

The author considers the reasons of strikes in Poland in July – August 1980, the course of negotiations between the Governmental Commissions and Inter-Factory Strike Committees in Gdańsk and Szczecin, analyses the reached agreements, in which the main achievement was the authorities' consent to create independent trade unions.

Ключевые слова: МЗК, Польша, Побережье, Август 1980, соглашения.

Во второй половине 1970-х годов в Польше накапливались кризисные политические и общественно-экономические явления, очередной общественный взрыв был только вопросом времени. Власти снова повысили цены на мясо и мясопродукты, на этот раз с 1 июля 1980 г. в заводских столовых, а также расширили ассортимент продуктов в коммерческих магазинах. Наверное, никто не предполагал, что это решение, осуществленное без предварительной подготовки общественного мнения, не объявленное даже в средствах массовой информации, станет поводом для крупнейшей в истории Польши волны забастовок: только в июле бастовали около 80 тыс. человек на 177 предприятиях в различных частях страны [1. С. 50].

Июльские забастовки имели локальный или региональный (Люблинское воеводство) характер, не были организованными, ни разу не дошло до выхода бастующих за ворота предприятия или организации уличной манифестации. Вероятнее всего, уроки декабря 1970 г. и июня 1976 г. хорошо запомнились. Но, как отмечалось в подробной «Информации Генконсульства СССР в Гданьске», «ход дальнейших событий показал, что практика центральных и местных органов партии и государства по устранению конфликтов, начиная с люблинских событий, путем локального удовлетворения требований коллективов предприятий, прекративших работу, не могла снять растущую напряженность и недовольство положением дел в обществе, в первую очередь среди рабочего класса, а наоборот, удовлетворение требований рабочих на одном предприятии способствовало подталкиванию к выдвижению требований рабочими других предприятий [...] Однако ни центральные, ни местные органы конкретных и радикальных мер не предприняли» [2. Док. 5. Л. 2].

Майорова Ольга Николаевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Забастовки рабочих были поддержаны организациями оппозиционной интеллигенции. Наибольшую активность проявлял Комитет защиты рабочих (КОС–КОР). Два его заявления, от 2 и 11 июля, предостерегали от «таких форм протеста, которые власти смогут использовать для провокации», призывали «не довольствоваться частичной компенсацией», «создавать [...] рабочие комиссии, независимые профсоюзы и другие организации, способные защищать интересы рабочих», а «в общенациональных интересах – уничтожить предварительную цензуру и ввести закон о прессе», прекратить репрессии в отношении лиц, «занимающихся независимой общественной и политической деятельностью». 8 августа КОР выразил готовность оказать бастующим организационную и финансовую помощь, а также поддержку интеллигенции [3. S. 548, 550, 558–560]. Лидер более радикальной Конфедерации независимой Польши (КПН) Л. Мочульский, откликаясь на просьбу Валенсы, написал инструкцию «Забастовочная борьба в ПНР – 1980 г.», содержащую советы по успешной организации забастовок. В частности, отмечалось, что кроме экономических необходимы и политические требования, так как «без политических уступок власть не выполнит экономические требования» (цит. по [4. S. 124]).

На предприятиях распространялись оппозиционные независимые издания, среди которых в конце 1970-х годов исключительную роль играла газета КОС–КОР и свободных профсоюзов «Robotnik». В июле 1978 г. она опубликовала «Хартию прав рабочих», в которой отмечалось: «Только независимые профсоюзы, имеющие поддержку рабочих [...] будут представлять силу, с которой власть вынуждена считаться и вести переговоры на равных» (цит. по [5. S. 285–295]). Многие требования, содержащиеся в «Хартии», были приняты забастовочным движением летом 1980 г. «Robotnik», распространявшийся в нескольких десятках городов, в том числе в Гданьске (1–2 тыс. экз.) и Щецине (около 1 тыс. экз.), с 12 июля 1980 г. публиковал в основном конкретную информацию о забастовках по всей стране, которая шла главным образом от самих бастующих, информировавших о своих акциях по телефону Я. Куроня или других членов Комитета.

Июльские забастовки в Люблине оппозиция расценила как «новое общественное качество», в частности, «кристаллизацию определенных лозунгов, программ, которые выходили за рамки экономических требований» [6]. На эволюцию требований рабочих обращалось внимание и сотрудниками Генконсульства в Гданьске: «В требованиях бастующих рабочих механического цеха Гдыньского порта уже появились и политические: ликвидация цензуры печати, обеспечение свободы выступлений и больших демократических прав; привлечение к ответственности тех партийных и государственных руководителей, которые виновны в сложившейся трудной экономической ситуации в стране, высказывалось сомнение в возможностях партии найти выход из нее и недоверие к политике партии». В «Информации» также отмечалось, что забастовки в Люблине, Варшаве, Тчеве и Гдыни стали звеньями «продуманной и организованной деятельности оппозиционных [...] сил, изучавших реакцию и действия партии и правительства с одной стороны, и реакцию рабочего класса на выдвигаемые этими силами требования [...] – с другой» [2. Док. 5. Л. 2]. Но Политбюро ЦК ПОРП, как вспоминал Ч. Кишак, решило, что «забастовки в основном закончились, что еще раз с ними удалось справиться» [7. S. 105]. Решение оказалось ошибочным.

14 августа 1980 г. началась забастовка на Гданьской судовой верфи им. Ленина. Рабочие избрали для переговоров с администрацией стачечный комитет, который возглавил Лех Валенса. В «Информации Генконсульства» дается его подробная характеристика: один из руководителей декабрьских событий 1970 г. на этой судовой верфи, в 1976 г. уволен за незаконную агитацию среди рабочих. Активист КОРа, представлял организацию так называемых свободных профсоюзов, входил в редакцию нелегальной газеты «Robotnik». «Стачечный комитет от имени ба-

стюющих рабочих поставил перед руководством верфи свыше десяти различных социально-экономических требований», в том числе возведение памятника жертвам выступления рабочих в декабре 1970 г., гарантии безопасности бастующих, возвращения на работу Валенсы. При этом отмечалось, что на судоверфи появились деятели КОС–КОР Б. Борусевич, М.и Б. Рыбинские, Д. Кобздей, Т. Щудловский, М. Гживачевский, А. Халль, К. Белинский, Е. Милевич [2. Док. 5. Л. 3–4].

По существу это была первая подготовленная существовавшими с весны 1978 г. ячейками свободных профсоюзов забастовка. Докладывая о ее начале на Гданьской судоверфи на заседании Политбюро 14 августа, С. Каня, ответственный за контроль над МВД, сказал: «Тон задают два коровца и уволенный с работы Валенса, связанный с группой Куроня». А. Каркошка, который во время декабрьских событий 1970 г. был первым секретарем ВК ПОРП в Гданьске, заметил: «Мы имеем дело с организованной деятельностью антисоциалистических элементов» (цит. по [8. S. 30]).

15 августа прекратили работу еще ряд предприятий Гданьска и Гдыни, в том числе судоверфи им. Парижской коммуны, им. Героев Вестерплатте, ремонтные судоверфи и порты. В ходе многочасовых переговоров дирекции гданьской судоверфи им. Ленина удалось договориться с забастовочным комитетом по основным требованиям, выдвинутым бастующими: повышение на 1500 злотых зарплаты для каждого работника, независимо от должности и заработка, существование независимых профсоюзов, но действующих только на территории верфи. 16 августа в 14.20 было подписано соглашение; о результатах переговоров, достигнутом соглашении и прекращении забастовки по местному радиовещанию судоверфи рабочих информировал председатель стачечного комитета Валенса. Но другие предприятия Гданьска продолжали бастовать, и из чувства солидарности с ними работники судоверфи им. Ленина отказались от соглашения.

Таким образом, переломным днем оказалось 16 августа, когда вечером на предприятии был сформирован Межзаводской забастовочный комитет (МЗК), официально заявивший о своем существовании в прокламациях и листовках в воскресенье 17 августа. 18 августа число прекративших работу предприятий увеличилось до 120–130, а после призыва МЗК приступить к всеобщей забастовке на Гданьском Побережье их количество росло буквально по часам. Появилась потребность создать Президиум МЗК.

С этого времени «в городском комплексе Гданьск – Сопот – Гдыня по существу сложилась обстановка двоевластия. Деятельность первичных партийных организаций большинства предприятий и учреждений, гминных и городских комитетов партии парализована [...] В то же время МЗК [...] координировал и направлял действия стачечных комитетов, принимал делегации предприятий из других воеводств, многочисленных западных журналистов, корреспондентов радио и телевидения, отдельных функционеров и делегации профсоюзов из капстран, информировал постоянно находящуюся перед воротами верфи толпу о вновь забастовавших предприятиях, о “дарах” организаций и частных лиц в фонд бастующих и т.д.» [2. Док. 5. Л. 8].

Художник-график Е. Янишевский, находившийся в той толпе и увлекшийся всеобщим энтузиазмом, решил дать судостроителям нечто исключительное – логотип. Обратив внимание, что чаще всего повторяется слово «солидарность», он на белом листе нарисовал красной краской слово «Solidarność», а из буквы N воздвиг бело-красный флаг. Знак выражал гражданский протест [9. № 9. С. 18].

С момента создания МЗК во главе с Валенсой изменилась суть протеста. Из двадцати одного пункта требований семь имели политический характер, например, создание свободных профсоюзов и гарантирование права на забастовку, безопасность бастующих и людей, им помогавших. Остальные требования касались различных вопросов, например, сообщения в средствах массовой ин-

формации о создании МЗК, введения принципа подбора кадров в зависимости от квалификации, а не партийной принадлежности и др. [10. S. 706–707; 2. Док. 5. Л. 17–18]. На формулирование этих требований оказал влияние опыт декабря 1970 г. Конфликт распространился и на другие города и предприятия Побережья, а 18 августа достиг Щецинского Поморья. На Щецинской судоверфи им. Адольфа Варского 19 августа возник МЗК во главе с Марианом Юрчином, в который вошло 20 предприятий. Был установлен перечень требований из 36-ти пунктов, в том числе создания свободных профсоюзов, повышения зарплаты и т.д. [10. S. 708–709].

Какую позицию в отношении требования свободных профсоюзов рабочих верфи занял КОС–КОР? Ответ на этот вопрос дает совместное обращение КОС–КОР и редакции газеты «Robotnik» от 18 августа. Оно менее радикально, чем требование гданьского МЗК: лишь введение постоянной надбавки к заработной плате «на дороговизну» и создание независимых организаций отдельных общественных групп, в том числе рабочих, для контроля за выполнением этого требования [3. S. 561]. Следовательно, нет оснований говорить о доминирующей роли КОС–КОР в формулировании требования № 1 [11. S. 18–19]. Но «руководитель КОР–КОС Куронь с момента массовых забастовок почти непрерывно находился в Гданьске. По просьбе Л. Валенсы он не заходит в резиденцию профсоюза “Солидарность”, однако часто встречается с ним в различных местах города, а также [...] с Б. Бурсевичем и другими активистами этой организации» [2. Док. 6. Л. 2–3].

Быстрое распространение протеста на другие предприятия и заявление МЗК, что он «уполномочен вести переговоры с центральными властями», усилили сопротивление бастующих [4. S. 127]. Правительство ответило арестами среди оппозиционных деятелей. В такой атмосфере 20 августа 64 интеллектуала, в том числе деятели «Товарищества научных курсов» (ТНК), обратились к властям и бастующим с призывом начать диалог и заключить компромисс: «Только благоразумие и смелость мысли могут сегодня привести к соглашению в интересах нашей родины», – говорилось в документе [10. S. 715]. На следующий день два подписанта обращения – Б. Геремек и Т. Мазовецкий – передали письмо бастующим на гданьской судоверфи. Президиум МЗК поручил Мазовецкому создать комиссию экспертов для оказания помощи делегациям рабочих в переговорах с правительственной комиссией во главе с вице-премьером М. Ягельским.

В состав комиссии экспертов вошли: Т. Мазовецкий – председатель, Б. Геремек, Т. Ковалик (экономист), А. Веловейский, Я. Станишкис (социолог), В. Кучиньский (экономист), Б. Цывиньский (историк, гл. ред. ежемесячника «Znak»). Большинство членов комиссии принадлежали к руководству ТНК, нелегально действовавшего с 1978 г., поэтому они не только были лично знакомы, но и имели опыт в организации оппозиционной деятельности. Лишь Веловейский был многолетним секретарем варшавского Клуба католической интеллигенции и одним из создателей нелегального Конверсаториума «Опыт и будущее». В. Кучиньский полагает, что идея экспертов появилась еще до августовских протестов и по мере развития забастовочного движения эта идея становилась целесообразной, поскольку политическая игра требовала определенного умения. Т. Ковалик утверждает, что непосредственным импульсом к созданию комиссии экспертов были тревожные вести из Гданьска об «опасности авантюризма» некоторых руководителей забастовки [4. S. 134]. Валенса считал, что создание комиссии экспертов было «на руку власти. Она, возможно и правильно, боялась радикализма формулировок нервных, простых людей, за которыми моральная правота [...] Само создание комиссии экспертов открыло перспективу соглашения» [12. S. 155].

Эксперты правительственной стороны также позитивно оценивали шансы соглашения. Так, А. Райкевич вспоминал: «Состав группы советников забасто-

вочного комитета показывал, что можно рассчитывать на компромиссы [...], так как по другую сторону стола сидели знакомые люди, с которыми я встречался в “Клубе кривого колеса” или в группе “Демократия и мир”» [13. S. 11].

Что касается позиции власти в рассматриваемый период, то с момента образования 17 августа правительственной комиссии и до 23 августа она вела переговоры с забастовочными комитетами отдельных предприятий, а затем с группой представителей 17 предприятий, составлявших едва ли 5 % бастующих, «стремясь, – как отмечалось в “Информации Генконсульства”, – путем удовлетворения экономических требований рабочих этих предприятий внести раскол в так называемую солидарность бастующих и таким образом разрешить конфликт локальным путем. Иными словами, друзья (польское руководство. – *О.М.*) пытались решить проблему старыми методами, но в совершенстве иных, новых условиях. К сожалению, эта тактика не принесла желаемых результатов. Она, по признанию друзей, и не могла после образования МЗК дать положительного результата, так как количество прекративших работу предприятий и учреждений утром 19 августа достигало 160–180 и продолжало увеличиваться» [2. Док. 5. Л. 7].

18 августа Политбюро приняло решение направить в Гданьск правительственную комиссию во главе с вице-премьером Т. Пыкой, доверенным лицом Э. Герека, для ведения переговоров с бастующими. Он согласился на повышение зарплаты на 30 % (около 1500 зл.) и другие социальные выплаты, но отклонил политические и профсоюзные требования. Однако ни Политбюро, ни Совет министров не одобрили заключенных соглашений. Премьер Э. Бабюх назвал выторгованные постановления «миной, заложенной под национальную экономику, а С. Каня заявил, что Пыку подвело политическое воображение, поскольку он не смог предвидеть социальных последствий этого решения. Ему, в частности, ставилось в вину, что, принимая совместные постановления, он легализует забастовочные комитеты. На VI Пленуме ЦК ПОРП (4–5 сентября 1980 г.) Т. Пыка был отозван из состава ЦК. Но причина его отставки лежит глубже. Польский исследователь Л. Дорн обратил внимание на то, что «в августе внутри аппарата и элиты власти активизировались те группы, которые были прежде всего заинтересованы в свержении команды Герека и которые противодействовали быстрому разрешению кризиса путем “реформы” ЦСПС (Центральный совет профессиональных союзов. – *О.М.*) и новых выборов в этих профсоюзах, что давало шанс продержаться правившей тогда группе» (цит. по [11. S. 23]). Валенса прямо говорил, что «формула миссии Пыки была простой: спасти действующую команду от падения. Эта миссия закончилась компрометацией [...] В центре созрел план выдать бастующим команду Герека в качестве “козла отпущения”» [12. S. 141].

Если польский исследователь А. Пачковский не нашел никаких убедительных доказательств подготовки заговора против Э. Герека, на чем последний неоднократно настаивал, то Я. Селезин, ссылаясь на документы Министерства госбезопасности ГДР, отметил важную роль в борьбе за власть фракции С. Кани, к которой принадлежали К. Барчиковский, С. Ковальчик, В. Крук, А. Верблян, М. Мочар, З. Грудзень. По крайней мере с 1978 г. эта группа считала необходимым выработку новой политики, «представляющей польский вариант финляндизации», при этом передавала первому секретарю фальсифицированные данные о ситуации «в партии, экономике, антисоциалистических силах», препятствовала озвучиванию в Политбюро критических замечаний, высказанных «на собраниях по выборам на VII съезд ПОРП» [4. S. 133]. В любом случае кадровые изменения считались выходом из создавшего положения. Премьер Э. Бабюх и глава профсоюзов Я. Шидлак подали в отставку. Правда, 21 августа Герек высказался против перемен («о персональных делах будет время поговорить, когда ситуация успокоится»), но Каня, ссылаясь на разговоры с секретарями воеводских комитетов, настаивал на «серьезных кадровых изменениях». Бабюх драматично заявлял:

«Надо спасти партию и страну, направив всю критику на правительство». Таким образом, по мнению Пачковского, это была социотехника, а на нее наложилось персональное соперничество, обычно усиливающееся в критических ситуациях [8. S. 45–46]. 24 августа IV Пленум ЦК ПОРП утвердил кадровые изменения, и уход людей, связанных с Э. Герекем (в частности, Я. Шидляка, Т. Пьки, З. Жандаровского, руководителя ТВ М. Щепаньского) ослабил его позицию. В узком руководстве появилось несколько фигур, считавшихся «сильными», – прежде всего С. Ольшовский, вошедший в Политбюро, и Т. Грабский, назначенный вице-премьером. Невыразительный новый премьер Ю. Пиньковский авторитетом не обладал. Кадровый маневр не оправдал ожиданий, если иметь в виду настроения в обществе, зато обострил конфликт в высшем аппарате.

По решению Политбюро были созданы Координационный комитет деятельности центральных органов власти по ликвидации забастовки (во главе с С. Каней), Штаб МВД для руководства операцией «Лето–80», обладавший широкими полномочиями и приступивший к широкой оперативно-розыскной деятельности в различных сферах общественной жизни.

Парадоксально, но затягивание решения конфликта было выгодно протестующим. Так, член ЦК ПОРП Я. Лабендзкий 22 августа в телексе С. Кане высказался за продолжение переговоров с гданьским МЗК и быстрое достижение соглашения, так как «время работает на них, они укрепляются организационно и идеологически (клер); существует опасность распространения влияния на страну. К бастующим присоединяется интеллигенция и творческие круги, это станет еще более опасным с возвращением учащихся в школы» (цит. по [4. S. 137]).

За событиями в Польше внимательно наблюдали со Старой площади в Москве. Вспыхнувшие в июле 1980 г. в Люблине краткосрочные забастовки особой обеспокоенности в Кремле не вызвали. Состоявшаяся 31 июля беседа с Э. Герекем, прибывшим на отдых в Крым, была довольно обычной. Его лишь слегка покритиковали за то, что при принятии решения о повышении цен на мясо были не до конца учтены «возможные социальные последствия», а партийные организации на местах не провели «соответствующей разъяснительной работы». Л.И. Брежнев дал несколько «советов»: в частности, «развернуть непримиримую контрпропаганду против стремлений смазать классовое содержание социалистического патриотизма под лозунгом “все поляки в мире – братья”» [14. С. 89].

Отношение к событиям в Польше со стороны советского руководства изменилось 14 августа, после забастовки в Гданьске. Первая попытка оценить происходившее была предпринята руководством КПСС 20 августа. В направленном в этот день Брежневым Гереку письме сообщалось, что положение в Польше вызывает озабоченность, при этом одобрялось, в частности, намерение Герека «изолировать враждебные элементы от трудящихся политическими и взвешенными административными мерами» (цит. по [15. С. 96]). Для выработки курса по отношению к Польше 25 августа была создана предельно засекреченная комиссия Политбюро ЦК КПСС по Польше (так называемая комиссия Сулова) в составе наиболее влиятельных политических фигур: М.А. Сулова (председатель), А.А. Громько, Ю.В. Андропова, Д.Ф. Устинова и др. [14. С. 84].

Подписание соглашений между правительством и «Солидарностью» в Гданьске, Щецине и Ястшембе-Здруй, о чем речь подробно пойдет ниже, советское руководство восприняло, с одной стороны, с определенным облегчением, поскольку удалось прекратить забастовки, и с другой – с полным неприятием легализации оппозиции в виде «свободных профсоюзов» – с другой. В одном из документов «Комиссии Сулова» отмечалось, что общественные соглашения – «большая политическая и экономическая цена за достигнутое “урегулирование”, они означают легализацию антисоциалистической оппозиции», при этом «сложность борьбы с нею состоит, в частности, в том, что оппозиционеры маскируются под защитников

рабочего класса» [14. С. 87–88]. Отсюда и двойственность принятых тогда решений: объявить деятельность независимых профсоюзов делом рук «подрывных» сил в виде КОРА и спецслужб США, и в то же время – оказать срочную финансовую помощь (150 млн долл. США). Было признано необходимым также, чтобы советские внешнеторговые организации «взяли под особый контроль выполнение соглашений и контрактов по поставкам советского оборудования [...] для судостроительной и судоремонтной промышленности ПНР и добились полной и своевременной, а по возможности и досрочной, их реализации» [2. Док. 5. Л. 16].

В Москве все больше склонялись к выводу, что Герек не готов проводить жесткую линию в отношении «антисоциалистической оппозиции». В одном из документов «Комиссии Суслова» отмечалось, что при Гереке получила распространение «националистическая идея, что, мол, “поляк всегда может договориться с поляком”» [14. С. 91]. 28 августа в беседе с Э. Гереком, состоявшейся по поручению ЦК КПСС, посол СССР в ПНР Б. Аристов не смог добиться от собеседника твердых обязательств «навести порядок с забастовщиками и не уступать классовому врагу». Днем раньше он телеграфировал в Москву, что в Политбюро ЦК ПОРП верх взяли сторонники умеренных шагов, которые большие надежды по нормализации обстановки возлагают на сотрудничество с католической церковью. Очевидно, тогда и было принято решение сместить Гереку. В начале сентября 1980 г. советское руководство явно делало ставку на С. Каню, курировавшего МВД и спецслужбы. Таким образом, со второй половины августа и до начала октября 1980 г. Кремль формировал свою позицию в отношении польских событий. «Имеющиеся источники позволяют утверждать, – делает заключение российский специалист по польской проблематике, в тот период сотрудник отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран В.И. Воронков, – что Москва восприняла возникновение «С[олидарности] как основную угрозу своему присутствию в Польше, не допускала даже мысли о возможности диалога с лидерами оппозиции и в конечном счете высказывалась за силовое решение конфликта» [15. С. 97]. При этом в одном из документов «Комиссии Суслова» рекомендовалось «максимально использовать сдерживающий контрреволюцию фактор, связанный с опасениями внутренней реакции и международного империализма по поводу того, что Советский Союз может ввести в Польшу свои войска» [14. С. 92].

Запад, также пристально наблюдавший за событиями в Польше, явно поддерживал компромиссное окончание конфликта. «Польша в состоянии самостоятельно разрешить трудности, в соответствии со стремлениями народа», – говорилось, в частности, в письме президента Франции В. Жискара д’Эстена Гереку, с которым они поддерживали дружеские отношения (цит. по [8. S. 55]). Однако вряд ли в то время позиция Запада имела серьезное влияние на решение как Варшавы, так и Кремля.

Т. Пыку в Гданьске сменил другой вице-премьер – М. Ягельский, который начал переговоры 23 августа – на этот раз уже с МЗК. 21 августа переговоры в Щецине с МЗК предприняла другая правительственная комиссия во главе с вице-премьером К. Барчиковским. К этому времени «более 400 предприятий и учреждений Гданьского воеводства заявило об участии в забастовке [...] В Эльблонгском [...] прекратили работу практически все промышленные предприятия, строительные и транспортные организации. В Слупском [...] бастовало около 30 % предприятий» [2. Док. 5. Л. 9]. Вот как характеризуется обстановка на переговорах в Гданьске в «Информации Генконсульства»: члены президиума МЗК «вели себя развязно и пытались разговаривать “с позиции силы”». Они были тщательно подготовлены к переговорам, имели опытных [...] консультантов, умело используя демагогию и действительные факты, аргументировали свои требования [...] Выступления членов президиума МСК [Межзаводского стачечного комитета – *О.М.*] сопровож-

дались одобрительными криками и аплодисментами находившихся в соседнем зале представителей бастующих предприятий и толпы на территории судоверфи и перед ее воротами» [2. Док. 5. Л. 10].

Как Барчиковский, так и Ягельский заявили, что они готовы вести переговоры о реорганизации существующих профсоюзов, но при условии, что новые создаваться не будут. Ягельский гарантировал безопасность бастующим, но отказался опубликовать в прессе их требования. Поскольку условия МЗК не были приняты, переговоры были прерваны [12. S. 158–160, 163–171].

На заседании Политбюро 26 августа К. Барчиковский говорил, что «существует огромная солидарность с бастующими и повсеместная симпатия общества», МЗК «абсолютно владеет ситуацией [...] действует энергично [...] с высокой культурой [...] организует встречи с нами не хуже, чем работники Б[юро] о[храны] п[равительства]». Ему вторил М. Ягельский: «Они господствуют на всем Побережье [...] в смысле закона они действуют безупречно». Оба утверждали, что требование независимых профсоюзов имеет абсолютный приоритет. Ягельский заключил: «Мое ощущение такое, что мы должны будем выразить согласие на создание свободных профсоюзов». А. Жабиньский, проводивший переговоры вместе с К. Барчиковским, добавил: «Хотим мы того или нет, эти новые структуры и так уже возникают» (цит. по [8. S. 58–59]). С. Каня также считал неизбежным согласие на создание новых профсоюзов: «Следует полностью осознавать, что такое решение означает создание власти, гораздо более важной, чем Сейм и народные советы вместе взятые [...] Отсюда вытекает желание сказать “нет”, но это также будет иметь последствия, поскольку сил у нас нет [...] Лучше сделать шаг вправо, чем шаг в пропасть» (цит. по [11. S. 30]). Э. Герек, отражая настроения в руководстве, сказал, что согласие на новые профсоюзы – «это политический акт с непредсказуемыми последствиями для страны и всего социалистического лагеря». Во всяком случае в тот день «требование профсоюза» было отвергнуто.

Этот вопрос стал главной темой переговоров 26 и 27 августа как в Гданьске, так и в Щецине. Члены правительственных комиссий по-прежнему высказывались за реорганизацию прежних профсоюзов, обещали подготовку нового закона о них, а члены МЗК настаивали на обсуждении правовых рамок деятельности новых профсоюзов, их участия в принятии решений на предприятии и в стране: первоначальные постановления не удовлетворяли бастующих. С. Каня, явно раздраженный, говорил в ходе телеконференции первым секретарям ВК ПОРП: «Требование свободных профсоюзов зародилось не среди рабочих, а среди анти-социалистических прайдов где-то полтора-два года тому назад в Варшаве» [16].

28 августа, когда переговоры по первому пункту (о профсоюзах) зашли в тупик и были прерваны, обстановка в Гданьске и Гдыни обострилась: «межзаводской и стачечные комитеты на предприятиях, опасаясь применения войск для разгона бастующих, усилили охрану территории и ворот, в ряде мест забаррикадировали их» [2. Док. 5. Л. 10]. Руководство партии признало тогда, что затягивание переговоров грозит распространением протеста на всю страну. Уже забастовали предприятия в Лодзи, Бельско-Бялой, Кракове, Щвиднице, Ополе, Варшаве, Валбжихе и других городах. В Политбюро этого не ожидали. Первый секретарь ЦК Э. Герек стал склоняться к более решительным действиям и внес предложение об усилении блокады Побережья и арестах инициаторов забастовок [4. S. 146].

Что касается роли католического Костела в Польше, то с конца 1970-х годов его роль постоянно возрастала, постепенно менялось отношение к нему коммунистов. Поэтому неудивительно, что когда летом 1980 г. страну охватила волна забастовок, власти рассчитывали на то, что католический клир, особенно сам примас, вновь займут примирительную позицию, окажут влияние на протестующих. Это было тем более важно, что бастующие рабочие в значительно большей степени обращались к церкви, чем раньше: на воротах Гданьской судоверфи был

вывешен портрет Иоанна Павла II, а ксендз Г. Янковский по просьбе бастующих отслужил мессу на территории предприятия. Среди требований МЗК присутствовало, в частности, требование радиотрансляций богослужений для больных и престарелых людей (подробнее см. [1. S. 162]).

25 августа кардинал Вышинский принял в своей резиденции на ул. Мёдовой С. Каню, который впоследствии вспоминал: «Примас был очень озабоченным, положительно оценивал то, что власти разговаривают с бастующими [...] беспокоился, не потеряем ли мы контроля над развитием событий, не дойдет ли дело до кровопролития. Две его фразы особенно пронизательны. Первая: “А может быть, это не только протест рабочих, но и бунт граждан”. Вторая была вопросом: “А как там наши соседи?”. Этого он очень опасался» [17. 2001. 04. 01]. На заседании Главного совета епископата Польши 26 августа прелаты выразили убеждение, что условием внутреннего мира является уважение неотъемлемых прав народа, к которым относится, в частности, «право работников свободно основывать профсоюзы, которые бы действительно представляли их интересы» [18. S. 13].

В проповеди 26 августа примас Вышинский призвал обе стороны конфликта «проявить благоразумие». Он напомнил бастующим, что даже если требования рабочих справедливы, «не бывает, чтобы они могли быть выполнены сразу, сегодня, их выполнение должно проходить поэтапно», при этом «на первом этапе должны быть выполнены основные требования, на втором – менее значимые» [10. S. 724–733]. Апелляция в равной степени к властям и протестующим в некоторой степени дезориентировала часть общества. До сих пор ведутся споры о смысле этой проповеди. Биограф примаса А. Мицевский отмечает, что «противоречивая проповедь в Ченстохове была отслужена примасом не под давлением, а в результате его озабоченности в связи с опасностью, грозящей Польше». А. Михник полагает, что кардинал Вышинский «с самого начала высказывался за поиск компромиссных решений». С. Каня увидел в проповеди «предостережение перед опасностью, нависшей над Польшей». Э. Герек, явно преувеличивая, утверждал, что примас «наиболее сильно за всю свою жизнь высказался за нас», т.е. поддержал правительство. Вероятно, наиболее точно смысл проповеди уловил В. Ярузельский: «Осторожность – да. Но не страх. Проповедь [...] характеризовалась прежде всего чувством ответственности». Примас поступил в соответствии со своими принципами: стабилизация и оппозиция. Спустя несколько месяцев он вспоминал: «Одним казалось, что примас слишком мало говорит “против правительства”, другим, что слишком мало “против рабочих судоверфи”. На самом деле примас не выступает ни против правительства, ни против рабочих судоверфи, а обращается к разумным детям народа. На том этапе им было достаточно, без обмана сказать только это» [11. S. 31–32]. Если он кому и служил, то бастующим, а не власти. Епископат взял на себя роль посредников, выдвинув предложение «подготовить группу экспертов или одного человека на случай срыва переговоров в Гданьске, чтобы они могли взять на себя инициативу проведения дальнейших переговоров» [4. S. 146].

Но, несмотря на трудности, переговоры продолжались. 26 августа была создана рабочая группа под руководством гданьского воеводы Е. Колодзеского и вице-председателя МЗК А. Гвядзы для подготовки предложений о деятельности новых профсоюзов. В ее состав вошли эксперты с обеих сторон. Т. Ковалик, участвовавший в этих дискуссиях, вспоминал, что главным автором первого пункта будущего соглашения был Т. Мазовецкий. Это подтверждают сохранившиеся черновики с многочисленными поправками, сделанными его рукой. Самый трудный для бастующих был вопрос о согласии с записанным в Конституции положением о руководящей роли ПОРП. «В Гданьских соглашениях мы ввели очень важное отличие, которое не все понимали, – вспоминал впоследствии Мазовецкий. – Мы нашли более выразительную, чем в Щецинских соглашениях, форму-

лировку, подчеркивающую независимость профсоюза от властей. Мы признали “руководящую роль партии в государстве”. Тем самым мы говорили: но не в этих профсоюзах, делая акцент на их автономию, автономию общества» [9]. С такой формулировкой не согласилась Я. Станишкис и вышла из состава комиссии, был недоволен организатор забастовки Б. Борусевич, но поддержали Л. Валенса и Президиум МЗК. Таким образом, вечером 27 августа появился совместный проект согласований.

Б. Геремек впоследствии подчеркивал, что «по этому вопросу был достигнут оптимальный по тем временам компромисс [...] В этом огромная роль Мазовецкого, который вносил в группу экспертов длительный не только политический опыт, но и умение достигать определенных компромиссов». Геремек тоже основным вопросом в тексте соглашения считал «определение границы монополии власти: общественная жизнь, свободная от этой монополии». Примечательно, что он напомнил об острой дискуссии, состоявшейся среди членов МЗК: «Вспоминали, как в 70-м выдвигались в принципе такие же предложения: изменить ЦСПС! И что из этого вышло? В результате однозначно верх взял взгляд, что в старые меха нового вина не налить! Это очень интересно, так как в целом молодое поколение было более бескомпромиссным, а по этому вопросу получилось наоборот: неуступчивыми оказались старшие члены МЗК, помнившие 70-й год и как их тогда обманули! [...] Ведь если сравнить требования августа 80-го с декабрем 70-го, то история как бы повторяется! [...] И для нас стало ясно, что мы не можем опустить планку ниже, чем создание новых профсоюзов» [6].

В конце концов в проект был включен пункт о создании нового, независимого профсоюза, при условии, что он будет соблюдать конституцию и не примет на себя функции политической партии, признает общественную собственность на средства производства, руководящую роль ПОРП в государстве и международные союзы Польши [13].

28 августа у Э. Герека состоялась беседа со своим советником с глазу на глаз. А. Райкевич не поддержал намерений Герека поехать в Гданьск, объясняя это тем, что «сейчас совершенно иная ситуация, чем девять лет назад». И далее он подробно охарактеризовал ее отличия: «1) появился новый лидер; он имеет безграничное доверие бастующих и способность влиять на настроения [...]; 2) вокруг бастующих собралась группа квалифицированных советников и экспертов [...]; 3) бастующих поддержал местный клир [...]; 4) с каждым часом возрастает заинтересованность и поддержка заграницы; 5) в Гданьске уже не видно партии и профсоюзов» [13. С. 13].

На основе протоколов Политбюро можно судить, что перелом в настроениях властей наступил 29 августа. Члены Политбюро одобрили компромисс с бастующими: они должны были «сделать шаг вправо и назад» [2. Док. 5. Л. 13]. Именно в этот момент впервые прозвучал лозунг, спустя несколько лет ставший знаменем военного положения: «Может быть, следует выбрать меньшее зло, – говорил Э. Герек, – а потом постараться из него выбраться». А. Пачковский полагает, что этот лозунг больше соответствовал ситуации конца августа 1980 г., чем поздней осени 1981-го [8. С. 59–60]. Если бы не угроза всеобщей забастовки и паралича экономики, то Политбюро вряд ли бы стало искать «оптимальный компромисс с бастующими». Что касается союзников, то, как сказал 30 августа Герек, «мы их проинформируем о том, что намереваемся сделать, но не будем советовать».

Собравшийся 30 августа V Пленум ЦК ПОРП должен был формально подтвердить решение узкого круга. Вопреки договоренностям, К. Барчиковский подписал соглашение в Щецине, не дожидаясь пленума ЦК, что было признано самовольным актом. Впоследствии он стал одной из значимых фигур в польской политике, в отличие от подписавшего 31 августа соглашение в Гданьске М. Ягельского, который был вскоре отстранен от должности.

Большое пропагандистское значение имел тот факт, что во время подписания соглашения в Гданьске члены делегации рабочих представителей были одеты в белые футболки с надписью «Solidarność», огромный лозунг «Солидарность победит» висел за спинами Валенсы и Ягельского. Фотографии, сделанные в тот момент, появились в газетах и телевизионных программах всего мира [9. С. 18]. Процесс был длительным, каждый пункт подписывался отдельно, вносились поправки. Ягельский обязался до 12 часов следующего дня освободить лиц, задержанных органами службы безопасности, а Валенса – прекратить забастовки [13].

В заключительном коммюнике, в частности, отмечалось: «Было достигнуто соглашение в жизненно важных вопросах для рабочих предприятий; [...] реализация решений, содержащихся в протоколе, будет в дальнейшем предметом согласований между комиссией и МЗК, который преобразуется в межзаводской организационный комитет независимых, самоуправляемых профсоюзов» [2. Док. 5. Л. 11]. Но победа бастующих в Щецине и Гданьске не означала конца глубокого общественно-политического кризиса. С 29 августа проходила всеобщая забастовка в Силезии, больно ударившая по национальной экономике. 1 сентября была создана Правительственная комиссия, которая спустя два дня подписала соглашение с МЗК в Ястшембе-Здруй.

Расхождения и неоднозначные формулировки в пунктах соглашений, заключенных в Гданьске и Щецине, давали властям возможность использовать их в свою пользу. Так, в Щецине было принято решение, что возникающие профсоюзы будут иметь социалистический характер, основываться на демократических выборах в рамках прежних структур. В Гданьске же речь шла о самоуправляемых и до определенной степени независимых профсоюзах.

Получилось так, как получилось, – сделал заключение А. Пачковский. «Для одних – победа, для других – “меньшее зло”» [8. С. 61]. 17 сентября в Гданьске на заседании делегации Межзаводских учредительных комитетов обсуждался вопрос о структуре нового профсоюза, единогласную поддержку получил пункт о регистрации единого Независимого самоуправляемого профессионального союза (НСПС) «Солидарность». Власти, которые довольно долго старались вписать его в структуры ПНР, согласились на регистрацию «Солидарности» только 10 ноября.

Почему стало возможным соглашение? Это было обусловлено, с одной стороны, решительностью бастующих, а с другой – высокой степенью декоммунизации, которой достигла Польша к концу 1970-х годов. В результате политики Герека после кризиса 1970 г. рабочие не только получили право вето на изменение цен на продовольствие, но и появилась новая формула легитимизации власти – соглашение «поляка с поляком» создавало впечатление, что никто не проиграл, а выиграла Польша.

В свою очередь, августовские соглашения – это очередной, существенный этап в процессе детоталитаризации, декоммунизации Польши. «Мы являлись свидетелями начала конца коммунизма», – вспоминает сегодня слова, услышанные в августе 1980-го, обозреватель журнала «Новая Польша» Л. Шаруга. Позднее фактическое обретение независимости за «круглым столом» уже не несло в себе такого запаса энергии: общество было измучено борьбой и ожиданиями. Даже демонтаж Советского Союза не вызвал таких эмоций, как подписание августовского соглашения в Гданьске [9. № 3. С. 77].

В ходе социологического опроса ЦИОМ в августе 2010 г. на вопрос, считают ли респонденты, что «Солидарность» оказала влияние на современное польское общество, что благодаря ей Польша стала свободной в 1989 г., что следует сохранять память о событиях 30-летней давности, 84 % жителей Трёхградья и 89% жителей больших городов ответили утвердительно [20. 2010. 18 VIII].

30-летие «Солидарности» отмечалось в Польше торжественно. В Гданьске, Гдыне и Щецине работали выставки, проходили научно-популярные конференции, состоялся юбилейный съезд «Солидарности». Президент Б. Коморовский в выступлении в Щецине, в частности отметил: «Не только американцы, но и мы имеем свою статую свободы [...] Это подъемные краны порта и судоверфи, которые видны издалека, которые свидетельствуют о том, что мы смогли высоко вознести Польшу». Призывая к диалогу, он подчеркнул: «Солидарная Польша возможна при условии, что она строится не против кого-либо, а с мыслью обо всех». Президент также выразил убеждение, что профсоюзы в современных условиях не должны активно участвовать в политической борьбе, что успех 30-летней давности «создал новые обстоятельства функционирования демократического государства и современных профсоюзов» [20. 2010. 29 VIII].

Давая оценку празднования в Польше 30-летия Августовских соглашений в целом, Б. Комаровский отметил, что оно вызвало «чувство жалости и огорчения», он разочарован «желанием поставить партийные интересы над общенациональными, какими являются гордость за то, что тогда удалось достичь» [20. 2010. 3 IX].

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что августовские соглашения 1980 г. – это очередной важный этап декоммунизации в Польше, при этом, с одной стороны, использовался ценный опыт событий декабря 1970 – января 1971 гг., а с другой – приобретался опыт ведения переговоров власти и общества, с таким успехом примененный в ходе «круглого стола» в 1989 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Eisler J.* «Polskie miesiące» czyli kryzys(y) w PRL. Warszawa, 2008.
2. РГАНИ. Коллекция. Ф. 89. Перечень 67.
3. Dokumenty Komitetu Obrony Robotników I Komitetu Samoobrony Społecznej «KOR». Warszawa; London, 1994.
4. *Sielezin J.* Płasczyzna konfrontacji politycznej między «Solidarnością» a władzą w latach 1980–1981. Wrocław, 2005.
5. *Friszke A.* Przystosowanie i opór. Studia z dziejów PRL. Warszawa, 2007.
6. Ekspersi w Gdańsku. Wspomnienia Bronisława Geremka o Sierpniu-80 // Po prostu (Tygodnik niezależny). 1990. 2 VIII. № 25.
7. *Bereś W., Skoczylas J.* General Kiszczak mówi... prawie wszystko. Warszawa, 1991.
8. *Paczkowski A.* Droga do «mniejszego zła». Strategia i taktyka obozu władzy. Lipiec 1980–styczeń 1982. Kraków, 2002.
9. Новая Польша. 2010.
10. Opozycja demokratyczna w Polsce 1976–1980. Wybór dokumentów. Warszawa, 1994.
11. *Mażewski L.* W objęciach utopii. Polityczno-ideowa analiza dziejów Solidarności 1980–2000. Toruń, 2001.
12. *Wałęsa L.* Droga nadziei. Kraków, 1990.
13. *Rajkiewicz A.* Ostatni tydzień // Polityka. 1990. 1 IX.
14. Документы «Комиссии Суслова». События в Польше в 1981 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 1.
15. *Воронков В.И.* События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади // Вопросы истории. 1995. № 10.
16. Pięć przed dwunastą. Z tajnych archiwów: telekonferencja Edwarda Gierka – 27 sierpnia 1980 // Polityka. 1990. 25 VIII.
17. Gazeta Wyborcza.
18. *Pernal M., Skórzyński J.* Kalendarium Solidarności. 1980–1989. Warszawa, 1990.
19. *Friszke A.* Lech Kaczyński i eksperci «Solidarności» // Polityka. 2010. 13 IX.
20. Polska Agencja Prasowa.

© 2011 г. А.С. СТЫКАЛИН

ПОЛЬСКИЙ КРИЗИС 1980–1981 ГОДОВ И ПОЗИЦИЯ РУКОВОДСТВА ВЕНГРИИ. ОПЫТ СОБЫТИЙ 1956 ГОДА В 25-ЛЕТНЕЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Острый внутривнутриполитический кризис в Польше в 1980–1981 гг. вызвал обеспокоенность руководителей других социалистических государств, в том числе венгерского лидера Я. Кадара, опасавшегося развития событий в Польше по венгерскому «сценарию» 1956 г., т.е. полной утраты партийного контроля над происходящим в стране. Кадар считал предпочтительным разрешение польского кризиса политическими средствами, но всецело поддержал введение генералом В. Ярузельским военного положения в стране 13 декабря 1981 г., полагая, что эта мера предотвратила советское военное вмешательство, способное нанести серьезный моральный урон мировому коммунистическому движению.

The acute crisis of 1980–1981 in Poland caused anxiety among the leaders of other Eastern-European countries including János Kádár in Hungary, who was calling to his mind the events of the autumn 1956 in his own country. During the course of the Polish crisis, Kádár advocated political means of its solution. Nevertheless, he entirely supported the emergency measures implemented by General W. Jaruzelski on December 13, 1981. The Hungarian leader was sure that only radical steps could prevent possible Soviet military action, extremely harmful for the international Communist movement.

Ключевые слова: Венгрия, Польша, социалистический лагерь, кризис, «Солидарность», военное положение.

Подъем забастовочного движения в Польше в августе 1980 г. совпал по времени со вступлением венгерской экономики в длительную полосу стагнации. Режим Яноша Кадара, на протяжении 1970-х годов привлекавший немалое внимание западного леволиберального экспертного сообщества как наиболее удачная попытка надолго примирить общество одной из стран советской сферы влияния в Восточной Европе с коммунистической властью (см. [1]), преодолел апогей своего развития, начал явно клониться к упадку. Негласный общественный договор, гарантировавший неуклонное повышение уровня жизни населения в обмен на отказ граждан ВНР от любого рода политической активности, выполнять с каждым годом становилось все труднее; кадаровская модель «прагматического социализма» давала трещину. Летом 1979 г. венгерское общество, уже успевшее привыкнуть к определенному уровню потребительских стандартов и поступательному, хотя и медленному росту благосостояния, было шокировано повышением цен на основные продукты питания на 20%. Поставив перед собой в качестве приоритетной задачу сохранения достигнутого уровня жизни, правительство взяло но-

---

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

вые кредиты на Западе, что только усилило зависимость венгерской экономики от конъюнктуры цен на нефть (революция 1979 г. в Иране нарушила выполнение обязательств этой нефтедобывающей страны по поставкам нефти на мировой рынок, что вынудило страны ОПЭК поднять цены на 10%). Все большая часть бюджета шла на погашение внешних займов. Заботясь о сохранении общественного спокойствия, власть по-прежнему сторонилась вмешательства в частную жизнь граждан, реагируя лишь на откровенно враждебные проявления. Одновременно она разработала новые меры, направленные на повышение социальной мобильности. Как бы там ни было, замаячившая на горизонте утрата населением привычного, гарантированного достатка и возможности дополнительного заработка делала почву под заключенным общественным договором все более зыбкой, подрывая венгерскую модель либерально-прагматического социализма в самих ее основах. Возникла реальная перспектива новой политизации успешно деполитизированного в течение 1960–1970-х годов венгерского общества, причем политизации на явно оппозиционной властям основе.

Драматические события осени 1956 г. явно не соответствовали провозглашенному Кадаром идеалу национального единства, а потому в 1960–1970-е годы власти предпочитали о них лишний раз не напоминать (см. [2]). Но многолетняя установка венгерской пропаганды на достижение «коллективной амнезии» должна была рано или поздно показать свою неэффективность. Ведь нелегитимность прихода Я. Кадара к власти в ноябре 1956 г. хорошо осознавалась сотнями тысяч венгров, склонных терпеть существующую власть лишь в той мере, в какой она предоставляла привычный им материальный достаток и довольно широкую (немыслимую в большинстве социалистических стран) свободу в частной жизни, в неполитических проявлениях деятельности, особенно в накопительстве материальных благ. Хотя многоопытный политик Я. Кадар довольно прочно еще удерживал управление страной в руках, все более отчетливо проявлялись симптомы будущего кризиса власти, угрожавшего внутренней безопасности режима. Понимая это, руководство Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) крайне нервно реагировало на любые идеологические манифесты и концепции альтернативной направленности, даже не заявляющие о разрыве с социализмом. В конце 1970-х годов серьезным гонениям подверглись интеллектуалы Иван Селени и Дьердь Конрад (будущий президент Международного ПЕН-клуба), в опубликованной в США нашумевшей книге «Интеллигенция на пути к классовому господству» изложившие программу постепенной передачи власти коммунистической партократией интеллигенции и технократии, в принципе принимающей социалистические ценности [3]. Аналогичной была реакция на социально-политические прогнозы, содержащиеся в работе молодых философов школы Д. Лукача Яноша Киша и Дьердя Бенце, вышедшей под псевдонимом также в США [4]. Никакой жизнеспособной реформаторской альтернативы подобным проектам идеологи ВСРП во главе с Дьердем Ацелом предложить не могли, и это уже само по себе свидетельствовало о вступлении режима Кадара в полосу серьезного кризиса. Ни о какой корректировке его концептуальных основ в целях повышения эффективности функционирования речи не шло, дело сводилось к ситуативным мерам по сохранению уровня жизни, главным образом за счет западных кредитов. В момент, когда руководство ВСРП было всерьез озабочено поиском новых источников поддержания экономической и социальной стабильности в стране, из Гданьска пришли вести о волне забастовок и создании независимого профсоюза «Солидарность».

Во внутриполитическом плане польские события поставили лидера ВСРП и его команду в двойственное положение. С одной стороны, появился соблазн разыграть польскую карту, демонстрируя успехи социалистического строительства в Венгрии, доказывая (не только самим себе, но также соседям по блоку и запад-

ному общественному мнению) эффективность всей проводимой после 1956 г. политики, в том числе экономической и культурной. Ведь любое сопоставление двух стран с точки зрения внутренней стабильности было явно в пользу Венгрии – даже при сохранении тенденции к некоторому снижению в этой стране уровня жизни. Пресса, контролируемая партией, не упустила своего шанса. Сам Кадар, выступая перед партактивом, прямо заявил, что венгерские коммунисты сумели счастливо избежать многих ошибок, совершавшихся польскими товарищами на протяжении многих лет и приведших в конце концов Польшу к серьезному кризису. Венгерский лидер также публично заверил граждан своей страны в сентябре 1980 г., что оправдавшая себя политика не изменится (см. [5]). Впрочем, звучавшие на фоне гданьских забастовок фанфары не всегда адекватно отражали реальное настроение Кадара и его окружения. Страх, что венгры (прежде всего венгерские рабочие) последуют польскому примеру, был сильнее гордости за стабильность в стране. В руководстве ВСРП знали о длительной традиции польско-венгерской революционной солидарности, хорошо помнили о притягательности польского примера для многих венгров осенью 1956 г.¹

В ходе бесед с руководителями «братских партий» Кадар неизменно подчеркивал, что польские события не представляют угрозу для положения в Венгрии: проблемы, стоящие перед ВСРП, будут своевременно разрешены независимо от ситуации в Польше. Тем не менее, судя по документам, содержащим анализ деятельности растущей оппозиции (см. [6]), в аппарате правящей партии отдавали отчет в том, что в стране имеются силы (главным образом среди интеллигенции), которые не против перенесения в Венгрию польского сценария и, более того, уже предпринимают конкретные действия, желая направить вектор развития страны в аналогичном направлении. А это значит, избрать забастовки главным инструментом давления на власть с тем, чтобы вынудить Кадара на неприемлемые для него уступки и таким образом обеспечить постепенный переход к политическому плюрализму и многопартийности. Польша переживала системный сбой, который мог негативно сказаться на функционировании и других компонентов системы социализма, включая Венгрию. Как образно заметил Кадар 12 ноября 1980 г. в беседе с чехословацким лидером Г. Гусаком, своим положением в социалистическом содружестве Польша все более напоминает ему «пьяного солдата в строю», который не упадет только благодаря поддержке шагающих с ним рядом [7. Р. 66]. Как бы то ни было, ситуация требовала от руководства ВСРП принятия определенных мер предосторожности в целях недопущения в Венгрию «польской крамолы». Под влиянием польских событий соответствующие партийные и государственные органы стали уделять больше внимания изучению и нейтрализации собственной оппозиции, которая несколько активизировалась в Венгрии с весны 1977 г., получив импульсы извне (забастовки 1976 г. и создание Комитета защиты рабочих в Польше, Хартия-77 в Чехословакии). С началом августовских событий 1980 г. в Польше венгерское оппозиционное движение поднялось на более высокую ступень, возникли новые неформальные структуры со своими программами. Одним из первых крупномасштабных проектов венгерского самиздата стала предпринятая в 1980 г. подготовка сборника памяти выдающегося венгерского леволиберального мыслителя Иштвана Бибо (1911–1979), в 1956 г. министра в правительстве Имре Надя, несколько лет потом проведшего в заключении. К работе над этим проектом были привлечены весьма авторитетные представители венгерской гуманитарной интеллигенции.

---

¹ Массовая демонстрация 23 октября 1956 г., переросшая затем в вооруженное восстание, была созвана, как известно, в знак поддержки польского движения за обновление социализма и суверенитет.

В отличие от ряда других восточноевропейских лидеров, занявших очень жесткую позицию в связи с неспособностью Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) «навести порядок» у себя дома (см., например, выступления Э. Хонеккера [8]), Кадар, также весьма критически относившийся к прежней, оторванной от реалий политике ПОРП (просчеты в планировании, увлечение индустриальной гигантоманией, непродуманные акции по повышению цен и т.д. [5. Р. 81–82; 7. Р. 66–67]), вместе с тем считал целесообразным приободрить новое руководство партии во главе с С. Каней, внушить ему уверенность в своих силах. В более широком плане речь шла о публичном выражении солидарности со всеми приверженцами социализма в Польше, демонстрации веры в то, что они ни в коем случае не уступят власть, сумеют выйти из кризиса, причем посредством политических, а не силовых методов. Несмотря на переживаемые Венгрией экономические трудности руководство ВСРП проявило готовность оказать Польше определенное материальное содействие, оговорив, правда, при этом важный момент: никакая экономическая помощь невозможна без честных партнерских отношений, выполнения обеими сторонами взаимных обязательств по поставкам, тогда как продолжение забастовок сведет все усилия на нет – выделенные средства будут выброшены на ветер [7. Р. 66–67].

Позиция лидера ВСРП особенно отчетливо проявилась на встрече 5 декабря 1980 г. в Москве руководителей компартий стран-участниц Организации Варшавского договора (ОВД). Происходящее в Польше стало единственной темой повестки дня – незадолго до этого, в ноябре, власти пошли на компромисс, разрешив легальную деятельность независимого профсоюза «Солидарность» в общепольском масштабе, и это было воспринято в других странах социализма как недопустимая уступка, подрывающая монополию коммунистов на власть. Как и в марте 1968 г. (на первом большом совещании представителей стран ОВД, посвященном поискам путей разрешения чехословацкого кризиса [9]), выступление Кадара по тональности довольно резко отличалось от выступлений некоторых других партийных лидеров. Так, Э. Хонеккер и Т. Живков много говорили о «контрреволюции», резко критиковали новое руководство ПОРП за отсутствие твердости в отношениях с оппозицией, торопили с наведением порядка, в том числе силовыми методами (см. [8. Р. 110–120]). Кадар, отнюдь не отрицая сложности стоявших перед Польшей проблем, напротив, был последователен в стремлении к поискам политического решения. Это всецело подтверждает запись его выступления, корректирующая и конкретизирующая прозвучавший в нашей литературе тезис о том, что венгерский лидер, основываясь на опыте 1956 г., советовал предпринять энергичные действия [10. С. 125; 11. С. 400, 408]. Кадар на самом деле пока еще не считал положение катастрофическим для социализма в ПНР и призывал своих собеседников не поддаваться паническим настроениям. Он исходил из того, что польским коммунистам по силам самим найти пути выхода из кризиса, лидеры же «братских партий» должны в сложившейся ситуации оказать им определенное доверие, а для начала внимательно выслушать, как руководство ПОРП представляет себе программу действий. Общаясь в первые месяцы польского кризиса по телефону с Л.И. Брежневым, Кадар говорил, что считает неправильным, чтобы кто бы то ни было (будь то западные политики или «братские партии») диктовал извне полякам конкретные рецепты решения их домашних проблем. Особенно неэффективным и бессмысленным он считал вмешательство в решение кадровых вопросов. Каждый лидер, подчеркивал он, имеет право на формирование своей собственной команды. И вообще кто лучше самих поляков может знать, какими кадрами они располагают? Та же в сущности мысль прозвучала и на московской встрече 5 декабря [12]. В ходе контактов как с деятелями ПОРП, так и с представителями других партий Кадар в те месяцы неоднократно подчеркивал, что даже в случае оказания силовой помощи извне выход из создавшегося непростого по-

ложения придется искать прежде всего самим польским коммунистам. Так было и в Венгрии в ноябре – декабре 1956 г., когда в условиях присутствия советских войск и давления внешнего фактора не кому-нибудь, а руководству только что образованной новой партии – ВСРП – пришлось взять на себя главные усилия по консолидации общества, решая в первую очередь сложнейшие вопросы экономической политики, снабжения населения продовольствием и неся перед народом ответственность за принятые решения. По личному опыту, приобретенному в конце 1956–1957 гг., Кадар знал, насколько трудно управлять страной в условиях, когда подавляющее большинство населения воспринимает лидера в качестве иностранной марионетки. Польским коллегам он этого не желал, будучи искренне заинтересованным в скорейшей нормализации положения в этой стране на единственно приемлемой для него платформе государственного, однопартийного социализма. Он соглашался с лидерами других партий в том, что угроза существующему режиму в Польше является вызовом для всей «системы социализма», и что выпадения Польши из ОВД допустить никак нельзя, а для преодоления кризиса необходимо обеспечить единство партии по всей вертикали парторганизаций, ее ведущую роль в политической системе, твердость и наступательность в реализации четко сформулированной программы действий. Здесь Кадар счел уместным сослаться и на венгерский опыт 1956 г., который не следовало, по его мнению, абсолютизировать, но стоило учитывать, как и опыт других партий, приобретенный в тех или иных конкретных условиях.

По итогам московской декабрьской встречи 1980 г. в венгерской прессе было опубликовано сообщение, делавшее акцент именно на позиции ВСРП, заключавшейся в том, что ПОРП способна собственными силами вывести страну из сложившегося непростого положения, венгерские же коммунисты должны проявить солидарность с польскими.

В заключительном слове на встрече 5 декабря Брежнев, выразив некоторое разочарование в том, что проблему до сих пор не удалось разрешить политическими средствами, заметил, что ситуация (при всей предпочтительности политических средств урегулирования) требует принятия чрезвычайных мер, заверив вместе с тем присутствующих, что «братская Польша» не будет оставлена союзниками в беде, и это прозвучало несколько зловеще. Тот же по сути дела тезис публично был озвучен и в феврале 1981 г. на XXVI съезде КПСС. Слова в данном случае не расходились с делом. В течение первой половины 1981 г. не прекращалось давление извне на руководство ПОРП, из Москвы постоянно поступали призывы навести порядок, сопровождавшиеся указаниями именно в деле расстановки и подбора кадров, а иногда и плохо скрытыми угрозами – дескать, иначе придется наводить порядок внешними силами².

Угрожающий тон должен был побудить руководство ПОРП к более решительным действиям во избежание вмешательства советских войск. Известно, что в Генштабе ВС СССР с августа 1980 г. разрабатывались конкретные планы ввода новых соединений в Польшу [14–15], а так называемая комиссия Сулова, по поручению Политбюро занимавшаяся проблемами Польши, с первых недель кризиса ставила вопрос о возможном увеличении численности советского воинского контингента в этой стране (документы комиссии см. [16]). Вместе с тем прямая интервенция в целях «наведения порядка» в Польше рассматривалась в Москве как крайне нежелательный вариант развития событий. В руководстве КПСС в целом осознавали, что военное вмешательство в дела более чем 30-миллионного государства, учитывая настроения большинства его населения, массовую базу оппозиции, может привести к самым непредсказуемым последствиям. Подобные

² О том, как воспринималось давление Москвы советским специалистом, инженером, работавшим в это время в Польше, дает представление [13].

действия в Афганистане в декабре 1979 г. не только нарушили атмосферу Хельсинкского совещания 1975 г., возродив дух холодной войны, они были весьма непопулярны в советском обществе, создавали определенные внутривластные проблемы. Ввязаться в этих условиях в новую, куда более крупномасштабную авантюру было бы едва ли не губительно для советской державы, переживавшей кризисные явления в экономике, и в Кремле это до некоторой степени понимали. Показательно замечание влиятельного Ю.В. Андропова, занимавшего жесткую интервенционистскую позицию в 1968 г. в условиях чехословацкого кризиса. В 1981 г. в связи с Польшей он со всей определенностью говорил в среде парт-аппаратчиков: лимит военных решений исчерпан, надо искать средства политического давления [17. С. 193] (см. также [18–19]). Необходимо было учитывать и более жесткую позицию Запада в сравнении с 1968 г. Отношения Москвы с Вашингтоном резко ухудшились после афганской акции в конце декабря 1979 г. А пришедший к власти в январе 1981 г. президент-республиканец Р. Рейган актуализировал лозунги антисоветской направленности, напрямую касавшиеся сферы влияния СССР в Восточной Европе. В Вашингтоне постоянно давали понять Москве, что на этот раз политическая цена использования военной силы в регионе будет куда более высокой, чем в ноябре 1956 г. и августе 1968 г.

Как бы там ни было, после декабрьской встречи со стороны лидеров «братских партий» продолжала звучать жесткая критика руководства ПОРП за уступчивость и бездеятельность. Я. Кадар проявил больше доброжелательности, на что не могли не обратить внимание в Варшаве.

Я. Кадар, сумевший в Венгрии примирить народ с коммунистическим режимом и превративший свою страну к 1970-м годам в своего рода «витрину» социалистического сотрудничества, обладал международным авторитетом не только в коммунистических кругах, о нем с почтением писали в 1970-е годы западные эксперты, анализировавшие истоки венгерской модели социализма [1]. В обстановке определенного признания западным либеральным общественным мнением венгерской модели социализма во второй половине 1970-х годов активизировалась внешняя политика ВНР. В 1977 г. Кадар побывал в Риме, где встречался с итальянскими лидерами и папой римским Павлом VI, выразившим удовлетворение положением католиков в Венгрии. В 1978 г. состоялся его визит в Париж по приглашению президента В. Жискара д'Эстена. В Белом Доме зондировали возможности использования Я. Кадара в роли посредника при решении некоторых конкретных проблем советско-американских отношений. В Москве имели свои виды на посредническую миссию Венгрии, правда в деле налаживания не советско-американских, а советско-французских отношений после победы Ф. Миттерана летом 1981 г. на президентских выборах – в Кремле знали о том, что Кадару еще в 1970-е годы удалось найти общий язык с лидером французских социалистов (см. [20–21]). Таким образом, именно к началу 1980-х годов международное признание кадаровского режима достигло пика, что резко контрастировало с той дипломатической изоляцией, через которую прошел режим в первые годы своего существования, после подавления революции 1956 г. Западное общественное мнение, не простив Кадару репрессий второй половины 1950-х годов, вместе с тем готово было признать его как наиболее уважаемого коммунистического политика современной эпохи. Причем ухудшавшееся экономическое положение Венгрии только стимулировало поиск внешнеторговых партнеров на Западе, возникла идея вступления страны в Международный валютный фонд, реализованная вопреки возражениям Москвы в 1982 г.

Деятели ПОРП (включая нового лидера партии С. Каню), приезжая в Венгрию, хотели услышать совет более успешной национальной коммунистической элиты и в первую очередь самого Кадара, выведившего свою страну после 1956 г. из еще более глубокого политического кризиса. Среди функционеров ПОРП распро-

странено было отношение к венгерской модели (примилившей рабочий класс с коммунистической властью) как образцовой, на которую надо ориентироваться, пытаться внедрять ее элементы на польской почве (см. [5; 22–24]). В первую очередь в Варшаве хотели лучше узнать и перенять конкретный опыт венгерской консолидации второй половины 1950-х годов.

В марте 1981 г. в Будапешт с официальным визитом приехал С. Каня. Этот визит состоялся в очень непростое для Польши время: углублялся экономический кризис, обострялся конфликт между ПОРП и «Солидарностью», власть продолжала терять контроль над обществом.

Беседуя с Каней, Кадар изложил свою принципиальную позицию в связи с польским кризисом, повторив и важнейшие тезисы, звучавшие 5 декабря. Он подтвердил приверженность ВСРП прежним принципам открытой политики, опирающейся на поддержку широких масс (лозунгу «кто не против нас, тот с нами»). При всей неприемлемости сектантства и готовности бороться за массы, заметил он, на наступление явного врага, подрывающего основы режима, следует уметь реагировать жестко. Надо уметь противостоять и проявлениям массового безумия, иногда способного охватить общество в кризисные моменты. Разговор с Каней дал Кадару повод вспомнить о «венгерском 1956 годе», когда процесс размежевания в обществе зашел еще дальше, а политическая борьба принимала самые экстремальные, конфронтационные формы. Венгерский лидер изложил польским собеседникам официальную версию о «контрреволюции», предательстве И. Надя и т.д., о том, что в тех условиях только силовое вмешательство извне могло предотвратить гражданскую войну. Ситуация в Венгрии в тот момент сильно отличалась от того, что было осенью 1956 г. в Польше, где удалось преодолеть кризис политическими средствами. Кадар напомнил о том, что жесткие методы, применявшиеся его правительством, не всегда находили в то время понимание польских товарищей, из Варшавы подчас звучали упреки в возвращении Венгрии к сталинизму, в отношениях между ПОРП и ВСРП возникала определенная напряженность. Жесткая политика была, однако, порождением конкретной ситуации: для предотвращения полного хаоса в стране можно было, по его мнению, опереться только на части Советской армии. Иная ситуация – в современной Польше, где есть все возможности для разрешения кризиса собственными силами (польские коммунисты, неоднократно замечал Кадар, сильнее, чем думают некоторые как в Польше, так и в других странах). Гарантом успеха венгерский лидер считал обеспечение единства партии на основе четко сформулированной платформы, ведь члены ПОРП должны ясно понимать, за какие цели они борются, а ее руководство должно реально осознавать, сколько человек за ним идет, какие силы имеются в наличии. Программа эта, подчеркнул Кадар, может концентрироваться на решении лишь самых минимальных задач, наиболее насущных (прежде всего экономических) проблем, но она должна быть приемлема не только для рядовых членов партии, но и для основной массы населения, заинтересованной в стабильности и сохранении жизненного уровня, а значит в прекращении забастовок – речь идет и о людях католической ориентации, и даже о конструктивно настроенных священниках. Вопрос о единстве в партии от ЦК до низовых организаций венгерский лидер считал ключевым, поскольку без этого ПОРП не сумеет сохранить ведущие позиции в обществе, утратит власть, что повлечет за собой крах всего существующего конституционного порядка. Большое внимание Кадар уделил также контролю над средствами массовой информации: оппозиция не должна перехватить у правящей партии инициативу там, где дело касается борьбы за умы людей.

Завоевание масс на свою сторону, по убеждению Кадара, невозможно без однозначного отмежевания от прежних ошибок, что, впрочем, не означает сведения счетов, тем более, что у партии есть заботы поважнее. В 1980–1981 гг. он неоднократно напоминал своим собеседникам (в том числе Кане) о том, что Ракоши и

его соратников, несших немалую долю вины за кризис 1956 г., ВСРП привлекла к партийной ответственности только в 1962 г. Программа, сформулированная руководством ПОРП, должна свидетельствовать, по его мнению, как об открытости политики, так и о твердости намерений. Надо дать оппонентам понять, что власть не хочет кровопролития, выступает за соблюдение законности, но будет до конца защищать конституцию и определенные устои: Польша во что бы то ни стало должна остаться социалистической страной, входящей в содружество стран, строящих социализм. Чем яснее будет осознание в обществе твердости позиций руководства, тем меньше крови прольется на улице.

Отдавая, как и прежде, явное предпочтение политическим средствам, Кадар в принципе не исключал и применения силовых мер, но только в самом крайнем случае, если будут исчерпаны все возможности мирного решения и режим окажется в смертельной опасности. Повторение в Польше 1981 г. венгерского сценария 1956 г. он считал крайне нежелательным во всех отношениях, но полностью исключать такой перспективы не мог. Если окажется необходимым применить силу, говорил он Кане, то это должны сделать сами поляки, любое внешнее вмешательство еще более ослабит позиции ПОРП, затруднит (а то и сделает вовсе невозможной) последующую консолидацию общества, главная забота о которой в любом случае ляжет не на внешнюю силу, а на самих польских коммунистов. Кроме того, внешнее вмешательство не в интересах мирового коммунистического движения (венгерский лидер хорошо представлял себе масштабы морального урона, который понесло коммунистическое движение вследствие августовской акции 1968 г. в Чехословакии). Зная о своем международном авторитете в коммунистических кругах и отношении польских функционеров к венгерской модели как наиболее совершенной, Кадар постарался использовать накопленный капитал, чтобы донести до лидеров ПОРП свою позицию и повлиять на выбор ими адекватных средств решения стоящих задач. Ни в коей мере не желая драматизировать ситуацию, он в то же время настаивал на твердости и последовательности в осуществлении курса на сохранение Польши в качестве социалистического государства, члена ОВД.

О венгерском опыте 1956 г. вспоминал на рубеже 1970–1980-х годов не только Кадар. Польский самиздат проявил немалый интерес к истории венгерской революции, опубликовав посвященные ей книги В. Ворошильского, П. Гостони, П. Кенде, мемуары Ш. Копачи, югославского дипломата В. Мичуновича и многое другое. Среди сюжетов, привлекавших особое внимание, был опыт деятельности в ноябре 1956 г. большого будапештского рабочего совета, претендовавшего на роль альтернативного центра власти. Как идеологи польской оппозиции, так и западные политологи, анализируя последствия скоропалительного решения Имре Надя и его правительства о выходе Венгрии из ОВД в ноябре 1956 г., пришли к выводу о том, что восточноевропейская оппозиция должна делать упор на независимое массовое движение с участием рабочего класса и создание альтернативных квазигосударственных структур наподобие «Солидарности», а не на независимость во внешней политике (см. подробнее [25]).

Вернувшись из Будапешта в Варшаву, С. Каня мог наблюдать дальнейшее обострение обстановки, «Солидарность» выступила с новыми требованиями, неприемлемыми для руководства ПОРП, поскольку грозили еще более ослабить ее властные позиции. В конце марта возникла угроза всеобщей забастовки в общепольском масштабе. И в последующие месяцы на фоне резкого ухудшения снабжения населения продовольствием ситуация в Польше продолжала оставаться крайне напряженной, что усилило обеспокоенность лидера ВСРП событиями в братской стране.

В рядах «Солидарности» шел процесс поляризации, на первый план все более выступали силы, придерживавшиеся более радикальной программы действий, в

частности, открыто подвергавшие сомнению легитимность власти ПОРП. В сентябре состоялся первый общепольский съезд 10-миллионного к тому времени (!) профсоюза, на котором было принято обращение к рабочим стран Восточной Европы с призывом бороться за независимое профсоюзное движение, провести международную встречу в целях обмена опытом. Это обращение нашло отклик в диссидентских кругах Чехословакии и Венгрии. Хотя в этих странах не было зачатков независимого рабочего движения и политическая оппозиция носила преимущественно узко интеллигентский характер, интерес к современному польскому опыту был особенно велик именно в интеллигентской среде. В 1981 г. в Венгрии возникает периодика самиздата – журналы «Beszélő» и «Hírmondó», а также книжные серии, в которых освещение и анализ современных событий в Польше стало одной из приоритетных тем [26]. Изучение опыта «Солидарности» дало повод для резкой критики собственных профсоюзов во главе с их бессменным лидером Шандором Гашпаром (с 1978 г. председателем контролируемой Москвой Всемирной федерации профсоюзов), ставших оплотом контрреформаторства – их эгалитаристская позиция стала тем внутренним фактором, который наряду с внешним (давлением Москвы) повлиял на свертывание в 1972 г. венгерской экономической реформы. Принимавшее более организованные формы венгерское диссидентство не только интересовалось происходившим в Польше, но и пыталось установить непосредственные связи с польскими единомышленниками, выезжая для этого в Варшаву и Гданьск. 9 декабря 1980 г., сразу после возвращения Кадара в Москву с совещания представителей компартий по польскому вопросу, Политбюро ЦК ВСРП обсудило ситуацию с собственной оппозицией и было вынуждено констатировать, что в сравнении с первой половиной 1970-х годов ее активность заметно усилилась, причем имеют место попытки расширить социальную базу за счет рабочего класса [6]. В ряде последовавших за этим публичных выступлений Кадар не преминул заявить, что власти будут защищать социалистические завоевания от любой угрозы, откуда бы она ни исходила, и дадут отпор любого рода подстрекателям. Произшедшие в 1980 г. некоторые волнения на крупнейшем в Венгрии Чепельском комбинате вызвали особенно большую обеспокоенность руководства, живо напомнив ему как о собственном 1956 г., так и о польской «Солидарности», и заставили отказаться от запланированного нового повышения цен. Неспokoйно было и в студенческой среде, в 1981 г. выдвигалась идея создания независимой студенческой организации.

Обращение «Солидарности» к рабочим других стран вообще вызвало истерическую реакцию в руководящих кругах всех государств ОВД, включая (в определенной мере) и Румынию, где Чаушеску, впрочем, пока еще публично демонстрировал уверенность в своей способности нейтрализовать импульсы, идущие из Польши, и не пересмотрел прежней линии, требовавшей невмешательства социалистических стран в польские дела (см. [27]); румынская внутривластная пропаганда, продолжая играть на национальных струнах, подавала польские события исключительно под знаком стремления Польши к независимости от СССР. В средствах же массовой информации других стран лагеря предпринималась мощная идеологическая кампания в связи с угрозой социализму в Польше.

Брежнев и его окружение, постоянно оказывавшие давление (временами довольно грубое) на польских коммунистов [28], прибегли на этот раз к еще более жестким оценкам происходящего в Польше. В советской, а затем и в польской прессе было опубликовано заявление ЦК КПСС от 17 сентября. В нем говорилось о том, что терпимость к враждебным элементам, нацеленным на подрыв стабильности в странах социализма, противоречит обязанностям Польши по Варшавскому договору.

Как и в июне 1968 г. после публикации в чехословацкой прессе программных документов, свидетельствовавших о далеко зашедшем процессе формирования

внепартийной оппозиции (см. [9]), в сентябре 1981 г. Кадар также несколько скорректировал свою позицию, занятую в условиях внутривосточного кризиса в одной из социалистических стран. Он выразил солидарность с требованиями союзников, ужесточил риторику. В условиях польского кризиса повод для пересмотра установок дало руководству ВСРП именно упомянутое обращение «Солидарности» к рабочим стран Восточной Европы, воспринятое как попытка подстрекательства пока еще довольно слабой венгерской оппозиции. В ЦК ВСРП было подготовлено письмо в адрес ЦК ПОРП, подписанное Кадаром (см. [8. Р. 85–86]). Оно по содержанию лишь в некоторых специфических деталях отличалось от официальных писем, пришедших в те же дни в Варшаву из других восточноевропейских столиц³.

Венгерские власти принимали меры, чтобы воспрепятствовать проникновению обращения «Солидарности» в открытую прессу, что было реально в условиях слабого функционирования в кадаровской Венгрии предварительной цензуры (в необходимых случаях из обращения изымались уже отпечатанные номера газет и журналов, а редакторы привлекались к ответственности). Немало головной боли вызывал у лидеров ВСРП вопрос о том, кто войдет в польскую делегацию, приглашенную на очередной съезд венгерских профсоюзов [5. Р. 81]. Ничто так не беспокоило Кадара как перспектива формирования независимого, неподконтрольного партии рабочего движения (в этом он сходил с руководителями всех других стран ОВД). Венгерский лидер понимал, что в Польше возникла внесистемная политическая сила, реально угрожающая власти коммунистов. Он также хорошо осознавал, что глубокий польский кризис способен вызвать цепную реакцию, поколебать ситуацию в других странах социалистического содружества. В свою очередь оппозиционно настроенные венгерские интеллектуалы, внимательно следившие за деятельностью «Солидарности» по всем доступным источникам, поняли, что многоопытного лидера ВСРП, выходца из рабочего движения, знающего пролетариат изнутри и прекрасно умеющего излагать базовые идеологемы на доступном языке, может напугать лишь одно – утрата контроля над массовым рабочим движением. Использование забастовок по польскому примеру в качестве орудия давления на власть стало бы наглядным свидетельством выхода венгерского рабочего движения из-под правительственного контроля.

Для того, чтобы воспрепятствовать развертыванию опасных для властной монополии компартии процессов, идеологические структуры ВСРП предприняли беспрецедентную по масштабам Венгрии пропагандистскую кампанию, направленную на дискредитацию польской оппозиции. Еще 5 декабря 1980 г. на вышеупомянутом совещании в Москве Кадар говорил о том, что забастовки в Польше зачастую вызывают недоумение простых граждан Венгрии, у которых не находит понимания иждивенческая позиция деятелей «Солидарности»: почему польский пролетариат может позволить себе не работать, а бастовать, тогда как венгерским рабочим приходится трудиться еще и в расчете на оказание помощи Польше [8. Р. 113–115]. Венгерский лидер исходил из того, что происходящее в «братской стране» не всеми в Венгрии воспринимается позитивно, в глазах части общественного мнения (включая представителей рабочего класса) существует определенная

³ В письме было указано, что в последнее время в Польше перешли в наступление враги социализма, происходит открытая конфронтация, антикоммунистическая оппозиция стремится к захвату власти. Вместо установки на консолидацию общества и разработку конструктивной программы действий имеют место призывы к анархии, под лозунгами свободы и демократии совершаются нападки на основы социализма. В результате в стране создается антисоветская, антикоммунистическая атмосфера. Ссылаясь на допущенные руководством ошибки, подстрекатели пытаются увлечь за собой рабочие массы, отнюдь не склонные отвергать завоевания социализма. В письме также содержался призыв предпринять срочные меры для того, чтобы преградить дорогу силам, угрожающим социалистическим завоеваниям. Стабильность в Польше, подчеркивалось в письме, есть гарант безопасности всей системы социализма.

взаимосвязь между снижением уровня жизни в Венгрии и забастовками в Польше. Играя на этих настроениях, пропаганда ВСРП не упустила случая разыграть антипольскую карту в целях объяснения народу причин экономической стагнации в собственной стране. Газеты (в первую очередь профсоюзная «Népszava») писали, в частности, о том, что постоянно бастующая «Польша слишком дорого стоит венгерскому рабочему классу», заставляя Венгрию, как, впрочем, и другие страны блока, корректировать свою социальную политику с учетом необходимости оказания помощи «слабому звену» в социалистическом содружестве. Развернувшаяся пропагандистская кампания, таким образом, временами даже приобретала общий антипольский оттенок, находившийся в резком противоречии с длительной традицией польско-венгерской солидарности и идейно-политического сотрудничества в острые исторические моменты (период революции и национально-освободительной борьбы 1848 г., кризисные события осени 1956 г.); кстати сказать и сам Кадар, встречаясь с представителями ПОРП, не считал излишним упомянуть об исторической близости двух народов. Вопреки этому осенью 1981 г. в некоторых бульварных будапештских изданиях печатались довольно оскорбительные для поляков пассажи, намекающие на их извечный анархизм и, что еще хуже, на склонность к паразитическому существованию за счет других. Пропагандистскими структурами ВСРП было найдено, таким образом, довольно удобное объяснение переживаемых страной экономических трудностей, способное на какое-то время отвлечь внимание определенных категорий населения от главных, внутренних проблем. Но оно было все же малоубедительным для мыслящей части общества, которая в целях более глубокого понимания истоков кризисных явлений (как в Польше, так и Венгрии) все чаще обращалась к самиздату.

Главной заботой ВСРП стало недопущение распространения «польской заразы» на более благополучную Венгрию; все средства пропаганды были призваны убедить венгерских рабочих в том, что идти по пути забастовок – значит вести дело к снижению жизненного уровня. Напротив, более энергичные усилия на рабочих местах способны внушить трудящимся уверенность в своих силах перед лицом наметившихся в экономике негативных явлений. По мере усиления обеспокоенности событиями в Польше Кадар все чаще к ним обращался в публичных выступлениях. При этом он, как правило, пытался оценивать ситуацию, исходя из венгерского опыта 1956 г., сравнивал происходящее в Польше с динамикой политического развития в Венгрии 25-летней давности, проецировал на польский кризис 1980–1981 гг. привычную для себя схему – правые, контрреволюционные силы, воспользовавшись справедливым недовольством рабочих, предприняли наступление, манипулируя справедливыми требованиями пролетариев, введенных в заблуждение. Съезд «Солидарности» живо напомнил Кадару Венгрию ноября 1956 г. – выступления рабочих советов с оппозиционной правительству платформой, в течение двух недель фактическое двоевластие в стране, с которым можно было покончить лишь самыми жесткими административными, а подчас и репрессивными мерами.

Под непосредственным влиянием польского кризиса кардинально изменилась вся концепция сохранения исторической памяти о событиях 1956 г. Вышеупомянутая стратегия на забвение венграми тех событий, установка на «коллективную амнезию» была признана недостаточно эффективной. Ведь несмотря на все усилия идеологов режима «будапештская осень» все равно зримо присутствовала в национальном сознании, а еще более в «национальном подсознании», и не только как предостережение от нарушения заключенного с режимом Кадара общественного договора, но и как напоминание о возможности политических альтернатив. Для поддержания в обществе памяти о 1956 г. прилагала немалые усилия доступная в Венгрии влиятельная радиостанция «Свободная Европа», особенно в дни очередных годовщин. Не проявляя со своей стороны инициативы в обра-

щении к истории восстания, власть в то же время была вынуждена реагировать на выступления «радиоголосов» и заботиться о пресечении внутри страны любых «вражеских вылазок» в оценке октябрьских событий. Осенью 1976 г. на фоне очередного кризиса в Польше и создания там Комитета защиты рабочих идеологическим структурам ВСРП пришлось принять дополнительные меры для нейтрализации мощной пропагандистской кампании, развернувшейся на Западе в связи с 20-летием венгерской революции. Особую головную боль у кадаровских работников идеологического фронта вызывали кадры кинохроники времен «будапештской осени», широко демонстрировавшиеся по западным телеканалам, ставшим к этому времени все более доступными восточноевропейскому телезрителю. В 1981 г. приходилось уже реагировать и на собственный самиздат, сделавший «осень 1956 г.» приоритетной темой и требовавший коренного пересмотра концепции контрреволюции. И хотя тактика замалчивания возымела определенный эффект (к концу 1970-х годов венгерская молодежь мало что знала о событиях 1956 г. сверх установленного властями канона), она казалась уже недостаточной в условиях, когда в деполитизированном обществе «зрелого кадаризма» заметно ослабла коммунистическая индоктринация.

Осенью 1981 г., в канун 25-летнего юбилея «будапештской осени», на фоне резко обострившегося польского кризиса тактика властей решительным образом изменилась: на смену прежнему замалчиванию событий 1956 г. пришло мощное идеологическое контрнаступление. Это была прежде всего реакция на широкое обсуждение темы в диссидентских кругах – власть не хотела упускать инициативу в споре с активизировавшейся оппозицией. Необходимо было думать и о нейтрализации «Свободной Европы», постоянно проводившей параллели между Венгрией 1956 г. и Польшей 1981 г. и работавшей в расчете на повышенный интерес венгерской молодежи к замалчиваемой истории новейшего времени. Принималась также во внимание активность эмиграции: для многих ветеранов «будапештской осени» четвертьвековой юбилей стал поводом заново осмыслить те события и свое место в них, а для кого-то – подвести итоги всей своей политической и интеллектуальной деятельности. Немалое влияние на смену тактики оказал и подъем неоконсерватизма на Западе, причем Р. Рейган выступил с одной из своих программных антисоветских речей именно 23 октября 1981 г., намеренно приурочив ее к 25-летию юбилею начала венгерской революции. В условиях такого натиска в странах советского блока (и не в последнюю очередь в Венгрии) сочли целесообразным, «не поддаваясь на провокации», демонстрировать последовательность прежней политики. Это касалось и оценки венгерской коммунистической элитой событий 1956 г. В октябре – ноябре 1981 г. в Венгрии тема подавления «контрреволюции» не сходилась с газетных полос, по венгерскому телевидению был показан документальный сериал о зверствах «контрреволюционеров». Через считанные недели по инициативе идеологов ПОРП его демонстрировали и по центральному польскому телевидению: власти ставили задачей напугать миллионы поляков неизбежной перспективой братоубийственной войны (и неминуемого советского вторжения) в случае если противоборствующим сторонам не удастся достигнуть компромисса. Что касается венгерских средств массовой информации, то 25-летие событий 1956 г. дало агитпропу ВСРП новый неплохой повод для того, чтобы поговорить об успехах собственной, более гибкой в сравнении с Польшей внутренней политики.

Ужесточение оценок Кадаром ситуации в Польше не означало пересмотра им принципиальной позиции: лидер ВСРП по-прежнему последовательно выступал против вмешательства в польские дела извне. Он понимал, что в силу исторических традиций подключение венгров к этой акции было бы в высшей степени непопулярно в венгерском общественном мнении (это понимали и хортисты, не поддававшиеся давлению Гитлера, настаивавшего на объявлении Венгрией войны Польше

в сентябре 1939 г.). Идею участия венгерской армии во вторжении в Польшу Кадар категорически отвергал даже при наименее благоприятном стечении обстоятельств, советское же силовое вмешательство по-прежнему считал допустимым лишь в ограниченном объеме и в самом крайнем случае – сложившаяся ситуация, по его мнению, пока еще отнюдь не достигла критической точки, делающей такое вмешательство необходимым. Эту позицию он продолжал отстаивать и при встречах с представителями социалистических стран, и в телефонных разговорах с Москвой – Брежнев Кадара не любил как выдвигенца Хрущева (не скрывавшего к нему своих симпатий и после отставки последнего в октябре 1964 г.), однако мнение опытного и пока еще весьма благополучного венгерского политика, имевшего за плечами реальный опыт успешного выведения своей страны из глубочайшего кризиса, в Кремле внимательно выслушивалось. Правда, как хорошо показали чехословацкие события 1968 г., оно было не более чем совещательным голосом, не влиявшим по большому счету на принятие окончательного решения, и сам Кадар не питал в этом плане никаких иллюзий.

Как бы то ни было, с осени 1981 г. венгерский лидер, опасавшийся импорта в свою страну идей «Солидарности», и сам все более активно пытался надавить на поляков, настаивая на принятии ими более решительных мер. Подобно руководителям других братских партий Кадар считал необходимым положить конец тому, что происходит в Польше. Но исходя из горького опыта 1956 г. он призывал деятелей ПОРП (высоко ценивших его мнение) обходиться по возможности без кровопролития, прибегая лишь к самым необходимым административным мерам – прежде всего к изоляции наиболее радикально настроенных оппозиционеров.

Избрание генерала В. Ярузельского в октябре 1981 г. первым секретарем ЦК ПОРП Кадар воспринял с удовлетворением, видя в нем человека, способного к более твердой политике. В этом лидер ВСРП не ошибся. Опасаясь полного экономического коллапса и того, что Москва вмешается силовым путем в ход событий, Ярузельский, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти (руководство партией, Советом министров и Министерством обороны), приступил к подготовке введения военного положения собственными силами (см. [29]).

В начале декабря 1981 г. в Москве состоялось совещание министров обороны стран ОВД, с польской стороны в нем участвовал заместитель министра обороны Ф. Сивицкий. Обсуждалась жесткая формулировка итогового коммюнике, предназначенного для печати – речь в нем по сути шла о возможности совместных действий в интересах спасения социалистических завоеваний в Польше. Эту жесткую формулировку приветствовал и Ярузельский, имевший свои мотивы – он хотел публикацией этого документа оказать давление на добивавшихся власти лидеров «Солидарности», вынудить их к отступлению либо (что более вероятно) возложить на них всю ответственность на тот случай, если польским властям придется самим осуществить силовую акцию. Поскольку подготовка этой акции была в самом разгаре, речь скорее может идти о сознательном тактическом ходе Ярузельского – он собирался представить польскому общественному мнению введение военного положения как превентивную меру, опередившую санкции союзников по ОВД. Ясно ведь, что на фоне угроз, звучавших из Москвы, введение чрезвычайного положения можно было бы интерпретировать как акт, направленный на предотвращение внешнего вмешательства. При обсуждении текста коммюнике, однако, возникла дискуссия: против предложения о жесткой формулировке выступили венгерский и румынский министры обороны. Если к особой позиции Румынии на подобного рода совещаниях в Москве привыкли и ее предвидели, то мнение венгров оказалось довольно неожиданным, озадачив советскую сторону. Министр обороны ВНР Л. Цинеге заявил, что не полномочен подписывать столь политически важный документ без консультации с руководством своей партии.

В Будапеште заседало Политбюро, когда Цинеге позвонил из Москвы и спросил Кадара, что делать. Лидер ВСРП, находившийся в очень непростых отношениях с Чаушеску, парадоксальным образом именно в нем нашел союзника. Ожидая, что румыны будут противиться жестким формулировкам, увидев в них ущемление суверенитета социалистических стран, Кадар призвал Цинеге от имени ВСРП, ссылаясь на румынскую позицию, предложить представителям других стран подумать над компромиссной формулировкой, устраивающей всех членов ОВД. На венгров пытались давить, чтобы вынудить их изменить позицию. Их обвиняли в неблагодарности – ведь в 1956 г. им была оказана «интернациональная помощь». Но Цинеге, исходя из установок, данных Кадаром, остался непреклонен. По сути дела именно венгерская сторона блокировала принятие предложенной более жесткой формулировки (см. [12]).

Особая позиция Венгрии вызвала в Москве определенную озабоченность. 9 декабря для выяснения ситуации в Будапешт прилетел председатель Совета министров СССР Н.А. Тихонов. Кадар, встретившись с ним, прояснил свою точку зрения. Он говорил о том, что не до конца понимает, в какой мере предложенная для принятия всеми странами-членами ОВД платформа отражает мнение и ожидания В. Ярузельского и его команды, не уверен в том, что она не осложнит их положение в Польше. Венгерский лидер назвал первоначальную формулировку неудачной и потому, что она наверняка вызовет на Западе новую антисоветскую кампанию, на этом фоне усилия социалистических стран по защите мира не будут видны мировой общественности. Кадар вместе с тем заверил Тихонова в том, что позиция Венгрии – быть на стороне СССР там, где дело касается принципиальных вопросов международных отношений, – не изменится. С советской стороны объяснения были приняты, инцидент исчерпан. Никаких принципиальных разногласий между сторонами действительно не было. В Кремле считали предпочтительным, чтобы польское руководство само ввело военное положение, всячески побуждали к этому Ярузельского, не торопясь с принятием политического решения даже о самой ограниченной советской военной акции в помощь «польским друзьям». Это нашло отражение в записи заседания Политбюро от 10 декабря, в том числе в выступлениях влиятельных его членов Ю.В. Андропова и А.А. Громыко (см. [16]). В Москве все же извлекли определенные уроки из событий 1968 г., когда полностью сорвались планы по приведению к власти правительства «здоровых сил» и пришлось вызволять из-под ареста и сажать за стол переговоров людей «команды Дубчека». В 1980–1981 гг. Брежнев неоднократно заверял польских лидеров, что не предпримет акции вопреки их воле, что в принципе не расходилось с планами руководства СССР и отражало более реальную оценку ситуации – «здоровые силы», на которые можно было бы опереться, были здесь еще более слабыми, нежели в Чехословакии 1968 г. Если в первой половине 1981 г. в Кремле еще питали некоторые надежды на их активизацию, то ход и решения IX съезда ПОРП, состоявшегося в июле, показали беспочвенность таких планов, заставили делать ставку на Ярузельского (см. [28]).

Нет никаких оснований говорить о том, что особая позиция двух союзников – Кадара и Чаушеску стала фактором, повлиявшим на удержание советских войск от наступления на Варшаву.

Введение Ярузельским 13 декабря 1981 г. военного положения, приостановка деятельности «Солидарности» и интернирование активистов оппозиции в определенном смысле подтвердили правоту Кадара, последовательно выступавшего за решение поляками проблемы собственными силами. Руководством ВСРП эта акция была воспринята с немалым облегчением. Кадар сразу же послал Ярузельскому телеграмму в знак поддержки проводимых действий. Позже, в октябре 1983 г., венгерский лидер, встречаясь в Польше с Ярузельским, высоко оценил тот факт, что польским коммунистам удалось без внешней помощи пре-

градить путь «контрреволюции» и «анархии», они тем самым оказали неопценимую услугу не только Польше, но всему социалистическому лагерю и мировому коммунистическому движению (см. [22]). На самом деле это, однако, нисколько не меняло того обстоятельства, что как и в Венгрии 1956 г., в Польше 1981 г. для сохранения коммунистического режима пришлось прибегнуть к силовым средствам.

Общественное мнение в Венгрии восприняло силовой вариант разрешения польского кризиса в целом спокойно, увидев в этом неизбежный в сложившихся условиях путь к преодолению хаоса в союзнической стране. Более того, на определенные категории оппозиционно настроенной интеллигенции введение военного положения в Польше действовало сдерживающе. Подачкой Кадара венгерскому пролетариату в целях нейтрализации нежелательных настроений явилось провозглашение субботы нерабочим днем (требование, фигурировавшее в программе «Солидарности»). Как бы там ни было, венгерская оппозиция откликнулась на события 13 декабря новыми программными документами: глубокий анализ истоков кризисных явлений в Восточной Европе сочетался в них с поисками перспектив развития (см. [30]).

На следующий день после введения военного положения руководство ВСРП на заседании постановило в соответствии с ранее поступившей просьбой Ярузельского оказать Польше необходимую экономическую помощь. Польская сторона была заинтересована не только в материальной поддержке. Команда Ярузельского именно в этот период проявила особенно большой интерес к конкретному опыту политической консолидации в Венгрии в первые месяцы после событий осени 1956 г. По приглашению ПОРП вскоре после введения военного положения в Варшаву приехала делегация ВСРП во главе с главным идеологом партии Д. Ацелом. Ярузельский с ней встречался, внимательно выслушивая советы. Из Будапешта по его запросу было послано и большое досье с материалами о венгерской консолидации. В отчете, подготовленном для ЦК ВСРП [5. Р. 87–89], члены венгерской делегации писали об изучении функционерами ПОРП венгерского опыта, который считался однозначно позитивным, ведь положение в Венгрии оставалось стабильным на протяжении уже более чем двух десятилетий. Интерес этот сохранялся и в последующие годы. Со стороны ВСРП неизменно предостерегали поляков от механического копирования венгерских образцов, призывали ставить во главу угла местные, специфические особенности. В польской пропаганде после 13 декабря 1981 г. тема Венгрии 1956 г. занимала значительное место. Снова и снова показывая по телевидению кинохронику тех дней, партпропагандисты старались внушить рядовому поляку, что только своевременное введение военного положения собственными силами позволило избежать не только линчеваний и прочих ужасов «будапештской осени», но и прихода иностранных войск.

Стремление польской коммунистической элиты учесть все позитивное, что было в венгерской модели социализма, и использовать эту модель в качестве образца, не переломило вектора развития Польши. Тем более, что уже не за горами был 1985 год, когда приход к власти М.С. Горбачева и начало перестройки в СССР поставили коммунистических лидеров Восточной Европы перед совершенно новым вызовом – всех, включая не чуждого реформаторским идеям генерала В. Ярузельского и прагматика Я. Кадара, эволюционировавшего в 1980-е годы под влиянием польских событий к более консервативной, контрреформаторской платформе. Внутриполитические изменения в СССР ускорили крах коммунистического режима в Польше. Та же судьба постигла в конце 1980-х годов и более благополучный режим Кадара в Венгрии. Реальный социализм не выдержал испытания временем, в новых исторических условиях закономерно уступив место плюралистическим формам правления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Shawcross W.* Crime and Compromise. János Kádár and the Politics of Hungary since Revolution. London, 1974.
2. *Стыкалин А.С.* От Венгрии 1956-го к Венгрии 1989 года: метаморфозы исторической памяти нации // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 6.
3. *Konrád G., Szelényi I.* The Intellectuals on the Road to Class Power. New York, 1979.
4. *Rakovski M.* Towards an East European Marxism. New York, 1978.
5. *Tischer J.* The Hungarian Party leadership and the Polish Crisis of 1980–1981 // Cold War International History Project Bulletin. Washington, 1998. Issue 11. Winter.
6. MSZMP dokumentum az ellenzékéről, 1980-ból (Közli Sipos L.) // Társadalmi Szemle. 1992. № 5.
7. *Tüta O.* The Czechoslovak Communist Regime and the Polish Crisis, 1980–1981 // Cold War International History Project Bulletin. Washington, 1998. Issue 11. Winter.
8. More Documents on the Polish Crisis, 1980–1981 // Cold War International History Project Bulletin. Washington, 1998. Issue 11. Winter.
9. *Стыкалин А.С.* Пражская весна 1968 г. и позиция руководства Венгрии // Международные отношения: история и современные аспекты. Теории и исследовательские практики. М.; Воронеж; Тамбов; Ставрополь; Пятигорск, 2008. Вып. 1.
10. *Яжборовская И.С.* Введение военного положения в Польше. Позиция советского руководства (1980–1981 годы) // Новая и новейшая история. 2010. № 3.
11. *Пухоя Р.Г.* Советский Союз: история власти (1945–1991). М., 1991.
12. *Tiscler J.* «Előbb konzultálnunk kell Budapesttel». Kádár a lengyelországi szovjet katonai beavatkozás ellen, 1980–1981 // Élet és irodalom. 2003. Július 11.
13. *Вычеров В.В.* Гданьский дневник // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 6.
14. *Грибков А.И.* Доктрина Брежнева и польский кризис начала 1980-х годов // Военно-исторический журнал. 1992. № 9.
15. *Kramer M.* «In Case Military Assistance is Provided to Poland». Soviet Preparations for Military Contingencies, August 1980 // Cold War International History Project Bulletin. Washington, 1998. Issue 11. Winter.
16. Документы «комиссии Суслова». События в Польше в 1981 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 1.
17. Советский Союз, социалистические страны и польский кризис 1980–1981 годов // *Мусатов В.Л.* Россия и Восточная Европа. Связь времен. М., 2008.
18. *Медведев Р.А.* Незнакомый Андропов. Кризис в Польше 1980–1981 гг. // Новая и новейшая история. 1999. № 2.
19. *Sayle T.A.* Andropov and the Lessons of History. Andropov's Hungarian Complex // Cold War History. London, 2009. Vol. 9. № 3.
20. *Andreides G.* Kádár János 1977-es román látogatása és az MSZMP vezetőjének olaszországi megítélése // Múltunk. 2009. № 1.
21. *Szebényi G.M.* Kádár János és Francois Mitterand három találkozója // Múltunk. 2009. № 1.
22. *Tischer J.* «Ha az osztályellenség támadása kibontakozik». Kádár János és a lengyel válság, 1980–1981 // Magyar Nemzet. 1997. Augusztus 23.
23. *Tischler J.* Kádár and the Polish Crisis 1980–1981 // The Hungarian Quarterly. Autumn 1998. Vol. 39.
24. *Tiscler J.* Az MSZMP és a lengyelországi válság, 1980–1981. Dokumentumok // Századok. 1998. № 5.
25. *Стыкалин А.С.* Венгерские события 1956 г. в западной историографии и общественно-научном сознании (1956–1981 гг.) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2010. Вып. 11.
26. A Magyarországi Szamizdat bibliográfiája. 1981–1989. Budapest, 1990.
27. *Oprîş P.* Criza poloneză de la începutul anilor '80. Reacția conducerii Partidului Comunist Român. Ploiești, 2008.
28. *Воронков В.И.* События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади // Вопросы истории. 1995. № 10.
29. *Ярузельский В.* Можно ли было избежать введения военного положения в Польше в 1981 году // Новая и новейшая история. 2008. № 4.
30. *Tamás G.M.* Illegális röpirat, 1982. Február // Eszmélet. Budapest, 2003. № 57.

© 2011 г. В.А. ХОРЕВ

ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПОЛЬШЕ (1980–1981)¹

Обострение политической борьбы в Польше в 1970–1980-е годы сказалось на общественно-литературной жизни. В частности, был создан «второй круг обращения литературы», т.е. нелегальные издательства и журналы. Исходя из потребностей политической борьбы, литература «второго круга обращения» ограничила свои общественные функции агитационно-пропагандистскими и неизбежно превратилась в литературу «короткого дыхания», оставшись, главным образом, свидетельством определенного этапа в истории страны и ее культуры.

Aggravation of the political struggle in Poland in the 1970s–1980s could not but influenced social and literary life in this country. For instance, the so called “another circle of literature circulation” came into being, in other words, illegal publishing houses and periodicals. On the assumption of the needs of political struggle, this literature of the “another circle of circulation” limited its public functions to agitation and propaganda and thus necessarily turned into “short-breath literature” and remained mainly a sign of a certain period in the history of the country and her culture.

Ключевые слова: политика, идеология, цензура, культура, литература, оппозиция, публицистика, пропаганда.

В декабре 1970 г. руководство Польшей возглавил Эдвард Герек. В первые годы его правления польское общество надеялось на перемены к лучшему во всех сферах жизни, в том числе и в области литературы. К этому времени литература ПНР прошла сложный путь развития. Первое послевоенное десятилетие – это этап ее жесткой унификации в духе догматически трактуемого социалистического реализма. 1956-й год – год «разоблачения культа личности Сталина» и обновления политической и идеологической жизни во многих странах социалистического лагеря, в том числе и в Польше, придал литературе импульсы развития, которые действовали вплоть до конца 1980-х годов. К таким импульсам относятся расширение контактов с мировой литературой, обращение писателей к совокупности национальных литературных традиций. «Исторической необходимости», определявшей человеческие судьбы в литературе предшествующих лет, были противопоставлены ценность и неповторимость личности и ее психология, исследуемая на различном тематическом материале. Было отвоевано право на художественный эксперимент. Однако постепенно партийно-государственное руководство вновь ужесточило контроль над культурной жизнью. Предоставляя писателям известную автономию в области формальных художественных поис-

Хорев Виктор Александрович – д-р филол. наук, профессор, заведующий отделом Института славяноведения РАН.

¹ В данной статье использована публикация автора [1].

ков, оно в то же время преследовало критический подход к современной жизни и недавней истории. Это порождало постоянные конфликты между писателями и политиками.

Надежды польской интеллигенции на свободное развитие творчества при Герекке не сбылись. Культурная политика ПОРП в 1970-е годы была противоречивой. В результате глубоких изменений в общественном сознании после 1956 г. культурой невозможно было командовать по образцу конца 1940-х – начала 1950-х годов. При множестве цензурных запретов допускались, например, послабления в репертуаре театров (спектакли «Мать» Станислава Игнацы Виткевича в постановке Ежи Яроцкого, 1972, и «Дзяды» Адама Мицкевича в постановке Конрада Свинарского в Старом театре в Кракове, 1973; «Венчание» Витольда Гомбровича в Драматическом театре Варшавы, 1974, и др.).

В 1972 г. был создан новый литературно-художественный журнал с широкой мировоззренческой платформой «Literatura» (1972–1981). Однако в 1975 г. многие члены редколлегии этого журнала, показавшиеся властям слишком строптивыми, были заменены на более покладистых. В 1972 г. главным редактором журнала «Poezja» (основан в 1965 г.) ЦК ПОРП назначило Богдана Дроздовского, против чего безрезультатно протестовали многие поэты, в дальнейшем бойкотировавшие это издание, считая его редактора проводником жесткой официальной линии в культуре. За либерализм в редакционной политике в 1975 г. был снят с должности главного редактора вроцлавского журнала «Odra» Збигнев Кубиковский.

К середине 1970-х годов стали очевидны несостоятельность нового курса в экономике, провозглашенного Э. Герекком, декларативность пропаганды «успехов» и безрезультатность обычного для авторитарного режима ограничения творческой свободы. В конце 1975 г. многие представители мира науки и культуры включились в кампанию протеста против внесения поправок в Конституцию ПНР, согласно которым утверждались «руководящая роль ПОРП» и «вечный союз с СССР». В декабре 1975 г. 59 писателей, артистов и ученых подписали протестный манифест (так называемый Мемориал 59), в январе 1976 г. появилось еще одно протестное письмо интеллектуалов («Мемориал 101»). Авторы этих протестов были подвергнуты разного рода репрессиям, в том числе лишены права публиковать свои произведения (Казимеж Брандыс, Яцек Бохеньский, Виктор Ворошильский, Анджей Дравич, Марек Новаковский, Казимеж Орлось, Ежи Фицовский, Юлия Хартвиг и др.) (см. [2. S. 3–4]). Анджей Краевский, автор книги «Между сотрудничеством и сопротивлением. Отношение деятелей культуры к политической системе ПНР. 1975–1980», основываясь на многих архивных документах, обоснованно полагает, что «именно в конце 1975 г. споры об изменениях в конституции ПНР положили начало событиям, действиям и конфликтам, как со стороны власти, так и творцов культуры, которые привели в результате после августа 1980 г. к всеобщему неподчинению творцов режиму» [3. S. 14]. Репрессии властей лишь способствовали оформлению интеллигентской оппозиции авторитарной власти.

В июне 1976 г. в десяти воеводствах прокатилась волна забастовок, связанная с резким повышением цен на продовольственные товары. Они были подавлены (особенно жестоко – забастовка рабочих в Радоме), что вызвало возмущение в широких кругах интеллигенции. Растущее сопротивление властям этих кругов выразилось, в частности, в создании 23 сентября 1976 г. «Комитета в защиту рабочих» («Komitet obrony robotników» – КОР), организовавшего юридическую, финансовую и информационную помощь репрессированным забастовщикам и членам их семей. Среди основателей КОР были писатели Ежи Анджеевский, Станислав Бараньчак, Анна Ковальская, Ян Юзеф Липский, Анджей Щиперский и др.

Многие писатели приняли активное участие в создании так называемого второго круга обращения литературы, т.е. нелегальных издательств и каналов рас-

пространения «тамиздата» и «самиздата», а также разного рода форм независимого образования («товарищества научных курсов», «летучие университеты» и т.д.).

В сентябре 1977 г. в Варшаве начало работать крупнейшее подпольное издательство «Niezależna oficyna wydawnicza» («Nowa»). Только в 1976–1980 гг. оно опубликовало около сотни разных книг [4. S. 383]. В их числе были некоторые произведения классиков, не издававшиеся ранее (например драмы Стефана Жеромского «Белее снега» и «В Вышковском приходе» о польско-советской войне 1920 г.), а также проза и поэзия современных авторов (Е. Анджеевский, Ст. Бараньчак, В. Гомбрович, Тадеуш Конвицкий, Чеслав Милош, Юлиан Стрыйковский, Казимеж Вежинский, Марек Хласко, В. Ворошильский и др.), переводная литература (И. Бродский, Г. Грасс, О. Мандельштам, Дж. Оруэлл), эссеистика и литературная критика (Томаш Бурек, Павел Ясеница, Анджей Киёвский, Ян Юзеф Липский, Адам Михник), политическая публицистика, книги по истории, воспоминания и дневники. С 1977 г. «Nowa» начинает издавать литературный журнал «Zapis – Poezja, proza, esse, felieton» (в редколлегию вошли Е. Анджеевский, С. Бараньчак, Я. Бохеньский, К. Брандыс, Т. Бурек, В. Ворошильский, М. Новаковский, Барбара Торуньчик), а затем – журналы «Puls» и «Krytyka».

Возникли и другие нелегальные издательства – «Krag», «Głos», люблинское «Spotkania», познанское «Witryna literatów i krytyków», лодзинское «Puls» и т.д. Появились и новые журналы «второго круга обращения» – «Droga», «Głos», «Index», «Res Publica» и т.д. К 1980 г. насчитывалось около пятидесяти подпольных журналов, их тиражи доходили до 20 тыс. экземпляров [4. S. 383–384]. На нелегальном книжном рынке в 1977–1989 гг. появилось около 4.5 тыс. книг (тиражами от 1 до 7 тыс. экземпляров), из них 1914 названий – в разделе «Литература и критика» (по неполным данным) [5. S. VII].

Следует отметить и роль католических изданий. В популярном католическом еженедельнике «Tygodnik Powszechny» печатались и светские авторы. Католические издательства «Znak», «W drodze» выпускали (даже во время военного положения) книги запрещенных писателей, в том числе произведения русских литераторов и философов – В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, Д.В. Филофова. В клубах католической интеллигенции (ККИ) проходили важные научные дискуссии и художественные мероприятия [6. С. 493].

Отношение властей к подпольным изданиям было двойственным. С одной стороны, применялись репрессии (задержания, аресты, обыски, конфискации, угрозы и т.д.), с другой – нередко проявлялась известная сдержанность, поскольку нужно было соблюдать видимость демократии в стране перед западными кредиторами. Функционирование нелегальных изданий было, конечно, секретом полишинеля, но для официальной печати их словно не существовало, они в ней не упоминались. Со временем авторы «второго круга обращения» использовали возможность публиковаться и в легальной печати, ибо в 1980-е годы, после отставки Герека, цензурные ограничения стали менее жесткими.

Острое столкновение писателей с властями произошло на XX писательском съезде (Катовице, апрель 1978 г.). В выступлениях Анджея Брауна, Корнелия Филиповича, Яна Юзефа Щепаньского, Ежи Фицовского и других говорилось о недопустимости цензурных запретов и «насилия над культурой», о «лимитации общественного самосознания», о ножницах между правдой реальной и официальной, о «поломанном крыле литературы, пишущей о современности» (М. Новаковский). Я.Ю. Щепаньский огласил список из тридцати книг, задержанных цензурой. На банкете катовицкой воевода Здзислав Горчица пригрозил расправой А. Брауну за резкую критику культурной политики партии. Даже председатель Союза писателей Ярослав Ивашкевич, который выполнял роль посредника между писательской средой и властными структурами и которо-

го многие его коллеги упрекали в «сервиллизме» по отношению к властям ПНР, поддержал Брауна и в знак протеста против оскорбительного выступления воеводы вместе с другими писателями демонстративно покинул правительственный прием [3. S. 299–301]. На заседании съезда делегаты восторженно приветствовали Ивашкевича: «[...] все с воодушевлением встали (и правые, и левые, даже те, кто не любил “Иваха”), горячо ему аплодируя. Старик был взволнован. Это была его великая минута», – вспоминал участник событий Лешек Пророк [7. S. 201].

Я. Ивашкевич скончался 2 марта 1980 г. На внеочередном XXI писательском съезде в декабре этого года председателем Союза польских писателей вопреки партийному руководству был избран известный оппозиционер Я.Ю. Щепаньский. Политика партии в области литературы потерпела очередное поражение.

Разумеется, писательское сообщество не было единым. С оппозиционными настроениями всеми силами боролась партийная часть писателей во главе с заместителем председателя Союза писателей, членом ЦК ПОРП Ежи Путраментом. Часть писателей стояла в стороне от схватки, опасаясь возможных репрессий. Некоторые представители творческой интеллигенции считали более целесообразным не политическую борьбу с властью, а борьбу за «либерализацию» ее политики, соблюдение правовых норм, отстаивание духовной свободы. «Исторический опыт, – писал, например, в феврале 1980 г. Анджей Валицкий, выдающийся историк польской и русской общественной мысли, – учит нас, что легче склонить абсолютизм к **ограничению** сферы его власти, чем к ее **разделению**. Я думаю, что абсолютизм центральных партийных властей не является исключением, особенно в Польше, где у политической демократизации есть границы, четко очерченные геополитическими факторами. У, казалось бы, аполитичной “либерализации” гораздо больше шансов, нежели у политической “демократизации”» [8. S. 148–149].

Сходную позицию занимал тот же Я. Ивашкевич, которому не были безразличны судьбы Польши и ее культуры. Позицию писателя характеризует запись в его дневнике: «В конце концов вся моя политика рассчитана на долгое время, прежде всего на обеспечение **влияния** польской литературы где бы то ни было – а этого можно достичь только договорившись с партией, с советскими, чешскими писателями и, конечно, с Западом. Не надо смотреть, как баран на новые ворота, на каждое иное мнение и трактовать иные взгляды как злостную каверзу. А именно так выглядят на Западе Бажан, Сурков, Чаковский» [9. S. 496]. Ивашкевич упорно отстаивал писательские интересы в бесконечных тяжбах с чиновниками, хотя ему и приходилось идти на уступки и компромиссы, навлекая на себя упреки коллег по писательскому цеху. О правителях ПНР Ивашкевич отзывался так: «Мне всегда казалось, что они интеллигентны и сознательно стремятся к каким-то своим целям, а я при этом смогу помочь польской культуре. К сожалению, все они болваны» (цит. по [10. S. 488]).

Важнейшими событиями для Польши стали избрание в октябре 1978 г. Папой Римским польского кардинала Кароля Войтылы и присуждение 9 октября 1980 г. Нобелевской премии поэту-эмигранту Ч. Милошу. Был снят запрет на публикацию стихотворений Милоша, из «врага народа» он превратился в национального героя, хотя большинство его прозаических и эссеистских произведений публиковались нелегальными издательствами либо за рубежом.

Между тем в стране нарастало общественное недовольство коммунистическим режимом. В результате прокатившихся по всей стране забастовок в 1980 г., руководимых независимым профсоюзом «Солидарность» (созданном в августе 1980 г. на Гданьской верфи и превратившимся в общенациональное общественно-политическое движение), в правящих рядах произошли очередные перестановки, которые, однако, не ослабили накала общественного недовольства.

Конфронтация властей с «Солидарностью» привела к введению 13 декабря 1981 г. в Польше военного положения (хотя оно было отменено 22 июля 1983 г., все 1980-е годы прошли под знаком этого события). Среди нескольких тысяч интернированных деятелей «Солидарности» и КОРа оказались и многие писатели.

Деятельность Союза польских писателей была приостановлена, а в 1983 г. он был распущен. Вместо него власти создали новый Союз (с тем же названием), однако большинство известных литераторов осталось верным своей прежней организации, возрожденной в 1989 г. под названием «Объединение польских писателей».

Дальнейшее развитие событий в стране привело к постепенному переходу власти к оппозиционным силам. 7 декабря 1990 г. президентом Польской республики был избран глава «Солидарности» Лех Валенса. Коммунистический режим в Польше прекратил свое существование.

Бурные политические события 1970–1980-х годов затронули не только общественно-литературную жизнь в стране, но и непосредственно художественное творчество. После введения военного положения многие литераторы приняли непосредственное участие в политической борьбе, в том числе и своими произведениями.

Особо следует сказать об эмигрантской литературе, распространявшейся прежде всего по каналам «второго круга обращения». Наибольший интерес вызывала «невывышенная» проза – дневники, воспоминания, эссеистика писателей-эмигрантов. В 1970–1980-е годы в Польшу пришли в полном объеме шедевры эмиграционной парабеллетристики: «Дневники. 1953–1956» В. Гомбровича; «Иной мир», «Дневник, написанный ночью» Г. Херлинга-Грудзиньского; «Порабощенный разум», «Семейная Европа. Автобиография», «Видение над заливом Сан-Франциско», «Земля Ульро» Ч. Милоша; «Мой век» Александра Вата; «Суматоха и призраки» Ю. Чапского; «Дневник 1954» Леопольда Тырманда; «От Бердичева до Рима» Е. Стемповского; «Совпадение обстоятельств. О прочитанном и пережитом за 30 лет» Константы Еленьского и др. И хотя многие из этих произведений были написаны в 1950–1960-е годы, фактом литературного сознания они становились в 1970–1980-е. Именно тогда эмиграционная литература как целое смогла стать одной из важнейших составляющих польской литературы. Произошел, по определению немецкого полониста В. Косьного, «эффект одновременности неодновременного» [11. S. 67]. Со всей очевидностью выявилась бессмысленность возведения железного занавеса между литературой в стране и эмиграции. Важную роль в сближении двух ветвей литературы сыграл издаваемый в Париже журнал «Kultura» (1948–2000) под редакцией Ежи Гедройца. В журнале, имевшем огромную популярность среди интеллигенции, печатались выдающиеся писатели, как эмигрантские, так и жившие в Польше.

Одно из главных достоинств произведений писателей-эмигрантов – взгляд на польские проблемы с определенной дистанции. Польские комплексы и стереотипы рассмотрены в них на широком, прежде всего общеевропейском историко-культурном фоне, увидены как бы через отражение в зеркале иных культур. Важной чертой этой прозы, как и произведений такого же плана в самой Польше, была провоцируемая ею в читателе, который испытывает постоянное давление политических мифов и коллективных эмоций, потребность в интеллектуальном раскрепощении, в пробуждении собственного «я» в частице толпы, лишенной индивидуального существования и оболваненной пропагандой.

Проза «второго круга обращения» обратилась к современной польской действительности и принесла ряд выдающихся произведений. В 1977 г. в издательстве «Nowa» был опубликован роман Тадеуша Конвицкого «Польский комплекс»

(лишь через десять лет он вышел в государственном издательстве), а в 1979 г. в Лондоне увидел свет его роман «Малый апокалипсис» (в Польше в 1979–1988 гг. было восемь нелегальных изданий романа).

В этих романах писатель препарирует состояние психики польского общества середины 1970-х годов, комплексы и стереотипы, владеющие умами, используя не только излюбленную им ироническую интонацию, но и карикатуру, гротеск, сюрреалистические средства. Полуправдоподобная фабула в романах имеет переносный, «параболический» смысл. В «Польском комплексе» действие происходит в очереди перед ювелирным магазином за золотыми кольцами советского производства (вместо которых, правда, «выбросили» самовары). Тадеуш Конвицкий, главный герой романа, встречается с целым рядом лиц, представляющих различные слои населения. Всем им присущи различные комплексы, порожденные драматической историей страны и ее сегодняшней подчиненностью «старшему брату». Это, в первую очередь, комплекс «несуверенности», комплекс «невидимой неволи». В его культивировании повинно само общество, ибо, по словам размышляющего героя-повествователя, «агональные судороги нашего режима поддерживаем мы сами» [12. С. 115].

В «Малом апокалипсисе» к писателю Тадеушу К. однажды утром приходят два представителя оппозиции с предложением «устроить вечером самосожжение перед зданием ЦК партии», где как раз начинается очередной съезд партии, чтобы разбудить в обществе чувство протеста против режима. Тадеушу К. не удается отвергнуться и целый день он кружит по городу в поисках бензина. Перед читателем открывается гротескная панорама Варшавы. Словно в кошмарном сне герою видятся разрушенные дома, какие-то митинги и демонстрации, сцена затяжного поцелуя польского и советского секретарей братских компартий, отряды милиции, тайные и явные агенты, следящие за всеми и каждым. Конвицкий высмеивает и бессмысленный ритуал, исполняемый властями, и общество, безвольно принимающее установившиеся отношения, и продажную, поглупевшую, склонную к фразе и патетическим жестам интеллигенцию, как проправительственную, так и оппозиционную.

Около десяти лет в государственном издательстве нельзя было опубликовать роман Е. Анджеевского о современности «Месиво», который увидел свет лишь в 1979 г. в подпольном издательстве «Nowa» (вслед за тем, в 1982 г. он был издан и легально, правда, с купюрами).

Анджеевский стремился осуществить давний постулат литературной критики: написать большой роман о современном обществе, хотя в итоге его роман – о невозможности целостного изображения современных процессов. «Месиво» – роман сложной конструкции. Исходным замыслом писателя было описать свадьбу известного актера с дочерью высокопоставленного чиновника, тоже актрисой. Свадьба, а также банкет, прием-раут – традиционный для польской литературы прием, который позволяет свести в одном месте в одно время представителей разных общественных слоев («Свадьба» Станислава Высяпянского, «Озимь» Вацлава Берента, «Стены Иерихона» Тадеуша Брезы, «На деревне свадьба» Марии Домбровской и т.д.), подслушать их мысли и разговоры. Обращение к нему необыкновенно расширяло контекст, в котором читатель неизбежно осмыслял эту историю. Но Анджеевский описывает свадьбу, которая не состоялась. Поэтому в первой части романа повествование ведется в сослагательном наклонении. Во второй части представлены герои романа, их прошлое, их взаимные связи, в третьей выясняются причины, по которым свадьба не состоялась. Интегральной частью романа являются дневниковые записи писателя, которые он вел, завершая роман в 1970 г. В дневнике «ревизуется» уже написанный текст, намечаются нереализованные проекты сюжета, набрасывается черновик возможных диалогов героев и в то же время передается мрачная атмосфера общественной жизни тех

лет: арест группы молодежи за распространение эмигрантской печати, смерть писателя Павла Ясеницы, оболганного самим Гомулкой, и т.д.

Важной частью «Месива» является и биографический словарь персонажей романа, который дает представление о многовариантных, но всегда драматичных польских судьбах на протяжении нескольких десятков лет.

Главный герой романа писатель Адам Нагурский олицетворяет мир культуры, противопоставленный в романе миру политики, ответственному за дезинтеграцию людей, отравленное общественное сознание, продажность художников. Представители этих миров должны были соединиться в общем торжестве – свадьбе. Но свадьбы нет и не может быть. И хотя между двумя мирами существуют многие взаимные связи, подлинные партнерские отношения невозможны. У этих групп разные родословные, разные судьбы, разные комплексы и неосуществленные надежды.

Адам Нагурский – один из немногих персонажей, пользующийся уважением и симпатией своего окружения. Он – второе «я» Е. Анджеевского. Как и у автора романа, его новые произведения не издаются, власти интригуют против него, молодой читатель к нему равнодушен. Присутствует в романе и первое «я», сам писатель Е. Анджеевский. Жизненная драма автора и его персонажа отражает осознаваемое ими психическое, моральное, интеллектуальное «месиво» польской общественной жизни конца 1960-х годов.

«Месиво» – многозначное название. Это не только определение польской жизни, но и определение романной формы, или, точнее, бесформенности романа. Шедевра, приходит к выводу сам писатель, из романа не получилось и не могло получиться: «Как может из этого морального месива возникнуть большое искусство?».

К современной польской действительности Анджеевский обратился и в повести «Апелляция», вышедшей в Польше в 1983 г. (ранее была опубликована в Париже в 1969 г.). В ней пациент клиники для нервных больных, бывший милиционер и директор госхоза, пишет письмо-жалобу на имя первого секретаря ПОРП. Слепо выполнявший все самые нелепые указания властей, он в конце концов сломался психически и теперь жалуется на преследование его со стороны тридцати тысяч агентов и некоего электронного мозга. И в этой трагифарсовой повести Анджеевский прибегает к приему удостоверения описываемой ситуации: к повести приложен дневник писателя, который также лежал в этой клинике, где и познакомился с прототипом своего рассказа.

Еще в 1974 г. цензура на пять лет запретила публиковать произведения талантливого поэта С. Бараньчака, одного из признанных лидеров поэтической «новой волны». Четвертый том его стихов «Искусственное дыхание» появился в 1974 г. во «втором круге обращения». В одном из стихотворений сборника – «N.N. начинает задавать себе вопросы» выражена мысль о лживости официального пропагандистского языка:

Говорить языком, в котором слово «безопасность»
пробуждает ужас, слово «правда» является
названием газеты, слова «свобода» и
«демократия» подчинены по службе
генералу полиции;
как случилось, что мы начали
играть в это? В игрушки слов? В эти каламбуры,
оговорки, перевороты смысла,
в эту лингвистическую поэзию?

(Перевод автора статьи)

В 1976 г. Бараньчак был одним из организаторов КОРа и нелегального журнала «Zapis», в связи с чем был лишен работы в Познаньском университете. В начале

1981 г. ему удалось уехать в США, где его ждала кафедра польской литературы в Гарвардском университете. Последующие сборники стихов Бараньчака выходили либо нелегально в Польше – «Триптих из бетона, усталости и снега» (1980), либо за рубежом – «Атлантида и другие стихи» (Лондон, 1986), «Открытие из этого мира» (Париж, 1988). Нелегально в Польше были изданы переводы Бараньчака из русской поэзии – «Поздние стихи О. Мандельштама» (1979), «Стихи и поэмы И. Бродского» (1979).

Ситуация в общественной и литературной жизни в стране резко изменилась в 1980 г. с возникновением «Солидарности» и обострением политической борьбы. Партийно-правительственное руководство Польши всеми способами пыталось сохранить ускользающую власть над обществом, шло на разные компромиссы. В частности, оно вынуждено было закрыть глаза на широкое распространение литературы «второго круга обращения».

«Был год 1980, народилась “Солидарность” и прямо на улицах продавались книги Гомбровича, Милоша, Херлинга-Грудзиньского, Солженицына, Оруэлла. Даже тот, кто не увлекался литературой и не интересовался специально политикой, должен был прийти к выводу о том, что знания, полученные в школе либо в вузе ПНР нуждаются в пополнении», – пишет о том времени литературовед Ян Томковский [13. С. 43]. Относительная свобода литературной жизни продолжалась недолго – всего шестнадцать месяцев, до введения военного положения в декабре 1981 г. Но эти месяцы, по верному замечанию того же Томковского, «сделали невозможной для власти дальнейшую идеологизацию общественной и художественной жизни. В 80-е годы компромисс между партией и художественными кругами был уже практически невозможен. Все стоящие писатели, актеры, журналисты оказались на противоположной стороне баррикады» [13. С. 44].

После введения военного положения деятельность подпольных издательств еще более активизировалась. Нелегально издавались не только многие произведения польских авторов, но и переводы художественных и публицистических текстов западноевропейской, американской, русской литератур. Одно только издательство «Nowa» выпустило и нелегально распространило более 500 произведений русских авторов в переводах на польский язык. Это были книги А. Ахматовой, И. Бродского, И. Бунина, Б. Пильняка, Е. Замятина, О. Мандельштама, В. Шаламова, В. Войновича, Венедикта Ерофеева, А. Солженицына [6. С. 497–498]. На «Архипелаг Гулаг» Солженицына была даже проведена подписка. Неплохо была представлена чешская литература – рассказами Б. Грабала, драмами В. Гавела, романами М. Кундеры. Творчеству Кундеры была даже посвящена нелегальная научная конференция, материалы которой были изданы отдельной книгой в Лондоне.

На военное положение польская литература откликнулась десятками сотен стихотворений, песен, сатирических куплетов, а также репортажами с места событий, дневниками и записками интернированных литераторов, рассказами и повестями. В стихах – откликах многих поэтов на введение военного положения – резко усиливается публицистическое начало. Эмоциональный протест против насилия содержится в стихотворениях, изданных за рубежом либо в нелегальных издательствах в стране, Збигнева Херберга, Станислава Бараньчака, Адама Загаевского, Ярослава Марека Рымкевича, Артура Мендзыжецкого, Юлиана Корнхаузера, Виктора Ворошильского, Эвы Липской и др. В. Ворошильский и несколько молодых поэтов были интернированы либо вынуждены скрываться. Этот опыт нашел отражение в их поэзии: В. Ворошильский «Зеркало. Дневник интернирования» (1983); Томаш Яструн «На перекрестке Европы и Азии» (1982); «Белый луг» (1983); Ян Польковский «Огонь» (1983); Антони Павляк «Военный черновик» (1983) и т.д.

Моральным авторитетом для демократической оппозиции еще в 1970-е годы стал Зб. Херберт, который в книге стихов «Господин Когито» (1974) отстаивал не-

преклонность, верность своим убеждениям. Нравственный максимализм Херберта аккумулируется в стихотворении «Послание Господина Когито»:

Иди до темной границы как те что шли до тебя
за своей последней наградой золотым руном небытия
иди не склонив головы среди тех что на коленях
среди повернувшихся спиной и повергнутых во прах
ты уцелел не для того чтобы жить
времени мало нужно дать пример
будь мужествен когда подводит разум
будь мужествен ведь только это в счет
[...]

иди только так будешь принят в череду черепов
в гряде твоих предков: Гильгамеша Гектора Роланда
защитников царства без границ и города пепелищ
Будь верен Иди

(Перевод В. Британишского)

Образ одинокого бунтаря, вступающего в безнадежную, но морально оправданную и необходимую борьбу с могущественными враждебными силами, соответствовал умонастроению широких кругов общества. «Ощущение того, что коммунистический фатум будет преследовать еще не одно поколение поляков, придавало пафос повседневному унижениям существования в реальном социализме», – заметил в этой связи писатель и критик Стефан Хвин [14. S. 16].

Это качество поэзии Херберта получило развитие в книге его стихов «Рапорт из осажденного города» (1983, издана в Париже), название которой в те годы в Польше – годы военного положения – имело символическое значение.

Даже такой поэт, как Мирон Бялошевский, казалось бы, погруженный в словесную стихию, подслушивающий, как ломаются слова и меняется их смысл в разговорной речи, откликнулся на политические события. В 1982 г., в гнетущей атмосфере военного положения он не без юмора писал в «Песенке Кити Коти о военном положении»:

военное положение
постоянно в движении
оно стареет
седеет
ежедневает
того и гляди
всё и везде нам
повсёравняет

(Перевод А. Базилевского)

И в прозаических произведениях выразился эмоциональный протест против насилия власти над обществом. Они являются по сути дела документальными свидетельствами времени, не претендующими на более развернутую картину и художественный анализ общественной жизни. Соответственно не нужен был уже тот своеобразный литературный язык, который выработался в долгом противостоянии цензуре, своего рода шифр, прекрасно понимаемый читателями: широко распространенная ранее поэтика намека, иносказания, исторического костюма.

Для большинства этих произведений характерно отвержение официально признанных ценностей, отрицание коммунистической идеологии, своеобразное «негативное сознание». Польская критика назвала их проявлениями «антисоциалистического реализма», у которого много общего с его антагонистом – социалистическим реализмом, прежде всего тенденциозность и публицистичность как главное средство воздействия на читательские убеждения, однозначная интерпретация явлений, частое использование элементов поэтики памфлета в описании

противоположной стороны конфликта. Меняется лишь адресат памфлета и крас-ка. Ведь, как остроумно заметил критик Артур Сандауэр, «лак может быть и красного, и черного цвета» [15].

Помимо общих черт в поэтике, социалистический и антисоциалистический реализм, по словам польского критика Пшемислава Чаплинского, «объединяет еще одно: ни тот, ни другой не создали шедевров» [16. S. 36]. В самом деле, прозаические произведения 1980-х годов «второго круга обращения» о современности – это политико-публицистические однодневки, в лучшем случае – публицистический вариант политического романа, оставшийся документом своего времени – времени напряженной политической борьбы. Обществу требовалась литература, укрепляющая патриотический дух, бескомпромиссно отвергающая любой диалог с властью, напоминающая о традициях польских национально-освободительных восстаний, жертвенности и героизме, не считающихся с возможностью поражения. И такую «духоподъемную» литературу оно получило.

Приведем несколько примеров произведений такого рода. В книге Анджея Щиперского «Из дневника военного положения» (1984) записаны впечатления автора о пребывании в лагере для интернированных, а также его раздумья о польских судьбах. Януш Гловацкий в повести «Мощь трепещет» (1981) в сатирико-ироническом ключе – от имени наивного простачка-рабочего – изобразил события августа 1980 г. на Гданьской верфи (начало широкой забастовочной волны). Будни лет военного положения в патетическом духе противостояния «мы – они» описаны Марией Нуровской (романы «Чехарда», 1983; «Другой жизни не будет», 1987), Богуславой Лятавец («Тьма», 1989). Можно назвать также книги Казимежа Орло-сы «Пустыня Гоби» (1982), Януша Андермана «Без дыхания. Конец света» (1983), Анджея Мандальяна «Операция: Карфаген!» (1985) и других авторов.

Схематизма и канонов вывернутого наизнанку социалистического реализма не избежали и известные писатели. Изменившаяся общественно-политическая ситуация в стране заставила даже такого мастера, как Т. Конвицкий отказаться от критики польского общества, от иронического и сатирического обличения «польских комплексов» в романах 1970-х годов. Хотя в книге «Подземная река, подземные птицы» (1984) писатель вроде бы и компрометирует своего героя, литератора-графомана в духе своей прежней издевки над национальными мифами (герой понапрасну скрывается от ареста и переносит разные страдания – его никто не преследует), военное положение рисуется им в соответствии с распространенной схемой, как очередная оккупация Польши, как очередное польское восстание:

« – Они хотят победить народ, но это не удастся. Они пытаются польский народ посредине Европы вновь загнать в тюрьму.

– Так было уже много раз.

– О чем вы говорите? – сверкнул очками советник.

– Восстания и поражения. Эйфория и депрессия...» [17. S. 29].

«Рапорт о военном положении» (две книги – 1982 и 1983 г.) Марека Новаковского – это калейдоскоп зарисовок из быта варшавян в дни военного положения: столкновения молодежи с полицией, задержания и обыски, разговоры в очередях, автобусах и трамваях, высказывания знакомых и незнакомых людей – таксистов, пенсионеров, студентов, служащих, деятелей подполья. Сценки из жизни складываются в целостную картину общества, объединенного духом сопротивления и готовности к борьбе, несмотря на отдельные проявления трусости и конформизма.

Новаковский проводит резкую разграничительную черту между «ними» и их милицией, палками, газами и водометами, а также танками – и остальным обществом. Военное положение для него – это «оккупация», «фашизм», а деятели «Солидарности» напоминают ему «революционеров на старых гравюрах и дагерротипах», «боевиков ППС», участников подпольного Сопротивления времен гитлеровской оккупации Польши. Их противник представлен отталкивающим об-

разом: «меховая шапка, красная морда. Монгол» [18. S. 11]. Часто используются такие определения, как «змея», «крыса», «гиена» и т.п. В этой связи П. Чаплинский отметил еще одну общую для тенденциозной прозы соцреализма и публицистической прозы «второго круга обращения» черту: «Через тридцать лет в польской литературе встретились “чудовища”, “гады” и “змеи” из производственных романов со “змеями” и “крысами” прозы военного положения» [2. S. 48].

Менее политизирован роман Яцека Бохеньского с символическим названием «Состояние после инфаркта» (1987, издательство «Nowa»), который, впрочем, вряд ли можно считать художественной удачей автора. Герой романа, лежащий в больнице после инфаркта, фиксирует в дневнике как перемены в своем состоянии, так и входящую до него информацию о событиях за стенами больницы. Однако писателю не удалось добиться полноценного совпадения обоих планов повествования и тем самым задуманного метафорического обобщения.

В 1980 г. в издательстве «Nowa» вышла первая книга интеллектуальных дневников Казимежа Брандыса «Месяцы. Воспоминания о современности», охватывающих период 1978–1979 гг. Позднее под общим названием «Месяцы» регулярно издавались дневники писателя за следующие годы (1980–1987). По словам автора, «Месяцы» не являются ни дневником, в котором отмечаются каждодневные события и мысли, ни мемуарами, в которых создается собственная биография. «Это особая повествовательная конструкция, невымышленное повествование о чьей-то жизни» [19. S. 190].

В центре внимания Брандыса – актуальная политическая и идеологическая проблематика, которой жило тогда польское общество. Освещение этих проблем с позиций эмигранта (в 1980 г. Брандыс эмигрировал во Францию) не вызвало, однако, одобрения многих критиков, считавших оценки Брандыса поверхностными. Подчеркивая дух сопротивления режиму, с каждым годом усиливавшийся в польской культуре после 1956 г. («На август 1980 г. польская литература работала четверть века» [19. S. 140]), Брандыс вынужден неловко оправдывать собственные идеологические и соцреалистические заблуждения: «Мне нелегко оценить человека, каким я тогда был – одного из тех, убежденных вопреки самому себе в том, что Разум содержится в истории и Истина сама осуществится во времени» [19. S. 184].

Брандыс высказал небесспорную мысль о том, что литературе в бывших социалистических странах шло на пользу сопротивление, противостояние тоталитаризму. Писатели всегда писали не только для кого-нибудь, но и против кого-нибудь, и это было нервом литературной жизни. В коммунистической Польше, – писал Брандыс, – «жизнь при всей ее серости была как-то более интенсивной. Периодически приходилось жить в напряжении, которое сообщало динамику и вырабатывало мускулатуру. Смысл жизни придавали нам стычки с властью [...] Вот это я понимаю, это были переживания!» [19. S. 184].

На фоне, как правило, с пафосом обличающей коммунистический режим прозы «второго круга обращения» глубиной рефлексии, самоиронией и юмором выделяется книга Ярослава Марека Рымкевича «Польские разговоры летом 1983 г.» (издана в 1984 г. в Париже и в том же году в издательстве «Nowa»). Жанр этого произведения трудно определить однозначно. В нем сплавлены элементы документального репортажа и вымысла, исторического эссе и автобиографии, литературно-критического исследования и традиционного романа, включены в него и стихи автора, известного поэта.

Действие книги происходит летом 1983 г. в пансионате, где несколько отдыхающих интеллигентов, в том числе герой-повествователь, писатель «пан Маречек», постоянно обсуждают проблемы, волновавшие тогда поляков. Впережку обсуждаются и будничные заботы времени военного положения, и прошлое Польши с его многочисленными национально-освободительными порывами, не дости-

гавшими цели, польские комплексы и стереотипы, будущее страны, определяемое сегодняшним днем. Мысль о том, что история совершается на наших глазах, что ее важнейшая составная часть – это современные события, а ее смысл проявляется в поведении и судьбах отдельных людей и общественных групп, определяет весь ход раздумий пана Маречек об участии личности (и себя самого) в истории и в истории культуры. «Фрагмент польского духа – “Солидарность”, – думает пан Маречек, – и я в этом фрагменте, в своем, разумеется, небольшом масштабе, со своими мыслями, с своей болтовней и писаниной, со своими взносами в пятьсот злотых – и я по-своему способствовал созданию этого фрагмента, и я горжусь этим, я имею право гордиться» [20. S. 17–18].

Пан Маречек вспоминает серое воскресное утро 13 декабря 1981 г. (день введения военного положения на Мокотовской улице, взволнованную толпу людей перед зданием «Солидарности», листовки, истеричный плач какой-то женщины, телеоператоров NBC, когда он «вдруг понял, что на его глазах совершается история, что он является свидетелем такого события, которое будет помниться и описываться в течении многих веков [...] совершается, впрочем, не впервые – такие серые холодные утра постоянно повторяются в истории его города [...]»). Обращение к истории вызывает видение «буро-зеленых казаков на куцых лошадях, их мохнатых папах и длинных пик» [20. S. 127].

Как ни пытался Я.М. Рымкевич снизить иронией пафосность своего повествования, но и ему не до конца удалось это сделать. Ощущая себя частицей варшавской очереди, толпящейся «за ботинками и мясом», его герой заявляет: «Я возмущался вместе с этими бабами, верещал и проклинал вместе с ними, толкался среди них и ругался с ними, я жил и чувствовал вместе с ними, это была Польша и я был поляком. Это звучит патетично? Это было патетично – это наше стояние в очереди за ботинками, мясом, сыром и подштаниками» [20. S. 158].

В 1980-е годы во «втором круге обращения» появились и произведения, не связанные непосредственно с современностью, с актуальными событиями. Однако многие из них польские критики также причисляют к антисоциалистическому реализму. Это относится, например, к роману Юлиана Стрыйковского с выразительным названием «Большой страх» (1980, издательство «Nowa»), который посвящен событиям во Львове в 1939–1941 гг., времени массовых арестов и депортации за Урал представителей польской интеллигенции, в том числе, не в последнюю очередь, еврейского происхождения.

Зато вряд ли можно отнести к антисоциалистическому реализму книгу Игоря Неверли «Остатки от пиршества богов» (1986, издательство «Nowa»), одну из лучших книг писателя и всей польской прозы 1980-х годов. В ней Неверли припомнил красочные эпизоды своего детства и юности, которые он провел в России в переломные революционные годы (попав в Россию в 1915 г., Неверли бежал в Польшу в 1924 г., спасаясь от ссылки на Соловки). Эпизоды эти – из жизни будущего писателя в Симбирске, Пензе, Киеве – вписаны в большой контекст истории победы большевиков в русской революции, последствия которой драматическим, а то и трагическим образом сказались на судьбах множества людей.

В целом же в прозе «второго круга обращения» 1980-х годов, посвященной главным образом современным событиям (за исключением нескольких книг, а также изданий эмигрантской прозы, написанной, как правило, раньше), описание и интерпретация мира ограничивается описанием политического конфликта с резким отрицанием какого бы то ни было диалога с политическим врагом – носителем коммунистической идеологии. Это не могло не сказаться на художественной стороне произведений, что осознавали многие авторы. Т. Конвицкий, например, в 1986 г. заметил: «Подобно тому, как существовала конъюнктура проправительственная, так возможна и конъюнктура антиправительственная. Обе вредны для литературы. Я скажу даже резко: одинаково вредны» (цит. по [21. S. 301–302]).

Более академично сформулировал эту мысль известный польский литературовед Хенрик Маркевич: «На отвоеванном плацдарме свободы (речь идет о литературе “второго круга обращения”. – В.Х.) усиливалась идеологизация и даже актуализированная политизация культуры [...] Политическая борьба, перенесенная на территорию художественного творчества, имеет свои законы, а точнее обязательства – однозначность, использование контрастов без “светотеней”, что чаще всего неблагоприятно сказывается на этом творчестве» (цит. по [16. S. 38]).

У литературы «второго круга обращения» в Польше в 1970–1980-е годы есть, конечно, немалые заслуги. Прежде всего они – в распространении в стране произведений писателей-эмигрантов, в создании нескольких значительных романов в 1970-е годы (Т. Конвицкий, Е. Анджеевский) и ряда других произведений, а также в том, что эта литература способствовала объединению оппозиционных сил в культуре. Воздействие же польского «самиздата» на широкий круг читателей (в том числе за пределами Польши – в Советском Союзе) было исключительным явлением в рамках всего социалистического лагеря, даже по сравнению с российским «самиздатом», который предшествовал польскому, но масштаб которого был относительно меньшим.

Не менее политизированной была и официальная «горячая проза» о современности. Ее бестселлером стал на какое-то время роман Романа Братного «Год в гробу» (1983). Этот и следующий роман писателя «Продолжение следует» (1986) – памфлет и даже пасквиль на деятелей «Солидарности» и на тех представителей польской культуры и литературы, которые встали на сторону движения «Солидарность». Кое-какие экстремистские настроения и поступки героев Братный высмеивает удачно, однако его идейная позиция, а также репортажный способ повествования и повышенное внимание к эротической стороне жизни героев не позволили писателю показать суть конфликта и проникнуть в психологию людей, показать глубинные мотивы их решений и действий.

Большинство писателей, вступивших своими текстами в политическую борьбу против «Солидарности», гонялись за сенсационной фабулой и ограничивались изображением сцен суетности малозначительных героев, не обремененных интеллектуальными рефлексиями, хотя они и представляли, как правило, интеллектуальную среду. Идеино-художественный анализ кризисных событий в Польше произведениям «горячей прозы» не удался, хотя появилось их немало: Владзимеж Сокорский «Нельзя повторить» (1984 г., в этом романе в причинах кризиса пытается разобраться ушедший в отставку министр культуры), Мариан Ковальский «Перед занавесом» (1984), Яцек Краковский «Собственными глазами или дневник кризиса» (1984), Александр Минковский «Воскрешение Пудрыция» (1984) и многие другие. Художественным уровнем из этого ряда выделялся роман Юзефа Лозиньского «Охотничьи сцены из Нижней Силезии» (1985), в котором скептически оценивались обе стороны общественно-политического конфликта.

Очевидны органические слабости литературы, реагировавшей на введение военного положения – и литературы «второго круга обращения», и официальной «горячей прозы». Исходя из потребностей политической борьбы, они ограничили свои общественные функции агитационно-пропагандистскими и неизбежно превратились в литературу «короткого дыхания», оставшись, главным образом, свидетельством определенного этапа в истории страны и ее культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хорев В.А.* Достижения и потери польской прозы «второго круга обращения» // Политика и поэтика. М., 2000.
2. *Czapliński P., Leciński M., Szybowicz E., Warkowski B.* Kalendarium życia literackiego 1976–2000. Kraków, 2003.

3. *Krajewski A.* Między współpracą a oporem. Twórcy kultury wobec systemu politycznego PRL. 1975–1980. Warszawa, 2004.
4. *Czarnik O.S.* Między dwoma sierpniami. Polska kultura literacka w latach 1944–1980. Warszawa, 1993.
5. *Czachowska J., Dorosz B.* Literatura i krytyka poza cenzurą. 1977–1989. (Bibliografia druków zwartych). Wrocław, 1991.
6. *Помяновский Е.* Дорога к свободе // Белые пятна – Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.
7. *Prorok L.* Dziennik 1949–1984. Kraków, 1998.
8. *Walicki A.* Idee i ludzie. Próba autobiografii. Warszawa, 2010.
9. *Iwaszkiewicz J.* Dzienniki. Warszawa, 2010. T. II. 1956–1963.
10. *Radziwon M.* Iwaszkiewicz. Pisarz po katastrofie. Warszawa, 2010.
11. Współczesna literatura polska lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych. Lipsk, 1993.
12. *Конвицкий Т.* Польский комплекс. М., 2002.
13. *Tomkowski J.* Dwadzieścia lat z literaturą. 1977–1996. Warszawa, 1998.
14. *Chwin S.* Dlaczego upadek komunizmu zaskoczył literaturę polską? // Teksty drugie. 1994. № 1.
15. *Sandauer A.* Moje irytacje. Rozmowa z A. Sandauerem // Kultura. 1973. 18 III.
16. *Czapliński P.* Ślady przełomu. O prozie polskiej 1976–1996. Kraków, 1997.
17. *Konwicki T.* Rzeka podziemna, podziemne ptaki. Warszawa, 1989.
18. *Nowakowski M.* Raport o stanie wojennym. Białystok, 1990.
19. *Brandys K.* Miesiące. 1982–1987. Warszawa, 1998.
20. *Rymkiewicz J.M.* Rozmowy polskie latem roku 1983. Warszawa, 1998.
21. *Nowicki S.* Pół wieku czyżca. Rozmowy z Tadeuszem Konwickim. Warszawa, 1990.

© 2011 г. В.В. ВЫЧЕРОВ

ПОЛЬСКИЙ ДНЕВНИК. 1981–1983 (ФРАГМЕНТЫ)¹

Вниманию читателя предлагаются фрагменты из дневника советского инженера, работавшего в Гданьске в 1980–1983 гг. и ставшего свидетелем острого политического кризиса в Польше.

The author of the diary is a Russian engineer who was working 1980–1983 in Poland, in the city of Gdańsk, and was a witness of a deep political crisis in the country.

Ключевые слова: Польша, СССР, кризис социализма, Солидарность, социалистическое содружество, Ярузельский, Брежнев.

ВВЕДЕНИЕ

В конце ноября 1978 года меня вместе с семьей откомандировали из Геленджикской научно-исследовательской геофизической экспедиции в Польшу в совместную польско-немецко-советскую организацию «Петробалтик» с центром в Гданьске.

Задача организации – оценить нефтеперспективность шельфа Балтийского моря, относящегося к нашим странам. В Голландии строилась нефтебуровая платформа, а точки под бурение должна была определять группа анализа СО (совместной организации) «Петробалтик». Меня назначили старшим специалистом по польскому шельфу в группе анализа. Дали мне четырехкомнатную квартиру в новом районе Гданьска, в Суханино. Поляки хорошо относились к нам, особенно когда видели, что мы пытаемся что-то говорить по-польски. Польский язык я освоил быстро, хотя в СО рабочим языком был русский. Я учился на курсах польского языка, активно читал польские газеты и слушал последние известия по TV. Через год я уже неплохо говорил, читал и писал по-польски. А дочка, играя во дворе дома с польскими детьми, через год говорила по-польски без акцента... За все шесть лет пребывания в Польше я ни разу не слышал каких-то грубостей в свой адрес: ни на улице, ни в магазине, ни в транспорте. Правда, часто в разговоре поляки говорили: «Вы россияне – хорошие люди, только правительство у вас плохое».

В польских продовольственных магазинах было все, что необходимо для сытой жизни: и колбасы, и мясо нескольких сортов, копчености, свежая рыба, в том числе любимая поляками треска, селедка, большущие лещи, сыры нескольких типов,

---

Вычеров Владимир Васильевич – инженер-геофизик (г. Геленджик).

¹Фрагменты из дневника, относящиеся к августу 1980 – ноябрю 1981 г., опубликованы в журнале «Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре» (2009. № 6). Благодарим за содействие публикации этого ценного источника в нашем журнале представителя Польской академии наук при Российской академии наук проф. М. Волоса. В подготовке документа к печати участвовал А.С. Стыкалин.

разнообразные молочные продукты. По насыщенности товарами польские магазины в значительной степени отличались в положительном смысле от советских. Для нас это было очень заметно. Но поляки все равно были недовольны: им было с чем сравнивать. Например, в ГДР было лучше, не говоря уже об Австрии и Швеции, куда многие из них ездили в отпуск на заработки. Особенно злило их, когда в магазинах имело место не афишируемое ползучее повышение цен. Возмущение выплескивалось и на страницы непартийных газет. К 1980 году снабжение стало хуже, цены повысились. Глухое открытое недовольство перекинулось на рабочие коллективы предприятий. Лидировал 16-ти тысячный коллектив Гданьской судостроительной верфи им. Ленина. Стали возникать ячейки недовольных, которые выдвигали требования повысить зарплату. Их стали рекламировать и поддерживать «западные голоса»: «Свободная Европа», «Голос Америки», «Би-би-си». Польское общество представляло собой перенасыщенный солевой раствор: сохранялось как единое целое только до даже небольшой встряски – сразу выпал осадок, общество разделилось на активных недовольных и молчаливых сочувствующих недовольным.

В середине августа 1980 года появились сообщения о забастовочных комитетах. Слово забастовка (по-польски *strajk*, как и по-английски) долгое время не появлялось в газетах: ограничивались словами «перерывы в работе». С 15 августа я начал вести дневник с вырезками из трех газет Побережья и иногда центральной партийной газеты «Трибуна люду», а также нашей «Правды». Этих вырезок, а иногда целых страниц, у меня очень много. Но в настоящей работе я предлагаю, в основном, свои записи.

В советской составляющей «Петробалтика» была наша парторганизация, и я был зам. секретаря по идеологической работе. Конечно, я был сторонником польской объединенной рабочей партии (ПОРП), переживал за польских коммунистов. Но, когда вылезла изнанка политики ПОРП – взяточничество, безумные привилегии руководящих членов, а также выявлены злоупотребления органов власти, милицейских чиновников, я невольно говорил сам себе, что ведь и у нас в Союзе – то же самое. И симпатизировал требованиям рабочих. И говорили мы об этом между собой, но только не на партийных собраниях, которые проводились, как правило, в консульстве.

Первоначально политика и правительства, и партии Польши заключалась в придании требованиям забастовочных комитетов экономической направленности, чтобы, не дай бог, не звучали антисоциалистические мотивы. Ведь под боком был Советский Союз и его опыт «в помощи» Чехословакии. Костел Польши сразу стал на сторону забастовочных комитетов, но очень осторожно, призывал не переусердствовать и ни в коем случае не придавать зародившемуся движению политической окраски, тем более антисоциалистической. Даже в Устав независимого профсоюза «Солидарность» был введен пункт, гласивший о не антисоциалистической направленности движения рабочих [...]

Почти весь польский народ был в душе настроен против социализма, но вынужден был рядиться в тогу поборников социализма. А почему против? Да потому что не было примера хорошей жизни при социализме! Реализация идеи социализма Советским Союзом вылилась в кошмарное лишение доверия, в дискредитацию самой идеи. А где виновные? Но это уже другая история...

13 декабря 1981 г.

Гданьск.

Сегодня утром в 8.05 включил радио и узнал о введении в Польше военного положения. Дождались. Арестованы экстремисты – члены «Солидарности», а также Герек и К⁰¹. Мы сидим дома, оповестили всех, ждем указаний. Немцы, наши коллеги по «Петробалтику» тоже все взволнованы, к ним приезжал их консул, тоже сказал ждать. Собираем чемодан, паспорта. Дети в Варшаве в школе-интернате при посольстве, связь с Варшавой отключена. Передают каждый час выступле-

ние Ярузельского, создан Совет народного спасения. TV начнет работать в 12.00, введена единая программа радио и телевидения. А еще вчера мы с Таней ездили в Музыкальный театр в Гдыне. Ехали туда на своем автобусе с немецкими детьми (они ездят в бассейн) и видели много автомашин и грузовиков милиции. Что сейчас творится на верфи? Там ведь вчера проходило заседание Всепольской комиссии «Солидарности». По радио говорят, что их арестовали.

Вечер. Целый день прошел в напряжении. В консульстве нашим сказали, чтобы не беспокоились, сидели по домам, детей в интернате охраняют наши солдаты с автоматами. Нам беспокоиться нечего, завтра на работу. В Гданьске спокойно, взяли всех членов комиссии «Солидарности», обошлось все тихо. Дикторы TV в военной форме, передавали Декрет о военном положении: сколько кому положено за нарушения, за отказ от работы. Милитаризованы железные дороги, радио, TV, городская коммуникация. По TV идет военный фильм.

14 декабря 1981 г.

Гданьск.

Первый рабочий день после объявления военного положения. Спокойно. В городе военные, много грузовиков милиции, сточня (верфь) окружена, к ней не подпускают. У нас на работе все в порядке, с работы и на работу возят на нашем автобусе. Трамваи, автобусы курсируют нормально. В городе появились листовки, призывающие к всеобщей забастовке.

В вечерней передаче TV показали Варшаву, где на перекрестках стоят бронетранспортеры. Прочли инструкцию, взятую при конфискации документов в здании «Солидарности» Мазовше: рыть канавы, делать поджоги и что-то еще.

О Валенсе ничего не сказали. «Голоса» говорят, что связи с Польшей нет, толком ничего не знают. Вроде в «Урсусе» (тракторный завод²) частично бастуют.

[...] Военное положение введено не через Сейм, о чем говорилось на последнем пленуме, но в повестке дня этого вопроса не оказалось, а посредством Госсовета. На Сейме могли бы этот план провалить [...] Сейчас даже «Голоса» твердят, что ведь, в конце концов «Солидарность» создавалась не для руководства государством. Ясно, что финансистам не хочется терять миллиарды, поэтому вещают на Польшу, утверждая, что рядовые члены «Солидарности» с беспокойством следили за выступлениями экстремистов. Довели до того, что вынудили правительство применить последнее средство. Это говорит «Голос Америки». В выступлении примаса Польши, кардинала Глемпа, с одной стороны осуждается военное положение, а с другой – призывается, чтобы рабочие крупных предприятий не сопротивлялись и подчинились. «Не отдайте ваших голов, братья – рабочие, цена отрезанной головы будет очень низкой, зато каждая пара рук для работы – бесценна».

15 декабря 1981 г.

Гданьск.

Второй рабочий день после введения военного положения. Очень все хорошо. Землетрясения не произошло. Рейган не прервал свой уик-энд, западные агентства, практически, одобрили шаг Ярузельского, по крайней мере, не осудили. Мы похвалили за «краеугольный камень» в отношениях с СССР. День на работе прошел нормально, поляки притихли, ждали вестей из сточки. Я видел там бронетранспортеры. Говорят, в сточне осталось несколько десятков человек: заперлись в одном из зданий, пытаются бастовать. Будут выкуривать их оттуда газом. В газете приказы, уставы, распоряжения. Одно из них – сточки не будут работать до 19 декабря, а потом начнут работать, но вход будет по специальным пропускам. Вот, кажется и развязка [...] Введены военные полевые суды. Пока приговоров не было, но двоих отдали под суд за то, что собрали толпу и через мегафон агитировали. Посмотрим, что им будет [...] Возвращаясь с работы в своем автобусе, видели штук восемь танков, ехали по Ленинградской улице со стороны вокзала. Я сказал, смотри, какие красивые. Наши заулыбались, а поляки промолчали.

По TV – одна программа, по радио – тоже, газета – под цензурой, все три газеты – в одной [...] Ну вот, кажется, начинается по TV «Дзенник», т.е. 19.30. Показывают улицы Варшавы, солдаты с автоматами, танкетки, бронетранспортеры, царит порядок, как говорят поляки, спокой. Телефоны не работают, но «скорая» получает вызовы через армию и, конечно, их не уменьшилось. Передают, что порт Щецина работает нормально, а про Гданьск пока ничего не говорят [...]

Был в обеденное время на ул. Длугая, везде расклеены листовки с призывами папы Римского не бастовать. Это, видимо, городские власти расклеили, а не «Солидарность».

16 декабря 1981 г.

Гданьск.

Третий день военного положения. Доехали на работу городским автобусом, наш сломался. Около 8.30 во дворе Гданьской верфи им. Ленина приземлились 7 вертолетов, началась акция по «выкуриванию» оставшихся там забастовщиков, неизвестно, чем кончится дело. Около 12.00 пришел Э. Нойман, немец, мой шеф, и сказал, что только что вернулся из города их директор и рассказал, что у вокзала видел толпу, которую разгоняли газовыми выстрелами. Согласно декрету о военном положении собираться нельзя, а сегодня-завтра годовщина событий 1970 г.³, они готовились отслужить молебен, присвоить площади имя «Солидарности» и потом что-то еще. Намечалось это на сегодня на 17.00. Нас отпустили на один час раньше. Когда ехали, видели бронетранспортеры на углах улиц, к вокзалу проезда не было.

По радио говорят, что дело идет неплохо. TV еще не работает – рано, только 17.20 и в придачу минут 30 как отключили электричество. Это часто бывает в нашем районе, а на Морене (соседний квартал) свет есть. Поляки, мои знакомые, избегают говорить, но только один-два одобряют введение военного положения. Остальные сожалеют, что, мол, «Солидарность» не стремилась к власти, короче, она хорошая [...] Конфискованы ксероксы, телетайпы, бумага, все. Сегодня по городу ходили молодые люди (может, студенты) со скребками и очищали стены от старых листовок и плакатов. Кстати, листовки со словами папы Римского с призывом не бастовать посрывали, не видел ни одной целой. Ее действительно расклеили городские власти, но кто-то посрывал. Названий «Солидарность» нигде нет. Я об этом спросил в киоске международной прессы, где покупаю «Правду» и «Гранму». Моя старая знакомая продавщица Божена сказала, что приказано все вычистить и выбросить.

Нет прессы ни с востока, ни с запада [...] Сейчас 18.07, позвонил наш сосед-немец и сказал, что в городе идет стрельба. Я вышел на балкон, действительно, слышны выстрелы, но, возможно, газовые разрывы.

Таня пошла узнать к соседям. С 5-го этажа, говорит, вдали видна толпа, слышны выстрелы, крики [...] По TV играют Шопена.

[...] 19.33, должен быть по TV «Дзенник», пока его нет. Уже 19.35, а обычно начинается в 19.30. Что-то у них не готово, не сходится. В городе вроде стрелять перестали.

Приходили наши женщины, говорят, что есть зарево от пожара, летал вертолет (это ведь вечер, темно), много было ракет и взрывов, что-то рвалось, говорят, газовые гранаты [...] Уже 19.38, а «Дзенника» все нет. Наконец-то 19.39, начался. Ну что там, какие новости? Гданьск, конечно, не покажут. Читают заявление Совета народного спасения. Затем передали конфискованные инструкции о развязывании партизанской городской войны на манер ирландцев и «ЭТА» в стране басков в Испании. Показали страницу и там подчеркнуто, что базируются они на теоретических трудах Мао Цзе-дуна, Че Гевары. Все смешалось в доме Облонских! А сейчас сюжет – разговор с главным ксендзом Армии польской: полковник в форме. Говорит хорошо о военном положении, что оно – наименьшее зло.

Мы, говорит, являемся офицерами Войска польского и одновременно священниками, наша задача – проповедовать единение народа, чтобы был мир на польской земле [...]

Предупредили, что завтра в Варшаве намечалась демонстрация, и что это будет провокация, чтобы все сидели дома, если не хотят неприятностей [...]

А в центре города по-прежнему слышны разрывы, то ли выстрелы, к небу поднимается дым, видно с балкона [...]

После «Дзенника» неожиданно снова передают (уже в третий раз!) фильм венгерского ТВ «Венгрия-56». Возможно, подействует.

17 декабря 1981 г., четверг

Гданьск.

Прибыл на работу на городском автобусе. Вчера вечером пожара не было, никого не убили, но раненых много – 324 чел. Стреляли газовыми зарядами, были настоящие схватки с силами порядка. Милиция вооружена палками, щитами, чем-то еще. В гданьской газете сегодня пишут, что настораживает потеря людьми чувства самосохранения или инстинкта. Это уже грозно, это психоз толпы [...] Когда переходили улицу, то видели и слышали разрывы газовых гранат и убегающих молодых ребят лет по 15–17. А в центре Гданьска дым и взрывы. Пошли обходными улицами [...]

Сейчас идет по ТВ первый «Дзенник» в 17.30. Ни о Гданьске, ни о Варшаве, где сегодня должна быть демонстрация, ничего не говорят. А с нашего балкона слышны разрывы петард или газовых гранат.

[...] Начался второй «Дзенник» в 19.33. Сразу же сообщили о том, что в Силезии в результате столкновения на шахте погибли 7 человек шахтеров и 41 человек из милиции ранен. Также сказали, что в Гданьске имели место столкновения: ранены 160 милиционеров и 164 гражданских [...] Шахты ведь военизированны, попытка организовать забастовку на шахте в Катовицах закончилась трагически, об этом сразу сказали, пожалуй, скрывать – было бы хуже.

Сообщили о Куроне⁴, который играл главную скрипку на заседании в Гданьске 12 декабря, где обсуждался его план захвата власти. Он, бывший член ПОРП, сидел дважды в тюрьме, установил связь с IV Интернационалом (троцкистским), ярый противник костела, поддерживал тесные связи с заграничными группами еврейской национальности. Это уже интересно: заговорили о национальностях! [Куронь, Михник⁵] имели колоссальное влияние на студентов, часто читали им лекции, в том числе и в Гданьске.

Передают, что в Варшаве демонстрация не состоялась: «варшавяки» оказались сознательными, небольшие группы рассеяны, 8 человек арестованы, но они не из Варшавы. Итак, в Катовицах 7 убитых шахтеров. Это может быть резонансом по всей стране. Как там в Гдыне да и в Гданьске сегодня? Вчера, слава богу, никого не убили. А сегодня? Снова были волнения, особенно в Гдыне.

18 декабря 1981 г., пятница

Гданьск.

Итак, оказалось, что волнений в Гдыне не было. Приехали сегодня на работу оттуда наши польские приятели, рассказывают, что все там было спокойно: разрешили к памятнику положить цветы, поставить свечи. Вроде что-то проскандировали и разошлись, газовые гранаты почти не применялись. В общем, это не идет ни в какое сравнение с тем, что было в Гданьске, когда (вчера же) мы возвращались с работы. Сегодня в местной газете пишут, что были попытки сооружения баррикад из лавок, мусорных баков. Все это делают подростки, «играют» в войну, а взрослые глазют из укромных мест. Но газа было много. Возвращаясь сегодня с работы, мы проходили через подземный переход. Мгновенно почувствовали резь в глазах, сразу же побежали бегом и все другие пешеходы бегают. Я сразу не понял, в чем дело. Оказывается, остаточный газ от вчерашнего вечера скопился

внизу и продолжает действовать. Но сегодня кучек молодежи не было. Правда, мы работали сегодня только до 13.00, а вчера – до 14.30. Приказано также (по закону военного времени) работать в субботы. Правда для «Петробалтика» остается то же самое количество часов – 42, значит с 8 до 15.

[...] В местной газете в передовице пишут, что военное положение введено с целью предотвратить агрессию на государство, независимо от того, с чьей стороны и в какой форме была бы эта агрессия предпринята. Намек очевидный, правильно, что так напечатали, хотя это всем очевидно.

В городе расклеены объявления: приказ гданьского воеводы о том, что комендантский час ужесточается – станет с 8-ми вечера до 6-ти утра. В газете, по TV сообщают, что очень многих воевод сняли за то, что не справились со своими обязанностями в ситуации военного времени. Сняли также много директоров предприятий. Вместо воевод поставили военных – генералов, полковников.

[...] Начался «Дзеник» в 19.30, нормально. Сообщают о Катовицах, что большинство (все!) шахты работают, в том числе и шахта «Вуек», на которой 7 человек вчера были убиты в результате столкновения. То есть работа идет, добыто за сутки всего более 500 тыс. тонн угля. В Кракове штурмом взяли баррикаду на одном из заводов, арестовали зачинщиков, остальные рабочие вернулись на работу. Передают о Гданьске: все точно как было, никакого вранья, 324 чел. раненых. Итак, хребет авантюристам сломан, народ поддержал молчаливо, стиснув зубы, Ярузельского [...]

Передают по TV целую серию заявлений бывших заместителей председателя «Солидарности», которые каются, говорят, что они были введены в заблуждение, что они признают руководящую роль ПОРП и т.д. Цирк да и только!

[...] По «Голосу Америки» соврали о Гданьских событиях: сказали, что при попытке рабочих захватить верфь было ранено более трехсот человек. Чепуха! Было ранено 324 человека, но не при захвате верфи, а при попытках организовать демонстрацию у памятника трех крестов. И побили, в основном, сопляков-подростков, которых натравили на органы наведения порядка, и среди побитых 160 милиционеров, согласно официальным данным (по TV).

19 декабря 1981 г., суббота

Гданьск.

Сегодня ровно неделя, как ввели военное положение. Работали до 13.00. Все улаживается, никакой всеобщей забастовки не получилось, хотя вчера вечером по радиоголосам утверждали, что на сегодня какие-то застигнутые за границей деятели «Солидарности» объявили всеобщую забастовку. Чепуха, народ не принял и не примет возврата к забастовочной анархии.

[...] Выпало много снега, трудно транспорту, но все работает. В городе спокойно. Начался «Дзеник». Показывают Вроцлав. Танки, танкетки, солдаты, патрули, люди спокойны. В Катовицах новый воевода – генерал приехал к шахтерам, выступил по поводу трагичной гибели семерых горняков. Говорит, что ведь это ненужная смерть была, контра подговорила шахтеров. Вчера шахтеры добыли свыше 500 тыс. тонн угля. Я опасался, что шахтеры забастуют из-за событий на шахте «Вуек». Ничего, все образумилось. В Гданьске сточни не работают, по приказу они в отпуске до сегодня, но в газете указ продлить отпуск до 24 декабря. Идет регистрация рабочих, выдача пропусков. На работе только один поляк из пяти одобряет действия правительства, остальные в шоке, транс, говорят, что так не нужно было, это слишком жестко. И только мой старый знакомый вахтер, старый коммунист, критиковавший раньше «Солидарность», доволен [...]

20 декабря 1981 г., воскресенье

Гданьск.

[...] По TV передают о задержанных спекулянтах, о найденных подпольных складах товаров. Это на зрителей действует положительно.

21 декабря 1981 г.

Гданьск.

Вчера, вернее, в субботу, т.е. 19 декабря, ходили слухи, что в рефенерии (нефтеперегонный завод) закрылись несколько человек, грозили взорваться. Однако сегодня в газете написано, что на территории Гданьского воеводства нет ни одного места с забастовками. Говорят, в воскресенье рефенерию освободили [...] Мы с Таней возвращались с работы пешком. Прошли через весь город, нигде не видели ни одной нелегальной листовки, ни одного милиционера. Только у касс авиакомпании «Лет» стояли четыре солдата. Людей на улицах много, очереди за рыбой и предпраздничными товарами, все спокойно. В газете пишут, что в пятницу и субботу на вокзале в Гданьске было задержано много молодежи, в том числе 140 человек несовершеннолетних, приехавших для участия в уличных беспорядках. Отобрали у них более 30 ножей [...]

В объявлениях местной газеты и городских листовках указывается, что верфи начнут работу после Рождества, а пока все в отпуске, получают новые пропуска.

[...] По TV в «Дзеннике» передают, что в Силезии под землей в двух шахтах находится около 1700 шахтеров, которых затерроризировала группа охранников «Солидарности», длится это уже неделю. Мои опасения подтвердились: шахтеры могут еще наделать дел. Говорят, что 800 человек уже вышли на поверхность, остальные не принимают ни врача, ни ксендза.

22 декабря 1981 г., вторник

Гданьск.

Снег, крепкий мороз. Спокойно. В городе редкие патрули, полно людей. С шахтерами пока не поладили. В газете пишут, что почти 3 тыс. шахтеров сидят под землей [...] Интересны методы «Голосов». Позавчера «Голос Америки» передал, что прибывающие из Польши говорят, что во многих случаях солдаты отказываются выполнять приказы, и добавляет, что эти сведения еще не подтверждены. А вчера то же самое передавали, но уже без последней фразы. Или ложь о советских солдатах в польской форме и что это, мол, еще не подтверждено и т.д.

Вечер. Начался по TV «Дзенник». Вроде все более-менее спокойно, кроме двух шахт в Силезии. Передают интервью с одним из шахтеров, которому удалось подняться наверх. Говорит, что внизу применяют страшный психический террор: плюют в лицо тем, кто не хочет участвовать в забастовке, заставляют раздеваться догола и в таком виде подниматься наверх [...]

Министр внутренних дел издал приказ, что в ночь с 24 на 25 комендантский час упраздняется ввиду Рождества, а 25-го в 9.00 будет транслироваться святое богослужение по радио, как всегда было раньше в воскресенье, из костела трех крестов в Варшаве. Это хорошо: успокаивает людей, и хорошо, что подчеркивают, что нет поворота к методам правления, которые были до августа 1980 года. То есть дают понять, что рабочий протест, его справедливость не подвергают сомнению ...

23 декабря 1981 г.

Гданьск.

Пока ничего не сообщают о шахтерах, которые бастуют под землей. Чем все это кончится там? А в Гданьске в очередной раз перенесли срок начала работы верфей, на этот раз на 4 января [...] В «Дзеннике» сообщили, что еще 50 шахтеров поднялись снизу. Однако еще более двух тысяч под землей, их там терроризируют.

24 декабря 1981 г.

Гданьск.

Ночь перед Рождеством. Днем сообщили, что из одной шахты горняки вышли почти все, сейчас разминируют вход, где находится заряд в 10 тонн взрывчатки.

Во второй шахте по-прежнему находятся более 1000 человек уже более недели (9 дней). В городе спокойно. Идя с работы, купил свежего хлеба, правда, была очередь минут на 20. Поляки берут очень помногу: четыре, пять, шесть буханок (три дня праздников). В районе вокзала глаза щипет: газ чувствуется от 17 декабря. Видел солдатские патрули с палками [...]

25 декабря 1981 г.

Гданьск.

В ночь перед Рождеством, т.е. вчера, выступил Ярузельский, однако не по ТВ. В 21.00 транслировалось выступление по радио, а по TV в это время шел религиозный спектакль о сотворении мира (Ева и Адам с фиговыми листками, причем Ева очень искусно заигрывала с сатаной), о рождении Иисуса и обо всем с этим связанным. Повторят выступление Ярузельского сегодня. Сейчас 9.55, по радио идет святая месса, т.е. богослужение, почти нейтральное, но приводят послание примаса Глемпа, где он желает отмены военного положения и всем спокойя. Утром передали, что из одной шахты все забастовщики вышли, а из второй поднимаются [...] Речь Ярузельского была только по радио и повторяют ее в течение дня, вот и сейчас в 19.00 передают. Говорит хорошо, спокойно, примирительно, но твердо.

27 декабря 1981 г.

Гданьск.

Последний день праздников. В шахте сидят еще 1000 человек, завтра будет ясно, поддержат ли их на крупных предприятиях.

28 декабря 1981 г.

Гданьск.

День на работе прошел нормально. По радио сообщили, что еще 20 шахтеров поднялись на поверхность. А на верфях, кроме им. Ленина, сегодня первый день работы. Не устроят ли солидарность с шахтерами? На улицах много военных патрулей.

[...] По TV начался «Дзенник», передают, что еще около 100 шахтеров поднялись наверх, однако остальные, около 900, сидят внизу. В стране спокойно, все предприятия работают нормально [...]

Вот! Наконец-то. Диктор говорит по TV, что только что получили сообщение о завершении конфликта в Катовицах, деталей еще нет, но основное сообщение звучит так: все шахтеры поднимаются наверх. Интересно, на каких условиях? Будут ли арестованы организаторы?

29 декабря 1981 г.

Гданьск.

Наступает успокоение. В сточнях, кроме им. Ленина, второй день идет работа. Сегодня утром, идя на работу, видел штук десять грузовиков с милицией, ехавших в сторону верфей. Неизвестно, что там было [...] По TV говорят, что сегодня первый день без единого страйка!!! А мой знакомый вахтер говорит, что дела неважные, что все эти из «Солидарности» ушли в подполье, законспирировались, есть листовки, призывающие к диверсиям, к мирному саботажу: приходите на работу и ничего не делать. Думаю, что это уже не страшно. Большинство поляков поняли, что к чему.

31 декабря 1981 г.

Гданьск.

Итак, последний день бурного года. Хребет «Солидарности» сломан. Не просто оказалось «растоптать власть» [...]

Вечером, в 21.00 по TV и радио выступил председатель Госсовета Г. Яблоньский. Понравилась мне его фраза: «Я старый человек, помню радость возрождения Польши в 1918 году, горе 1939 года, радость освобождения в 1945 году. То, что произошло 13 декабря 1981 года – абсолютная необходимость перед угрозой распада государства». Хорошо говорил.

2 января 1982 г.

Гданьск.

[...] Ходили с Таней гулять по центру Гданьска. Снег почти стоял, и на улицах обнажилось полно пустых пакетов от газовых гранат, которые использовались 16 и 17 декабря. Походили мимо разбитых витрин. Один киоск совсем разбитый, ни одного стекла, а большущие проемы ресторана, где были стекла, заставлены фанерой. Стекла валяются неубранные. Патрули солдат с автоматами, останавливают машины, проверяют документы, осматривают багажники, улыбаются. На витрине магазина «Деликатесы», где всегда было полно всяких листовок «Солидарности», вывешены листовки типа «Контрреволюция в Польше не пройдет» и «Бой спекулянтам!» и т.п.

По TV передали, что арестовали человек пять организаторов забастовки шахтеров в шахте «Пяст», значит в условиях выхода на поверхность не было пункта о не арестовании организаторов [...] В газете «Жолнеж вольности» сообщают о ходе проведения судебных дел былых «сильных мира».

4 января 1982 г.

Гданьск.

В вырезке, приклеенной выше, говорится: «Солидарность» была как тот врач, который правильно определил болезнь пациента, может, даже направил в больницу, но потом начал лечить больного не лекарством, а ядом. Этим ядом были забастовки.

Сегодня первый день работы в новом году и первый день работы верфи им. Ленина от 13 декабря. Ехали на работу в своем автобусе. В центре города видели идущих в сторону вокзала штук семь бронетранспортеров. Но день прошел спокойно. В газете появились новые приговоры за организацию забастовок: от 3 до 7 лет.

Завтра начинается судебный процесс против Щепаньского, бывшего председателя радиокomiteта, «дело года». Следствие длилось больше года. Положил себе в карман более трех миллионов złotych, имел свой собственный ресторан и, говоря, гарем. В дни рождения Герка дарил ему «мелочи» [...]

5 января 1982 г., вторник

Гданьск.

По TV передают воспоминания о Польской рабочей партии (ППР), возникшей 5 января 1942 года и слившейся в 1948 году с социалистической [...] Михта, директор Высшей партийной школы, сказал, что в свое время (конец сороковых годов) незаслуженно пострадал известный деятель ППР Владислав Гомулка и что сегодня ему направили поздравление в связи с годовщиной образования ППР с пожеланиями скорейшего выздоровления. Вот те и на! А может, действительно в свое время клика Герка его незаслуженно охаяла⁶.

6 января 1982 г., среда

Гданьск.

Сегодня в газетах появилась речь М. Раковского, бывшего журналиста, ныне зампреьера, перед учеными, профессорами, журналистами. Спрашивает их: почему молчали, когда видели, что «Солидарность» вела страну к гибели?

7 января 1982 г., четверг

Гданьск.

Сильная метель, сугробы, мороз. Автобусы кое-как ходят, трамваи стали. Польское хозяйство не приспособлено к нормальной зиме. Вчера во втором «Дзеннике» в 19.30 была интересная вещь: бывший пресс-атташе «Солидарности» Марек Брюне дал интервью в аэропорту по приезде из США, где он был на какой-то научной конференции, причем выехал из Польши за два дня до объявления военного положения. Сказал, что испытал шок, когда узнал о военном положении, что средства информации США преподнесли известие о военном положении в ПНР как чуть ли не начало третьей мировой войны, что у него ни разу не появилась

мысль остаться на западе, что он, хоть и боялся, что по возвращении в Польшу его интернируют, тем не менее решил вернуться на родину и отдать себя на это испытание. В конце интервью корреспондент сказал, что не хочет больше мучить его, человек с дороги, устал. Брюне поблагодарил корреспондента за то, что его больше не будут мучить вопросами, что он действительно устал, летел 14 часов, на этом интервью закончилось. Каково же было мое удивление, когда в третьем «Дзеннике» в 22 часа при повторении этого интервью бывший надменный представитель прессы «Солидарности», начинавший здесь, в Гданьске, как представитель прессы региона, выступавший еженедельно по местному ТВ, вдруг заговорил совсем не то, вернее, совсем не так, а еще вернее его интервью оказалось гораздо длиннее, чем первое. Помимо того, что передали в первом «Дзеннике», здесь были ответы другого рода. Так, оказывается, перед отъездом в США он оставил одному из своих заместителей заявление с ресигнацией (просьбой освободить от работы), если Всепольская комиссия на заседании в Гданьске примет решение о захвате власти или Валенса уйдет в отставку. Причина ухода Брюне – несогласие с политикой руководства «Солидарности», которое все дальше и дальше уходит от устава профсоюза, что ему было бы трудно защищать такие решения комиссии и что он вообще устал, нервы не выдерживают. Я удивился такой трансформации интервью, тем более что по ТВ диктор ничего не сказал. На работе кое-кто был также удивлен. А сегодня в «Дзеннике» в 19.30 выяснилось: диктор извинился перед зрителями и Брюне за то, что перепутали пленки. Одна была с коротким интервью авторизованным (т.е. автор согласен с ним), а вторая, с более длинным интервью, черновая, из которой делали первую. Снова в студии был Брюне, как побитый. Говорит, что очень жаль, что по ТВ показали его интервью полное, что он сначала наговорил, а потом решил убрать часть. Понял, что о ресигнации не стоило говорить, потому что это трудно доказать, а многие могут подумать, что я это сказал, чтобы быть хорошим перед властями и т.д. В общем, хорошо, что перепутали пленки, если не специально. Марек Брюне уничтожен: все увидели, как он убегает из тонущего корабля «Солидарности», а ведь он был одним из ведущих в руководстве. Пора переквалифицироваться и ругать «Солидарность» [...]

11 января 1982 г., понедельник

Гданьск.

[...] На Висле страшное наводнение. В городе включены телефоны. В Варшаве возобновляют работу театры, кино.

17 января 1982 г., воскресенье

Гданьск.

14 января вышла новая газета «Речь Посполита». Говорится, что это будет правительственная газета, но на ней самой не написано, чей это орган. Раковский пишет в первом номере, что это будет газета, которая будет служить польскому социализму и все. Ни слова о партийности!

24 января 1982 г., воскресенье

Гданьск.

По радио идет богослужение, передают послание костела польскому народу. Вспоминают о том, что за три года интернирования (нахождение под домашним арестом) Вышинский был очень занят работой, время его было распланировано очень жестко⁷. Костел должен идти дорогой правды, морального обновления, требовать правды от средств массовой информации как внутри страны, так и за границей. Знать, за что наказаны люди, развивать диалог с властями. Пусть создаются комитеты спасения. Ксендзы не будут входить в них, их задача другая – готовить людей к вере в будущее. Вообще послание не агрессивное, а примирительное, а если учесть фрагмент с Вышинским, то призыв работать, будучи интернированными!

25 января 1982 г., понедельник

Гданьск.

Сегодня в 14.00 начался сейм, первое заседание после ввода военного положения. Главным на нем будет выступление Ярузельского и одобрение действий Госсовета по вводу военного положения. Конечно, сейм должен одобрить необходимость ввода военного положения, хотя, может быть, и не единогласно. Сейчас по ТВ начали трансляцию речи Ярузельского. Начал словами: «Польша еще не сгинела, не может сгинуть!» Хорошо начал, это перефразированные слова польского гимна! «...Обвиняю силы контрреволюции в стремлении свергнуть социалистический строй» [...]

27 января 1982 г., среда

Гданьск.

Сейм закончился вчера, принял декрет о военном положении. Только Заблоцкий высказался, что он не будет голосовать, так как считает, что в правовом отношении военное положение введено неправильно. Он представляет в сейме светских католиков.

Сейчас 21.30, по ТВ как раз передают выступления послов (депутатов) на сейме. Выступал Заблоцкий, ругал Рейгана. А потом выступил Пшимановский от ПОРП, писатель, участник войны. Отличное выступление. Досталось и Заблоцкому [...]

28 января 1982 г.

Гданьск.

Очень хорошее выступление также К. Моравского от костела. Говорил как член Политбюро [...]

30 января 1982 г.

Гданьск.

[...] Сегодня опубликовано сообщение Центральной контрольной комиссии партии о причинах нарушения социалистической этики и морали высокопоставленными партийными и административными деятелями в период до снятия Герека⁸.

Рассмотрено 14200 дел. 894 человека исключены из партии, 1813 получили партийные взыскания, на 48 человек обвинения не подтвердились.

31 января 1982 г., воскресенье

Гданьск.

Вчера я работал, хотя был выходной, получу еще один отгул [...] Возвращаясь с работы, на ул. Длугой услышал разрывы петард в районе вокзала. По тому, как щипало глаза у входа в Золотые ворота, понял, что кого-то разгоняют и давно: газ ведь распространяется довольно медленно. Тут меня обгоняет ватага школьников: шумят, бегом направляются к авиакассе «Лет» с криками «Смотри!». Там действительно виден пожар, что-то горело ярко и дымно на перекрестке ул. Картузской и Валов Ягеллонских, рядом с домом студентов. Там же рвались петарды и взрывались красные ракеты в сторону памятника Яну Собескому⁹. Зевак, и бегущих, и стоящих, было много. Не знаю, что там было, подходить не стал. Дальше по дороге к дому, непосредственно около госпиталя напротив здания милиции, стояло штук десять машин грузовиков, а рядом формировались отряды службы наведения порядка: с касками, дубинками и щитами. Ребята молодые, смеются, кидаются друг в друга снежками. Это их готовили к мероприятию по разгону сборища у памятника Собескому, где по традиции собирается вся контра Гданьска. А вчера, по-видимому, сборище было связано с днем солидарности с польским народом, который объявил Рейган.

Что же там горело? Наверно, перевернутая машина.

Завтра повышение цен, а я еду в Торунь на приемку материалов в геофизической организации.

В 15.00 не выдержал и поехал в город посмотреть. Проехал на автобусе до вокзала, зашел в зал. Милицейские патрули по 4–5 человек. Около вокзала и в подземном переходе пустые гильзы от газовых гранат. Прошел по улице до памятника Собескому. Молодой снежок припорошил следы вчерашних дел. Там, где что-то горело – только черная грязь со снегом.

По TV передали, что вчера в Гданьске дошло до уличных беспорядков: группы молодежи пытались организовать демонстрацию на призыв Рейгана. Силы порядка рассеяли эти группы. Люди, шедшие с работы, равнодушно отнеслись к призывам присоединиться к демонстрации, согласно TV. Арестовано около 200 человек, раненых 6 человек с улицы и 8 милиционеров.

1 февраля 1982 г.

Гданьск – Торунь.

Прибыл на поезде в Торунь. На вокзале в Гданьске купил газету, где описываются субботние события. Действительно, горела перевернутая машина милицейская. Была попытка поджога здания воеводского комитета.

[...] Сегодня первый день новых цен. Возросли они, в основном, на продовольственные товары, в три раза. Зашел в магазин в Торунь, купил бутылку кефира. У прилавка старуха-полька говорит мне: «Вон посмотри, пан, маслице лежит». «Да, лежит», – говорю, я сразу не понял. А она: «А цена какая!» Кусок 250 г. стоит 60 злотых, а вчера стоил 17 злотых. Не исключено, что на этой почве могут возникнуть беспорядки. Может, в ожидании их сегодня утром в 6.15 в Гданьске (когда ехал на вокзал) прошла колонна легких танков, штук десять, наш автобус их пропускал.

3 февраля 1982 г., среда

Торунь.

Третий день живу в отеле «Гелиос». В городе спокойно, но патрулей много. Вчера и позавчера город был украшен флагами: государственными и партийными – годовщина освобождения Торунь от гитлеровцев.

В магазинах пусто, но молоко есть, масло тоже, хлеба много.

11 февраля 1982 г., четверг

Гданьск.

Со 2 февраля в Гданьске снова начали выходить три газеты: «Глос», «Дзенник Балтыцкий» и «Вечур». До этого все три были в одной. 5 февраля опубликовано постановление суда военно-морского флота в Гдыне. За противоправную деятельность во время военного положения осуждено много людей, получили от 3 лет до 10 лет тюрьмы.

Вчера, позавчера, сегодня усиленно передаются слухи (по TV, в газетах) о том, что в субботу, 13 февраля, в Гданьске намечена демонстрация женщин и детей против военного положения. Может, это сплетня, но в консульстве сегодня нашего руководителя делегации «проинформировали», чтобы мы после работы в пятницу шли сразу домой, не задерживались в городе, а в субботу не выходили без нужды из домов, не ходили в центр города, на всякий случай. Вот и сейчас по местному TV (оно начало работать два дня назад) говорят, что воеводский комитет, прокуратура приняли все меры к тому, чтобы в городе не был нарушен порядок. Посмотрим. Цены очень высокие, народ недоволен, хотя и выдали компенсацию на карточки, могут быть инциденты. 16 декабря были случаи, когда женщины, потеряв рассудок, шли с колясками, с детьми прямо на милицию, как писали в газетах, потеряв инстинкт самосохранения.

12 февраля 1982 г., пятница

Гданьск.

На работе в 7.15 Страшкевич (наш сотрудник) сообщил, что мы, советская делегация, работаем до 12 часов, а не до 15 часов. Оказалось, что Карабанов и он проявили инициативу и в целях обеспечения безопасности советских специалистов добились разрешения уйти на три часа раньше. Я воспринял это как прояв-

ление паники. Как воспримут это поляки, немцы? Не было потребности в таких мерах. Ведь в консульстве сказали, чтобы после работы не задерживались в городе, а не кончали работу на 3 часа раньше. Но Карабанов, замещающий эту неделю Новикова, на всякий случай решил подстраховаться [...] Идя с работы, я видел много патрулей, группы по 5 человек милиционеров, все готовы были к происшествиям, проверяли у молодых парней документы. Вечером по TV (местному) передали, что в городе было спокойно, беспорядков не было. Посмотрим завтра. Грачев (наш сотрудник) приехал на работу с опозданием, говорит, что ждал долго электричку, а в вагоне видел надпись: «Зима – ваша, лето – наше» и «Смерть красным».

13 февраля 1982 г., суббота

Гданьск.

Не знаю, что творится в городе: то ли есть так называемые уличные беспорядки, то ли нет. Вчера было тихо. А сегодня обещали устроить демонстрацию женщин и детей против военного положения. Однако милиция хорошо подготовилась: патрули, водометы и пр. Существенным событием в общественной жизни ПНР в последние дни была поездка примаса Польши Глемпа в Ватикан на переговоры с Папой. Там же, в Риме, Глемп произнес проповедь в польском костеле, которая была опубликована в газете «Жиче Варшавы» и фрагменты которой напечатаны в гданьской газете. Проповедь очень хорошая, призывает к покою, чтобы на улицу с протестом не выходили. Вчера Глемп вернулся из Рима. На аэродроме ему задавали вопросы корреспонденты, передавали по TV. Глемп улыбался, но ничего толком не сказал, сослался на проповедь. Говорит, что основные мысли изложены там, а обширные фрагменты опубликованы в газете. Думаю я, что они с Папой договорились о весьма умеренной политике по отношению к военному положению. Не хотят допустить усиления конфронтации. Удастся ли это доброе дело? Ведь контра может и не послушать костел.

Вот перевод отдельных фраз проповеди Глемпа. Примас Польши Юзеф Глемп в польском костеле в Риме произнес проповедь, которая [...] содержит ряд призывов и предупреждений, направленных польскому обществу, чрезвычайно важных в настоящей ситуации и особенно для нас, жителей Гданьска. Он говорит о болезни, которой страдает современное общество, т.е. о ненависти. А касаясь дел польских, сказал, что мы, поляки, у себя в стране разгневались друг на друга, и граница между сторонами начинает искривляться и проходить через самих людей, порождая подозрительность [...] Причины нашего гнева мы должны выяснить путем диалога, а не при помощи силы (насилия). Польша не должна стать ареной кровавых столкновений [...] Костел не хочет, чтобы кто бы то ни был, режиссировал гневом, возбуждал гнев и направлял его в нужном себе направлении [...] Никто не имеет морального права разжигать угасающие эмоции и направлять их в определенном направлении [...] Далее в статье без всяких знаков препинания следуют слова, но, мне кажется, не Глемпа, а автора статьи: никто ни у нас в стране, ни тем более за границей не имеет никакого права, ни формального, ни морального, на нарушение рождающегося в таких болях и с таким трудом нового общественного порядка [...] Никто не имеет морального права агитировать нашу молодежь, чтобы она выходила на улицы и нарушала порядок и провоцировала использование сил наведения порядка [...]

15 февраля 1982 г.

Гданьск.

В газетах информация о нарушении уличного общественного порядка в Познани в прошедшую субботу. Там были попытки организации демонстрации, на площади Мицкевича молодежь выкрикивала враждебные лозунги. Без применения прямых средств принуждения (это согласно сообщению ПАП) задержано было 194 человека, из них 162 уже наказаны.

[...] В Люблине на бензоколонке найдена самодельная бомба с часовым механизмом. Благодаря бдительности заправщика, который обезвредил бомбу, несчастья удалось избежать.

[...] В Западный Берлин угнан очередной польский самолет. На этот раз его увели не обычные пираты-террористы, а сам командир корабля с приятелем. При этом на борту находились семьи (среди пассажиров) этих двух «пиратов». Всего осталось на Западе 9 человек.

[...] Закончился процесс над шпионом ЦРУ, поляком. Учился в институте Международных отношений в Москве, завербован в Сайгоне, затем был 1 секретарем посольства в Москве, затем в ООН, затем в Министерстве иностранных дел в ПНР. В общем, работал на американцев 22 года. Арестовали его в марте 1981 года. Это Богдан Зенон Валевский. Прокурор требовал расстрела, суд дал 25 лет тюрьмы. Транслировали суд по TV.

А в Гданьске, передают по местному TV, в субботу, т.е. 13 февраля, жители города вели себя хорошо: не поддались на агитацию участвовать в демонстрации против военного положения. Поэтому с завтрашнего дня снимаются введенные 31 января ограничения: комендантский час снова с 22 часов до 5, (а был с 20 часов до 5), включают городские телефоны, разрешили пользоваться легковыми автомашинами, открывают кинотеатры. Вывод: ведите себя хорошо и вас не будут обижать! Упоминают, что и среди духовенства имеются деятели, которые агитируют людей против военного положения. Это противоречит официальной политике Костела, провозглашенной Глемпом в Риме после консультации с папой.

23 февраля 1982 г.

Гданьск.

День Советской Армии в этом году в Польше отмечается широко. По TV фильмы документальные от 1918 года до наших дней, встречи, возложение венков и т.д. Такого в прошлом году не было.

24 февраля 1982 г.

Гданьск.

Сегодня начался VII Пленум ПОРП, первый после введения военного положения. Поздновато, конечно. Должен был быть на 2-ой или 3-ий день после введения военного положения, так я думаю, чтобы одобрить шаг Госсовета. А то ведь получилось, что Сейм уже одобрил, а партия еще нет. Сейчас выступает по TV Ярузельский. Говорит, что психологическая война развязана. Из-за границы призывают: зима – ваша, лето – наше! [...]

17 марта 1982 г.

Гданьск.

С 27 февраля по 16 марта был в командировке в Риге. По приезде узнал, что арестовали тех двух, которые убили милиционера в трамвае. А в сегодняшней газете сообщают, что Ярузельский навестил больного В. Гомулку¹⁰.

А еще появилось в газете сообщение о международных связях контрреволюционной организации КПН (Конфедерации Независимой Польши). Суд над главарем КПН Мочульским идет. Это сообщение – предвестник, думаю, сурового приговора¹¹.

2 мая 1982 г.

Гданьск.

Вчера состоялась демонстрация. Перед праздником было много кривотолков: то ли будет, то ли не будет. Появились нелегальные листовки, в которых также призывали выходить на улицы, но демонстрировать осуждение военного положения и поддержку «Солидарности», т.е. призывали к контрдемонстрации, а после официального похода собираться у памятника трех крестов. Но, в конце концов, объявили в газете, что демонстрация состоится и пройдет как всегда по Аллее Победы, где будут три трибуны: передовики, ветераны революционного движения, представители консульств. В «Петробалтике» нас всех пригласили

сначала на торжественный митинг 29 апреля в Белый зал Ратуши, а 1-го мая – на демонстрацию. Мы в партбюро решили идти сами: жены и дети пусть готовят вкусный обед. Сбор был не там, где всегда, а на выходе из города, когда едешь во Вжещь, на площади, где останавливается луна-парк. Это, конечно, не случайно, потому что обычное место сбора было недалеко от места, где в 1980 году поставили памятник погибшим рабочим верфи. А там должна быть своя демонстрация, только всей контры. Итак, в 10.30 сбор. Я пришел в 10.00, народу сначала было немного, а потом все больше и больше. Полно флагов – красных и красно-белых (то есть партийных и государственных). После речи Ярузельского по радио начался поход. Наша колонна пошла в 11.00. Перед выходом на основную магистраль нам в колонну добавили группу солдат, молодых ребят, которые на всякий случай шли с нами. А было все спокойно. Я не видел ни одного значка «Солидарности», вообще ничего, что было бы направлено против демонстрации. Однако Михайлов (наш сотрудник), возвращаясь перед демонстрацией от здания «Петробалтик», где он по рации говорил с буровой платформой, видел у трех крестов много людей. Что-то там все же было, хотя, видимо, не очень серьезное.

Прошли мы мимо трибун, видели нашего консула, а он нас видел, махал нам рукой [...] В общем, демонстрация официальная в Гданьске удалась. В Варшаве тоже: показывали по ТВ тысячи людей. А по «Голосу Америки» вечером передали, что в Варшаве и Гданьске было по две демонстрации. Причем сказали, что в Варшаве в официальной демонстрации участвовали пара тысяч людей, а в поддержку «Солидарности» – 50 тысяч. Это, конечно, ложь явная: в официальной демонстрации было очень много участников.

Хулиганские выходы, может, и были, но не массовые выступления. Судить об этом можно по тому, как у нас на Сухонине прошла Первомайская ночь: были крики, песни какие-то. Наутро напротив нашего дома в подъезде другого дома не оказалось флага – он был красный, партийный. Такие флаги иногда срывают, а государственные, красно-белые, не трогают. Но это, конечно, дело подростков-хулиганов.

Сегодня днем поехал в город посмотреть, что и как. Был у трех крестов. Лежат венки, мало людей. Приехали на своем автобусе на экскурсию милиционеры, фотографируются. На боковых улицах группы патрулирующих милиционеров по четыре человека с палками. Вчера милиционеры были без палок. Затем пошел к рынку и по пути зашел в костел св. Бригиты. Народу никого еще не было, богослужение будет позже. Подошел к небольшому боковому алтарю, там, у лежащего Иисуса Христа [...] лежат цветы с записками от интернированных, от кого-то еще с символами «Солидарности». По крайней мере, штук пять символов и штук десять записок и что-то вроде стихов. Вот вам и костел! Делают вид, что не видят. Ведь сейчас использование символов запрещено! Вошло несколько полек и поляков, всего человек пять. Один в куртке подошел к алтарю, встал на колени около меня, молится. Через пару минут вышел. Я пошел за ним, оказалось, шофер такси: помолился, поехал. [...]

3 мая 1982 г.

Гданьск.

И все-таки 1-го мая в Гданьске была контрдемонстрация, об этом пишут сегодняшние газеты, в том числе и партийная газета «Глос Побережья». Молодежь, очень молодые люди, часто несовершеннолетние, собрались в 10.00 у трех крестов, затем пошли в Маряцкий костел, где после богослужения под флагами и транспарантами «Солидарности» и КПН прошли по той же трассе, что и официальная демонстрация до Вжещи. По пути выкрикивали антигосударственные, антисоциалистические лозунги, срывали и топтали флаги, но только красные, т.е. партийные. Милиция не вмешивалась, не поддавалась на провокацию, не стали

омрачать Первомайский праздник, хотя можно было бы и вмешаться. Зато сегодня, в годовщину Конституции 3 мая, милиция подготовилась хорошо. Возвращаясь с работы, видел на ул. Длугой группы милиционеров по 8 человек в касках и с палками, а у подземного перехода – в шлемах из пластика. У памятника Яну Собескому особенно много милиции. Думаю, не позволят организовать сборище, которое было там в прошлом году, когда открыто провозглашались антисоветские лозунги.

4 мая 1982 г.

Гданьск.

Конечно же, вчера вечером в центре Гданьска состоялось представление. Об этом пишут сегодняшние местные газеты, но даже без газет можно все понять, если пройти хотя бы по ул. Длугой. На работу я пошел от автобуса пешком и в районе ворот Золотая Брама слезы у меня полились ручьем: оставшийся с вечера слезоточивый газ продолжает действовать! Люди бегут, утираясь платочками. А на площади между театром Выбрежья и Камерой Пыток столько камней, булыжников, гильз от петард, газовых зарядов, что сразу становится ясно, что здесь было настоящее сражение. Произошло следующее. В 16.00 вокруг памятника Яну Собескому стали собираться группы молодых людей по 2–3 человека. Милиция их не трогала. Затем на постамент выпустили пьяного мужчину, который стал кричать на милиционеров «гестапо». Его взяли и повели к машине. Как по команде с лавочек, с соседних улиц набежала молодежь и начали орать: «Пустите его!», «Гестапо!» и т.д. Милиция погнала их дубинками и газом. К этому времени закончилось богослужение в костелах, было оно специальное, посвященное сразу двум праздникам: и Конституции 3 мая, и Королевской Польской Короне. Здесь, правда, милиция не позволила выходящим из костелов присоединиться к демонстрантам. Молодежь «воевала» до поздних часов, во многих местах были сооружены баррикады, заблокировавшие движение. И в этот вечер в 21.15 приехал поезд из Варшавы, в котором прибыла одна наша семья. Ее встречали наши, два человека. На вокзале в это время был погром: разбиты стекла, вонь от газа и т.д. Еле-еле они выбрались на машине «Нисса». А эти машины использует милиция, и их любят переворачивать и поджигать студенты. Но на этот раз обошлось. Поехали они по Картузской, там милиция их задержала, направила боковой дорогой. А там две баррикады, чуть не разбили им стекла, требовали бензина для бутылок. Юнцы, школьники. Их гоняли по всем горкам в окрестностях ул. Картузской, у нас на Суханине были слышны разрывы петард.

В Варшаве были аналогичные события – показали по TV. Побили витрины, топтали красные флаги. Сегодня в сейме выступил министр внутренних дел. Сообщил, что арестовано 1300 человек, 52 милиционера ранены, 10 из них госпитализированы. А с другой стороны, раненых еще не подсчитали, убитых нет. В результате: снова введен комендантский час (отменили его всего лишь 2 мая), отключили телефоны, закрыли клубы студентов, запретили дискотеки и что-то еще. И вообще в Гданьске это представление поляки окрестили дискотекой: ракеты, петарды, грохот, шум, скандирование «гестапо» [...] Сегодня после работы поехал в бассейн во Вжещ, снова проплыл 700 м. Возвращался на автобусе № 115. Шофер разговаривает с мальчиком лет восьми. Показывает на группу милиционеров в касках, стоящих на углу и спрашивает мальчика: «Кто это?» «Солдаты», – отвечает мальчик. «Нет, это не солдаты, – говорит шофер, – это гестапо». Мать мальчика, другие пассажиры, молчат, улыбаются. Через пару остановок на очередном углу снова группа милиционеров. Мальчик показывает на них пальцем и говорит: «Гестапо». Водитель довольный ухмыляется, мать мальчика по-прежнему ни слова.

[...] Сейчас уже 21.40, на улице спокойно, из центра не доносятся взрывы гранат [...].

5 мая 1982 г.

Гданьск.

Задержан в Гданьске 401 человек. 8 милиционеров и 6 гражданских – в госпитале. Среди задержанных 11 женщин. 182 человека – в возрасте от 17 до 25 лет, 33 – меньше 17 лет.

Был сегодня около Маряцкого костела, возвращаясь с работы. На стенах прилегающих домов полно надписей и рисунков, большей частью виселицы с подвешенными пятиконечными звездами и словами PZPR (ПОРП) и т.д. Пестрят равенства: KPZR (КПСС) = SS, а также лозунги типа «отомстим за Катынь». Разгул там был великий. Это молодые начинающие польские фашисты. Ведь также начиналось когда-то и в Германии. Молодежь в массе своей вся повернута на Запад, и трудно будет сделать из нее друзей СССР.

16 мая 1982 г., воскресенье

Гданьск.

Чудесный солнечный день [...] С утра все идут в костел. Девочки 9–11 лет в белых платьях в окружении родственников идут гордые на прием к богу, первый раз будут исповедоваться, первый раз принимать причастие. Обряд этот называется конфирмацией. В Польше на нем и ему подобных обрядах помещались: во-первых, все толпами идут в костел, затем около костела фотографируются, затем идут к родителям причастившихся детей и отмечают с водкой, обильной едой и т.д. Обязательны хорошие подарки: часы, фотоаппараты и т.д. [...]

После 3 мая, когда на улицах рвались газовые гранаты и летели камни, польская контра наметила новую дату: 13 мая. Во-первых, ровно пять месяцев как введено военное положение, во-вторых, день переворота Пилсудского в 1926 году и день его смерти в 1935 году. Радиостанции с Запада твердили и призывали в этот день устроить 15-минутную забастовку от 12 до 12.15, блокировать движение на улицах, включить автомобильные клаксоны. Польское ТВ несколько раз передавало запись «Свободной Европы» с призывами бастовать. Это хорошо, что прямо по ТВ передали: мол, слышите? Как марионеток вас дергают за ниточки, а вы слушаетесь! Кроме того, подготовилась милиция. И вот наступило 13 мая, 12.00. Я выглядываю в окно на работе, с других домов также смотрят на улицу. Ничего не произошло: машины едут себе, не сигналият. После работы беспорядков не было, но везде были патрули, проверяли документы. Мероприятие руководителей «Солидарности» из подполья (Буяк, Лис и др.) не удалось. Народу осточертело все это дело, и он не поддержал его. В газетах и ТВ, правда, сообщили, что в Варшаве на пересечении ул. Маршалковской и Аллеи Ерузалимских была попытка заблокировать движение: шофера включили свет и сигналы, но милиция справилась. Это были не массовые протесты, а подготовленных отдельных лиц. Забрали у них права (около 50 человек), а зевак и «специальных зевак» разогнали. Судя по газетам, только в Варшаве и Кракове были уличные и то незначительные беспорядки. А всего задержано по всей Польше 700 человек, в основном тех, кто пытался организовать забастовки на предприятиях. Итак, власть показала хорошую силу, а народ не стал выступать против нее и, кажется, более серьезного ничего не будет, хотя не исключено, что отдельные группки могут прибегнуть к терроризму.

На папу Римского опять покушение. На этот раз в Португалии испанский монах бросился на него со штыком, но его успели обезоружить. Монах этот, оказывается, был в Гданьске на съезде «Солидарности», познакомился с Валенсой. Французское радио, по сообщениям польского ТВ, утверждает, что монах хотел убить папу за то, что из-за политики Папы польская «Солидарность» пришла в упадок. Я знаю обратное: польская «Солидарность» возникла благодаря Папеполю, приехавшему в Польшу и вдохновившему весь народ на протест против социализма.

28 августа 1982 г.

Гданьск.

Приехали в Польшу из отпуска 17 августа. Здесь 13–16 августа во многих городах были «дискотеки», так теперь называют столкновения с органами порядка на улицах, когда используются гранаты со слезоточивым газом и петарды для устрашения. А теперь, 31 августа, ожидается нечто более серьезное, судя по выступлениям министра внутренних дел и Барчиковского¹². Последний сказал, что готовится даже вооруженное восстание. А 26 августа выступал на торжестве по случаю 600-летия Ченстоховской Богородицы примас Польши Глемп, сказавший, что гнев плохой советчик, что гнев может вывести людей на улицу, а улица не место для диалога. То есть он не поддержал призыва «Солидарности» вывести людей на улицы. Но, говорят, призвал к освобождению интернированных, и дать возможность Валенсе свободно выражать свое мнение.

Так что, хоть Костел не поддерживает уличных авантюр, они все же ожидаются. Консульство отложило отправку наших детей в школу-интернат в Варшаву с 31 августа на 2 сентября.

30 августа 1982 г.

Гданьск.

Завтра будут события. К ним готовятся обе стороны. В городе полно патрулей с автоматами, в касках, по десять человек, армия, милиция. Завтра работаем только до 14 часов. Ехали с работы на своем автобусе, у вокзала видели, как милиция проверяет документы у трех волосатых и оборванных молодых людей [...] В прессе интересная публикация записи телефонного разговора жены Мочульского (председателя Конфедерации Польски Неподлеглай, которого сейчас судят) с редактором эмиграционной газеты в Канаде. Свидетельствует о грызне между КПН и КОР (возглавляет Куронь).

31 августа 1982 г.

Гданьск.

После работы сначала ехали на автобусе, попали в пробку. Центр оцеплен, полно милиции, танкеток, спец. милиции (в шлемах). По центру ехать нельзя. Пошли пешком, было спокойно, но в центр не впускали, мы шли из центра, поэтому нас не трогали. Работали мы до 3.30 вопреки вчерашнему распоряжению работать до 14.00. Видимо, уверены были, что ничего не будет. Однако в 16.00 уже началось. Слышны были внизу на ул. Картузской сначала, а потом все ближе к Суханино разрывы петард и выстрелы из танковых орудий. А потом внизу у подъезда уже чувствовался слезоточивый газ. И потом по шоссе проехали грузовики, танкетки и выбросили у автобусной остановки газовую гранату. Сосед-поляк снизу говорит, что ему все это не нравится, может начаться снова волна забастовок. По ТВ передают из Варшавы: на улицах группы молодежи бросают камни, переворачивают мусорные урны, блокируют трамвай. Милиция разгоняет их газовыми гранатами. Зрелище не убедительное: не видно, что милиция господствует над положением. По ТВ передают, что уличные беспорядки имеют место также во Вроцлаве, Катовицах, Гданьске.

Сейчас 22.05. С улицы со стороны Картузской время от времени доносятся разрывы то ли петард, то ли газовых гранат.

1 сентября 1982 г.

Гданьск.

Вчерашний бой – десятки раненых, убитых у нас в Гданьске нет, а в Люблине двоих застрелили, двенадцать ранено.

2 сентября 1982 г.

Гданьск.

Отправили сегодня детей в интернат в Варшаву. Вчера и сегодня в городе и стране спокойно, только все прохожие плачут от остатков слезоточивого газа. Рабочие заводов и верфей не присоединились к протестам, забастовки не начались.

13 сентября 1982 г.

Гданьск.

В течение последней недели был в Чехословакии в Братиславе на симпозиуме. За эти дни в Швейцарии было нападение террористов на посольство ПНР: четыре поляка – эмигранта арестованы швейцарской полицией.

В дороге до Братиславы в поезде прочитал проповедь примаса Польши Глемпа во время торжеств на Ясной Горе, посвященных 600-летию иконы Богородицы Ченстоховской, было это 26 августа [...] Напечатана его проповедь в католическом еженедельнике «Лад», который продается во всех киосках.

11 октября 1982 г.

Гданьск.

В газетах опубликовано, что суд над Мочульским закончен: председатель КПН (Конфедерации Польски Неподлеглей) получил 7 лет тюрьмы.

8–9 октября был Сейм, на котором принят закон о профсоюзах: будут созданы новые, независимые от администрации предприятия, самоуправляемые, с правом на забастовку. Но для создания новых распускаются старые. Это значит, прекращают существование «Солидарность», отраслевые и автономные профсоюзы. В сейме 10 депутатов голосовали против, в том числе светские католики, о чем говорил в своем выступлении их предводитель Януш Заблоцкий. Против голосовал также известный депутат (беспартийный) Эдмунд Османчик. Недовольство роспуском «Солидарности» выразил примас Польши Глемп, выступая вчера на богослужении в честь причисления к лику святых Кольби, польского священника, замученного в Освенциме. Глемп отложил даже свой визит в Рим на торжества канонизации, в ожидании решения Сейма. В Гданьске реакция такая: сегодня утром, понедельник, сточня не работает, бурлит. Рабочие сидят на заборах с лозунгом ««Солидарность» живет». После работы пошел к вокзалу посмотреть. У памятника трех крестов при входе на верфь тысячи людей. Туда же шло много групп молодых людей. У входа видел штук десять грузовиков с милицией, водометы, ехали в сторону верфи. По TV передали, что часть заводских рабочих не приступила к работе. От памятника народ разошелся после применения средств принуждения. Это значит вода, газы, палки. Начинается все снова. Но из квартиры разрывов гранат не слышно, почти.

12 октября 1982 г., вторник

Гданьск.

Было у нас отчетно-перевыборное профсоюзное собрание. Длилось оно до 15.45, именно в это время и началась в центре города акция по наведению порядка, а мы идем домой [...]. Пошли на рынок. Не успели дойти, слышим первые разрывы петард у памятника Яну Собескому. Повернули назад, хотели пройти по ул. Длугой через подземный переход к автобусу 184. Но в конце улицы толпы людей убегают именно от подземного перехода. Хотели пройти мимо дома Харцежа, а там группы ZOMO (спец. милиции) стоят наготове. Пошли назад по ул. Огарной, затем вправо к трамвайной линии, [...] рискнули перейти по другому подземному переходу. На выходе стоят ребята из ZOMO, наблюдают за порядком. Перешли главную улицу – и в это время колонна ZOMO с водометами, бронетранспортерами. Тут же полно молодежи, свистят, кричат. В их сторону, то есть в нашу, выстрелили пару газовых гранат. Мы быстрее в сторону ул. Картузской, через развалины. Тут же несколько хлопцев катят на дорогу бетонное кольцо, делают затор для движения. Наконец, вышли с боковой улицы на Картузскую около госпиталя им. Коперника и по маршруту автобусов 115 и 184 вверх на Суханино. Здесь подобрал нас автобус, доехали, медленно ехали. Слезоточивый газ в автобусе, как и положено ему, щипал глаза [...]

Дома по TV сначала местному, потом центральному показали вчерашний вечерний Гданьск: два магазина разбиты, разгромлены, сожжена милицейская

будка у китайского консульства, сожжены две частные машины. Сегодня будет не меньше [...] Завтра у нас будет партсобрание.

17 октября 1982 г.

Гданьск.

В среду, т.е. 13 октября, были в консульстве на отчетно-перевыборном партийном собрании. В этот вечер все было спокойно, но 11 октября разбили в консульстве 62 шибки, короче, побили стекла камнями. Консул (Вахрамеев) говорит, что случилось это в 9–10 часов вечера, а к 3 часам ночи почти все уже было восстановлено: он вызвал бригаду стекольщиков, так что утром ничего не было видно.

Сообщают, что в Новой Гуте под Краковым три дня были беспорядки, одна жертва со стороны агрессивной молодежи: погиб 20-летний, напавший на милиционера в гражданском. Там уже дошло до террора в подъездах [...]

Костел все более откровенно становится на пути конфронтации с правительством. Ватикан, радио на польском языке, передает послание Гданьского епископа об аресте священников в связи с событиями 31 августа. Передали фрагменты речи Глемпа: защищает «Солидарность», говорит, что дух «Солидарности» будет жив.

22 октября 1982 г., пятница

Гданьск.

В газете появился «лист гончий» на Богдана Лиса, началась охота на одного из главарей «Солидарности», бывшего члена объединенной рабочей партии, жил во Вжещи и Гданьске. Помню его хорошо, выступал по ТВ, проповедовал: партия пусть занимается идеологией, а хозяйством, экономикой пусть занимается правительство, партии до этого не должно быть дела. Молодой, 1952 г.р. Договорился!

28 октября 1982 г.

Гданьск.

Наконец-то появилось долгожданное сообщение об ответственности Ярошевича и К°, судить их будут!¹³ И Герека тоже! Этого ждали давно, ну ладно: лучше позже, чем никогда!

9 ноября 1982 г.

Гданьск.

[...] В субботу, т.е. 6 ноября, состоялась необычная встреча вице-преьера Раковского с авторами писем, адресованных правительству. Два вечера (7 и 8 ноября) эта встреча транслировалась по ТВ по 2 часа (а в реальном времени длилась 7 часов). Передача «сногшибательна». Автор письма читает или говорит то, что он написал в письме. Это прежде всего недовольство законом, распустившим «Солидарность», ругань в адрес средств массовой информации, критика правительства о полном подчинении Москве и т.д. Были такие, кто хвалил военный стан: «не дай Бог, чтобы его отменили». Ставили под сомнение руководящую роль партии. Кое-что из этой встречи опубликовано. Сегодняшние газеты принесли известие о встрече Глемпа с Ярузельским. Договорились о дате приглашения папы Римского: 18 июня 1983 года. Думаю, что за это Глемп должен сегодня высказаться против планируемых на завтра забастовок. Итак, Костел добился, вырвал то, что хотел: папа снова приедет в Польшу. Однако должен же он (Костел) за это чем-то платить?

В газетах, ТВ говорят о листовках, в которых подполье «Солидарности» призывает завтра к 8-часовой забастовке. Правительство твердо заявило: не допустит нарушения права. Итак, конфронтация, проба сил.

10 ноября 1982 г.

Гданьск.

Наступил день, которого кто ждал, а кто боялся. День запланированной всеобщей забастовки. По сценарию подполья первая смена должна бастовать, затем выйти на улицы на демонстрацию. Власти предупредили, что не потерпят нару-

шения права. Появилось много плакатов, листовок правительственных, призывающих к рассудку, к работе. На одной из них рука с камнем, разбитое стекло витрины и крупно: Хватит! Но у нас на работе (все начальство уехало на Совет в Ригу) появилось указание работать до 14 часов, чтобы не попасть в переplet на улицах после работы. Это решение связано с тем, что к 12 часам стало известно, что вокруг вокзала, площади 3-х Крестов, на перекрестках у памятника Яну Собескому стоят отряды ZOMO в шлемах, с палками, а рядом танкетки, водометы, «черные вороны». Ожидались столкновения в момент пересмены на верфи, т.е. в 14 часов. Мы ушли с работы в 13.30. Я походил по ул. Длугой, около касс «Лет» до 14.15. Смотрел в сторону вокзала, все было спокойно, но много ZOMO-вцев. Потом поехал домой. По TV передают, что везде в Гданьске была нормальная работа, до забастовки не дошло. У властей появилась сила.

В газетах комментарии по поводу соглашения примаса Глемпа с Ярузельским. Кое-кто называет Глемпа чуть ли не коллаборационистом. В местной печати обращение Комитета Обороны, чтобы прохожие не превращались в зевак и не оказались пострадавшими, если начнутся столкновения на улицах. Но уже 19.30, а на улицах пока не слышно разрывов петард, спокойно. Хотя еще завтра есть день и причина для демонстраций: 64-я годовщина образования II Речи Посполитой в 1918 году.

В «Дзеннике TV» передают, что везде был нормальный день работы. Однако на улицах Варшавы дошло до столкновений: показали группы молодежи, швыряющие камни. Задержано 280 человек.

11 ноября 1982 г.

Гданьск.

Сообщили о смерти Л.И. Брежнева. Польское радио об этом сообщило в 10.00 по Варшаве. Таня мне позвонила в 9.15, она по «Маяку» услышала. Но еще целых 45 минут было неизвестно, польское радио играло довольно веселую музыку. Затем услышали по-немецки из ГДР. В 12.00 организовали траурный митинг, принимал соболезнования от немецкой и польской делегаций я. Пришлось держать речь. Укрепили траурный портрет.

12 ноября 1982 г.

Гданьск.

Вчера вечером после сообщения о смерти Брежнева и других новостей по TV сказали о письме Валенсы к Ярузельскому, написанном им 8 ноября, о желании встречи с премьером. Подписался: капрал Валенса. В связи с письмом с Валенсой беседовал министр внутренних дел Ч. Кишак. Ввиду того, что Валенса уже не считается опасным с общественной точки зрения, принято решение отменить интернирование Валенсы.

Ну и ну! Пощечина для «грача» (игрока), как он себя называл. Обошлись без него. До 10 ноября даже не сообщили о письме. Не понадобилось его вмешательство, чтобы предупредить забастовки. Хватило у правительства собственных сил. Вчера, сегодня в Гданьске стоят подразделения ZOMO с водометами и т.д. Пока никто не рискует нарушать порядок. Проиграл Валенса!

17 ноября 1982 г.

Гданьск.

13 ноября ездил в Варшаву, записались в посольстве в книгу соболезнований [...] В поезде до Гданьска на станции Варшава-Всходня в приоткрытое окно к нам в купе вбросили несколько листовок: Валенса и Чехович (капрал и капитан в военной форме) пожимают друг другу руку. Мы сначала не поняли смысла. Но я догадался, что речь идет о том, что Валенсу считают коллаборантом с властями и, в частности, с органами безопасности. Эта догадка была подтверждена в Гданьске. Чехович – это агент Службы безопасности (СБ) Польши, прошедший несколько лет в радио «Свободная Европа», а затем разоблачавший методы этого радио.

Так и Валенса, надо понимать, провел некоторое время во главе «Солидарности», развалил ее, а теперь на свободе. Некоторые поляки многозначительно спрашивают: чья это листовка? Намек на то, что листовка может быть делом СБ.

12 декабря 1982 г., воскресенье

Гданьск.

Итак, ровно год назад, в ночь с 12 на 13 декабря было введено военное положение. В этот вечер мы с Таней были в Гдыньском музыкальном театре на спектакле «Календа-ноцка» (о событиях 1970 года, когда были расстреляны несколько рабочих¹⁴), впервые в жизни получили там причастие: по рядам ходили священники, давали специальный пресный хлеб. А утром узнали, что на улицах танки, интернированы главари «Солидарности», Герек и К^о [...] Было это год назад. Валил снег, начались морозы. Сегодня тепло, идет дождь. Объявили по TV, что в 19.30 выступит Ярузельский. В общем, сейчас все спокойно, подполье сникло, перестраивается.

Вот начал говорить: «Гражданки и граждане Речи Посполитой!» И т.д. Завтра будет в печати. Я, к сожалению, завтра уже буду в Берлине, еду в командировку [...] Ярузельский говорит хорошо. «Поражение понесли многие группировки, а победил народ польский!» [...] Уже четвертый месяц подряд продукция несколько выше, чем в эти же месяцы прошлого года [...] Говорит, что ограничения военного положения будут упразднены в конце года. Пусть никто не питает иллюзий, что в Польше можно будет ввести снова анархию! Хорошо говорит.

16 января 1983 г., воскресенье

Гданьск.

[...] Военное положение «завешено», т.е. приостановлено. Недавно было сообщено, что в Риме присуждены звания кардиналов нескольким служителям Костела, в том числе и примасу Польши Глемпу. Теперь в Польше три кардинала: Махарский в Кракове, Глемп и в Ватикане при Папе, не помню фамилии. Значит, Папа римский одобрил деятельность Глемпа и Костела в целом за последний период. А ведь в адрес Глемпа неслись обвинения со стороны руководства «Солидарности», что он идет на поводу у правительства: не поддержал призывов к всеобщей забастовке 10 ноября, не призывал к выходу людей на улицу. Утверждали даже, что Глемп помог задушить «Солидарность». И вот повышение. Значит, и Папа римский поддерживает политику Костела не вступать в резкие противоречия с властями. В свое время папа поучал поляков: не забывайте, что живем мы не в изолированном пространстве, а окружены соседями, не теряйте чувства реальности.

Два дня назад около сточни снова появились патрули, милиция. Это Валенса пришел устраиваться на свою прежнюю работу. Интересно, позволят ли ему снова там работать электриком?

18 марта 1983 г.

Гданьск.

13 марта, в воскресенье, и 14 марта в Гданьске повторились (давно уже не было!) уличные «замешки». Начались у Трех крестов, там же и закончились. В понедельник по местному TV в «Панораме» передали, что для «роспрошения» (разгона) нелегальной демонстрации применили воду, газы и палки. А на следующий день было опровержение. Не было ни воды, ни газов, ни палок! Кто-то сделал для TV каку! Объявили, что в этом деле начато следствие. Действительно, не было ни воды, ни газов, ни палок. Было много милиции, люди разошлись, а наиболее рьяных задержали. В понедельник я, возвращаясь с работы, оказался у вокзала. А тут полно милиции, ZOMO, машины. К Трем крестам не пускают. Проверяют документы. Меня никто не тронул, дождавись своего автобуса, уехал домой. До серьезных инцидентов дело не дошло. Видимо, это очередная «годовщина», 13-е число, день введения военного положения 13 декабря 1981 года.

Контра кучкуется в костеле святой Бригиды, в момент выхода людей после молебна разворачивают лозунги «Солидарности» и пошло. Одни поддерживают, другие нет. Других больше, людям надоело [...]

Подорожали кофе, бензин, сигареты.

30 апреля 1983 г., суббота

Гданьск.

Завтра праздник, 1-е Мая! К нему готовятся с двух сторон баррикады. Город украшен красными и красно-белыми флагами. В отличие от прошлого года появились кое-где робкие лозунги: «Будущее Польши – социализм!» В прошлом году их вообще не было. Новым является появление большого портрета Ленина на фронтоне здания горкома партии. Вчера я возвращался из бассейна на трамвае. Двое мужчин лет по 30, по-видимому, художники, говорили со смехом о ком-то из своих друзей, которому поручили нарисовать большущие портреты Маркса и Энгельса. Когда подъехали к портрету Ленина, ехидно заулыбались, бросая реплики, что на 1 Мая портрет закидают камнями. Готовится к празднику и подполье. Призывают к бойкоту официальной демонстрации и к участию в контрдемонстрации после молебна, когда из десятков костелов после воскресной мессы выйдут десятки тысяч людей.

Вчера мы ездили на возложение венков на кладбище советских воинов. Приехали туда Бейгер, 1 секретарь Гданьского воеводства и генерал Цыган, воевода. Оказались рядом [...] Крочка, польский специалист «Петробалтика», сказал, что 45% польского коллектива вступили в новый профсоюз, причем абсолютно без нажима. Цыган сказал, что хорошо, что без нажима и, засмеявшись, сказал так: «Меня уже ругают за этот пример, но я все же его повторю, что профсоюзы должны быть совершенно добровольными и действовать активно, так, как действуют общество рыбаков. Ведь никто их не заставляет, а они проводят свою работу [...]» Мы вежливо заулыбались, у меня на языке вертелось сказать, что сравнение профсоюзов с обществом рыбаков чуточку не похоже на определение Ленина о том, что профсоюзы это школа коммунизма [...] Затем возложили цветы и разошлись. Из консульства никого не было [...]

На работе пришлось поднять вопрос об объявлении на демонстрацию. Люди спрашивают, где собираться, спрашивают меня, как председателя клуба «Дружба». А мы должны были вывесить объявление только о торжественном собрании, которое было 27 апреля, а о демонстрации должны были подумать из партбюро польской делегации, но они забыли. Пришлось мне написать черновик, который без изменения пошел с концовкой о Дне солидарности в борьбе за мир и социализм. У них говорят о 1 мае как о празднике труда, без акцента на борьбу хотя бы за социализм, не говоря уже о борьбе против империализма, как звучит в наших призывах ЦК КПСС [...]

3 мая 1983 г., вторник

Гданьск.

Первого мая демонстрация прошла нормально: было много людей и милиции с палками. Однако была попытка и контрдемонстрации. Мы этого уже не видели. По выходу из костела св. Бригиды молодчики начали срывать флаги, но их очень быстро пообливали водой и многих задержали. Вина, конечно, лежит на ксендзе этого костела, Янковском [...] Я был в этом костеле. Есть там амвон с реликвиями «Солидарности», с призывами к борьбе с властью [...]

19 июня 1983 г., воскресенье

Гданьск.

Сегодня четвертый день пребывания Папы римского, Иоанна Павла II, поляка Кароля Войтылы, в Польше. Была встреча в аэропорту, на следующий день – в Бельведере. Для нас со стороны консульства объявлены дни повышенной бдительности: ходить по 2–3 человека, ежедневно утром и вечером звонить в кон-

сульство и докладывать о ситуации. Почему? А потому, что с визитом Папы усилились националистические чувства поляков, зашевелились те, кто в подполье. В среднем в каждом втором окне в домах выставлены портреты Папы, иконы Ченстоховской богородицы. Опасаются покушения на Папу. И если вдруг оно произойдет, будет взрыв. И в покушении обвинят красных, это уж точно. А тогда недалеко и до лозунга: бей красных! Пока три дня прошло вроде внешне спокойно. TV по ранее опубликованной программе освещает визит. Полностью передана речь Папы на аэродроме и в Бельведере. А вчера он прибыл в Ченстохову, где встречался с молодежью. Западные голоса твердят, что на встрече было не менее 1.5 млн человек. Поверить можно: по TV показали только фрагмент, в котором видна Ясна Гура¹⁵ с громадным крестом и море людей. Столько я видел только на площади Революции в Гаване, когда выступал Фидель Кастро. Когда Папа произносил проповедь-речь, употребил слово «солидарность» в контексте межлюдская солидарность. Толпа стала скандировать. В общем, всему миру демонстрируется, что поляки в массе своей против социализма и власти в этом бессильны. Кто выиграет от этого визита? Власти надеются, что визит Папы будет способствовать достижению народного согласия. Дай бог, только на какой основе? Чего можно ожидать от Костела? Чтобы он стал на сторону коммунистов? Не было этого и не будет! Если призовет Папа к спокойствию, то на антикоммунистической основе. В процессе встречи с Ярузельским в Бельведере папа пожелал встретиться с Л. Валенсой и его семьей, об этом сообщено во вчерашних газетах. Вот вам и религиозный характер визита, как сообщило наше радио. Это политический визит, религией только пахнет от горящего на молебнах ладана, а весь смысл визита – сплотить поляков против социализма, хотя, может быть, без призывов к выступлению бунтарского характера. И вообще весь Костел в Польше – это отдушина, к которой можно примкнуться любому, кто хочет выразить свое «против» существующему в Польше строю. Сегодня в 9.50 по TV начнется трансляция торжеств на Ясной Гуре около Ченстоховы, где находится икона божьей матери Ченстоховской, чудотворная икона, считающаяся хранительницей Польши. Сейчас ровно 9.50, по TV идут позывные Интервидения, значит будет трансляция на все соцстраны. 600-летие этой иконы отмечается сегодня, хотя должно было год назад, но Папа тогда не прибыл. Вот показывают костел, крест с якорем, икону богородицы с ребенком. Однако диктор начинает с того, что говорит, что город Ченстохова был освобожден советскими танками и благодаря решительной деятельности советского командования: монастырь и библиотека были спасены от уничтожения, которое намеревались совершить фашисты. Это уже со стороны TV хорошо! Идет репортаж об этом монастыре, показывают исторические ценности: кресты, сабли Яна Собеского (скоро 300 лет со дня победы под Веной над турками). Здесь в прошлом году был открыт музей, посвященный 600-летию иконы Черной мадонны, которая была привезена с Руси, говорит диктор. Я об этом ничего не знаю. С какой Руси? Когда? Ведь в это время, т.е. в 1382 году Русь боролась с татарами.

Выходит Папа в парадном убранстве в окружении бискупов, поет хор, но всю площадь не показывают, на ней, должно быть, миллион людей. Вот показали: море, безбрежное море людей. Начинает говорить примас Глемп, обращаясь к папе: «Сбылась мечта Вышинского – при Ясной Гуре находится наместник Христа на земле, Петр нашего времени, чтобы с верным народом отпраздновать 600-летие спасительницы и покровительницы народа польского [...]» Затем подходит к Папе, получает благословение. Слышны крики: «Солидарность!» Начинает говорить речь – проповедь папа начинает с молитвы, кажется, «отче наш», поет хор.

Речь Папы я записал на магнитофонную пленку, пожертвовал пленку с Геретом. Два раза его речь была прервана аплодисментами. В первый же перерыв он

сказал, чтобы не прерывали его для добра религиозного. Однако его еще раз прервали перед самым концом, и этот момент я не зафиксировал, т.к. пленку остановил, боялся наехать на начало его речи. В целом речь неплохая, можно было ожидать и более резкую. Начинаются высказывания, по одной минуте. Иносказательность! Подтекст, слова «солидарно» и т.д. И снова хор, все это гипокресия (двуличие), направлена на сплочение народа, но под лозунгом махрового национализма, хотя и украшена словами милость, любовь.

[...] Передача прямая шла по TV с 9.50 до 12.30.

21 июня 1983 г., вторник

Гданьск.

Папа римский был сегодня во Вроцлаве, бывшем Бреслау, о чем кричат именно сейчас западные немцы. Для ПНР визит Папы во Вроцлав несомненно выгоден: лишний раз подтверждается право поляков на этот город. Сегодня же в газете «Трибуна люду» есть статья Ежи Белецкого о том, кто нарушил идею поразумения (согласия). Это ответ Папе римскому, думаю, на его фразу в приветствии по приезде о том, что договоры, подписанные в августе 1980 года, надо выполнять. Прозвучало это не очень хорошо, вроде как поучение для правительства ПНР. В ответ – эта статья, без указания; естественно, что это ответ папе.

На Ясной Гуре в Ченстохове папа уже не употреблял слово «Солидарность», а в интервью представителя правительства Ежи Урбана говорится, что Костел должен соблюдать договор и не вносить в религиозные мероприятия политический акцент.

21 августа 1983 г., воскресенье

Гданьск.

После отпуска прибыли в Польшу 17 августа. За это время здесь, в Гданьске и ПНР вообще, главным событием является отмена военного положения 22 июля.

На этом записи в моем дневнике заканчиваются.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В конце 1983 г. Л. Валенса был удостоен Нобелевской премии мира.

В 1988 г. в Польше прошла новая волна забастовок, побудившая правительство вступить в переговоры с воскресшей «Солидарностью». Состоявшиеся в июне 1989 г. выборы принесли победу кандидатам «Солидарности».

В октябре 1990 г. президент В. Ярузельский был вынужден уйти в отставку: социализм в Польше де-факто и де-юре перестал существовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После установления в Польше военного положения 13 декабря 1981 г. Эдвард Герек (1913–2001), первый секретарь ЦК ПОРП в 1970–1980 гг., некоторое время находился под домашним арестом.

² Около Варшавы.

³ Речь идет о расстреле в Гданьске демонстрации рабочих, выступивших за улучшение своего социального положения.

⁴ Яцек Куронь (1934–2004) – крупный деятель польской антикоммунистической оппозиции 1960–1980-х годов.

⁵ Адам Михник (род. 1946) – польский публицист и политик. Редактор «Gazety Wyborczej». Активный участник диссидентских антикоммунистических движений.

⁶ Владислав Гомулка (1905–1982) был лидером ППР в 1943–1948 гг., в 1948 г. с санкции Сталина обвинен в «правонационалистическом уклонизме», лишен должностей, в 1951–1954 гг. находился под арестом. В 1956 г. вернулся в большую политику, в условиях октябрьского кризиса избран первым секретарем ЦК ПОРП, занимал этот пост 14 лет. В декабре 1970 г. смещен вследствие рабочих волнений в Гданьске.

⁷ Стефан Вышинский (1901–1981) – глава Католической церкви (примас) Польши в 1948–1981 гг. Кардинал. В 1953–1956 гг. находился под домашним арестом.

⁸ Эдвард Герек был освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК ПОРП 6 сентября 1980 г. Летом 1981 г. исключен из партии.

⁹ Ян Собеский – польский король в 1674–1696 гг. Полководец. В 1683 г. разгромил турецкую армию, осаждавшую Вену. В 1686 г. заключил «Вечный мир» с Россией.

¹⁰ В. Гомулка скончался 1 сентября 1982 г.

¹¹ Л. Мочульский был приговорен к семи годам тюремного заключения.

¹² К. Барчиковский был членом Политбюро, секретарем ЦК ПОРП, до этого, в период начала забастовок, в августе 1980 г., заместителем председателя Совета министров ПНР.

¹³ Петр Ярошевич (1909–1992), председатель Совета министров Польши в 1970–1980 гг., был исключен в 1981 г. из партии, подвергался судебным преследованиям за злоупотребления служебным положением.

¹⁴ Во время гданьских волнений в декабре 1970 г. погибли более 40 человек, были ранены более 1100.

¹⁵ Монастырь в Ченстохове.

Т.М. ИСЛАМОВ, Т.А. ПОКИВАЙЛОВА. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008. 240 с.

Последний масштабный труд крупнейшего российского специалиста по истории Австрии, Венгрии и международных отношений в Дунайско-Карпатском регионе Топфика Муслимовича Исламова (1927–2004) доработан и подготовлен к печати после его кончины соавтором Т.А. Покивайловой. Обилие привлеченных документов из архивов нескольких стран, впервые введенных в научный оборот и осмысленных на высоком аналитическом уровне, делают эту работу серьезным событием российской историографии Средней Европы в новейшее время. При этом следует заметить: устойчивые и принципиальные расхождения в трактовке ключевых проблем истории Трансильвании в румынской и венгерской историографиях (а надо сказать, что не только румыны, но и венгры с полным на то основанием считают эту большую историческую область современной Румынии важным средоточием своих фундаментальных государственных и культурных традиций) лишь повышают значение квалифицированного и по возможности беспристрастного взгляда извне; работы Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой по данному кругу проблем неоднократно публиковались как в Венгрии, так и в Румынии, вызывая большой отклик коллег-историков, к одной из дискуссий подключился даже тяжеловес современной румынской политики Петре Роман.

В центре внимания монографии – один из порожденных несовершенной Версальской системой международных отношений очагов перманентной конфликтности, чреватых все новыми и новыми угрозами для установившегося в межвоенной Евро-

пе хрупкого равновесия сил, в полной мере проявившими себя с началом Второй мировой войны. Известно, что декларированный в предместьях Парижа на Версальской мирной конференции по итогам Первой мировой войны принцип «одна нация – одно государство» не был на практике реализован при перекройке границ – слишком велико было в ряде случаев несоответствие между довольно произвольно установленными государственными и исторически сложившимися этническими границами. В некоторых странах большую долю населения составляли меньшинства с развитым национальным сознанием, для которых образованные или преобразованные национальные государства (включая межвоенную Великую Румынию) никак не могли стать «своими». В полной мере это касалось населенной не только румынами, но также венграми и немцами Трансильвании, ставшей, по словам выдающегося историка Е.В. Тарле, «яблоком раздора на очень опасном европейском перепутье» (мнение Тарле запрашивалось Наркоминделом СССР во время войны при выработке официальной советской позиции в трансильванском вопросе). Не разрешив национально-территориальных противоречий, имевшихся, в частности, в монархии Габсбургов, а лишь перенес их в другую плоскость, сделав межэтнические конфликты межгосударственными, Версальская система после распада Дунайской империи заложила мину замедленного действия под здание мирного урегулирования в Средней Европе. При этом авторы признают: в условиях, когда были решительно отвергнуты как наднациональные имперско-

династические государственные конструкции (вроде монархии Габсбургов), так и интегративные идеи типа Дунайской конфедерации О. Яси, и восторжествовал принцип национальной государственности, установить в Трансильвании более или менее справедливые границы по этническому принципу было практически невозможно, так как и румыны, и венгры фактически были расселены по всей территории этого края. Главная же область компактного проживания венгров (земля секеев) находилась на востоке Трансильвании, вдали от новых румынско-венгерских границ.

Невозможно согласиться с тем, что венгры были «наказаны» в Версале за «грех большевизма» – Венгерскую Советскую республику 1919 г. Дело было в другом – в заинтересованности Франции, диктовавшей свои правила игры в континентальной (особенно Средней) Европе, в ослаблении венгерского государства, потенциального союзника всегда опасной для нее Германии и претендента на ведущую роль в Дунайско-Карпатском регионе, способного воспротивиться французской гегемонии.

С установлением Версальской системы восстановление исторической справедливости для одних обернулось несправедливостью для других. Румынская элита, осознав свое господствующее положение в крае, получила возможность отплатить поверженному противнику за все прежние обиды – дискриминируемым по целому ряду позиций оказывается в новых условиях теперь уже венгерское меньшинство. Хортистская Венгрия не примирилась с новым status quo, созданным Трианоном. В основе официальной идеологии режима с самого начала лежало стремление к пересмотру границ, более того, лозунг ревизии Трианонского договора был способен сплотить на единой платформе самый широкий спектр политических сил – от крайне правых до умеренно левых. В свою очередь и венгерское население Трансильвании не очень-то адаптировалось к условиям Румынии, не учило язык, отгораживалось от румынской культуры, терпеливо (а чаще не очень терпеливо) ожидая новой перекройки границ. Таким образом, вместе с новыми территориальными приобретениями Румыния обрела новые, прежде немыслимые для нее проблемы.

Приход к власти в Германии национал-социалистов и приближение новой войны перевели ревизионистские цели из области идеологии и пропаганды в сферу практиче-

ской политики. В условиях резкого обострения общеевропейской ситуации, когда малые европейские страны становились не только легкой добычей, но и орудиями в большой игре своих более крупных соседей, произошло новое возгорание латентного очага напряженности. Как только Версальская система была взорвана, под вопросом оказался и Трианонский договор, были созданы условия для его пересмотра. Именно успех Гитлера в Мюнхене осенью 1938 г. позволил регенту Венгрии Хорти и его окружению приступить к осуществлению своих ирредентистских планов. Непримируемость позиций обеих сторон в территориальном споре исключала полнобюджетную сделку, требовала вмешательства третьих стран. Запутанный узел венгеро-румынских противоречий явился фактором, оказывавшим все более существенное воздействие на международную обстановку в Карпатско-Дунайском регионе и на Балканах в условиях развязывания Второй мировой войны и вовлечения в нее новых и новых участников.

Известно, что национально-территориальные споры здесь периодически использовались большими державами для достижения своих геополитических целей, установления контроля над теми или иными странами. Трансильванский венгеро-румынский спор явил собой в этом смысле наиболее наглядный пример. Уже в годы Первой мировой войны трансильванская карта активно разыгрывалась странами Антанты против Австро-Венгрии. К началу Второй мировой войны значение трансильванского вопроса в европейской политике возросло, что подтверждают как рецензируемая монография, так и некоторые документы, вводимые в научный оборот уже после ее публикации. Второй венский арбитраж с участием Германии и Италии отдал 30 августа 1940 г. под юрисдикцию Венгрии Северную Трансильванию. При этом, как явствует из только что обнародованного следственного дела румынского диктатора маршала И. Антонеску, в ноябре 1940 г. фюрер в беседе с ним заявил, а в мае 1941 г. подтвердил, что «Венским арбитражем еще не сказано последнее слово и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения, принятого в свое время в Вене, о Трансильвании». В данном случае Гитлер явно блефовал. Ведь Венгрия, как и Румыния, была союзницей нацистской Германии, участие ее войск в восточной кампании третьего рейха

не могло не быть оплачено приобретением новых территорий, не в последнюю очередь за счет соседней Румынии (румынские лидеры это хорошо понимали; показательно, что беседуя с Гитлером и Риббентропом, они с нескрываемым беспокойством интересовались планами подключения Венгрии к решению военных задач вермахта). Получение Северной Трансильвании не утолило геополитических аппетитов верхушки хортистского режима, претендовавшей на большее – по возможности на восстановление Венгрии в границах земель «короны святого Стефана», включавших в себя всю Трансильванию, Словакию, Хорватию, Воеводину, Закарпатскую Украину и т.д. Сильно разочаровав Вторым венским арбитражем Румынию и не удовлетворив Венгрию, нацистская Германия вместе с тем не только сохранила рычаги воздействия на обе враждующие между собой страны, но получила дополнительные возможности играть в своих интересах на венгеро-румынских противоречиях. Венгрия ждала от третьего рейха содействия в осуществлении своих дальнейших ирредентистских планов, тогда как Румыния, если не возвращения Северной Трансильвании (в ноябре 1941 г. министр иностранных дел Румынии М. Антонеску в беседах с высокопоставленными нацистами «попытался напомнить им о притязаниях Румынии на Северную Трансильванию, однако ничего определенного в ответ не услышал»), то больших территориальных компенсаций на востоке, за счет СССР. Реваншистские настроения требовали выхода, и задача верхушки нацистской Германии заключалась в том, чтобы придать им строго определенный вектор, соответствующий военным целям третьего рейха. Известно, что главным аргументом в пользу участия Румынии в войне против СССР была ссылка на утрату ею территорий, воссоединенных летом 1940 г. с СССР – Бессарабии, принадлежавшей России в 1812–1918 гг., а также Северной Буковины, где преобладало украинское население. Гитлер подчеркнул в мае 1941 г. в беседе с И. Антонеску, что Румыния не может уклониться от войны с СССР, «так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии». При этом Румынии было обещано право «окупировать и администрировать и другие советские территории вплоть до Днепра». Право в значительной мере реализованное в 1941–1943 гг.

Таким образом, сколь ни была велика в Румынии обида на Германию за Венский арбитраж, в Европе в это время не было другой силы, на которую могла возлагаться надежда на пересмотр установлений этого арбитража. Зависимость как Румынии, так и Венгрии от третьего рейха после арбитража возросла, каждая из противоборствующих сторон была плотнее пристегнута к осуществлению внешнеполитических и военных планов Германии, что способствовало в конечном итоге втягиванию обеих стран-антагонистов в войну против СССР. Свидетельства Антонеску о его майской 1941 г. встрече с Гитлером подтверждают, что решение о вступлении Румынии в войну на восточном фронте принималось прежде всего с оглядкой на Венгрию, которая в случае отказа Румынии могла бы оказаться в значительном выигрыше перед своей вечной конкуренткой, наверняка овладела бы при поддержке Германии новыми румынскими территориями – возможности Берлина шантажировать своих сателлитов были в 1941 г. поистине безграничными. Между тем, сделанный внешнеполитический выбор в пользу Германии обрек оба режима на поражение в войне.

В работе Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой дается анализ советских и западных планов послевоенного урегулирования трансильванского вопроса и конкретных дипломатических шагов, направленных на их воплощение. На заседаниях соответствующих комиссий Наркоминдела рассматривались разные проекты, в том числе независимой Трансильвании, внешнеполитически ориентированной на СССР. Проект, на наш взгляд, совершенно утопический: отсутствие единой трансильванской нации, единой элиты, настроения большинства трансильванских венгров и подавляющего большинства трансильванских румын в пользу скорейшего и окончательного присоединения этого края к «матери-родине» делали идею самостоятельной Трансильвании заведомо мертворожденной. В конце концов предпочтение было отдано передаче Трансильвании Румынии взамен гарантии тесного сотрудничества с СССР и полного отказа Бухареста от претензий на Бессарабию и Северную Буковину. Можно согласиться одновременно и с версией, согласно которой Сталин долгое время маневрировал, используя трансильванский вопрос в качестве инструмента давления попеременно то на Румынию, то на Венгрию с целью склонить эти страны

порвать с Германией. Известно, что уже 23 июня 1941 г. Молотов, вызвав венгерского посланника, обещал советскую поддержку венгерских претензий на Трансильванию в случае неучастия Венгрии в войне против СССР. Тремя годами позже, в сентябре 1944 г., при подписании соглашения о перемирии с Румынией в его текст была внесена компромиссная формула: речь там шла о передаче Трансильвании либо большей ее части (!) Румынии. Указание на «большую часть» открывало простор для некоторой корректировки границ в пользу Венгрии в соответствии с этническим принципом. Как показано в монографии, западные союзники в ходе работы Совета министров иностранных дел держав-победительниц испытывали определенные колебания. При этом ими принимались во внимание временные различия векторов внутривойтинического развития двух соседних стран. Если в Венгрии в ноябре 1945 г. на свободных выборах 57% получила партия мелких хозяев, то в Румынии уже в марте 1945 г. коммунисты однозначно задавали тон во всех властных структурах. Трезво учитывая ситуацию, сложившуюся в результате побед Красной армии на Восточном фронте, лидеры западных держав признали обе эти страны сферой особых интересов СССР. Вместе с тем от своей доли ответственности в деле решения судеб Венгрии и Румынии они без боя отказываться не собирались, продолжая борьбу за частичное влияние в регионе. Советское военное присутствие, однако, делало любые попытки противодействия магистральной линии развития бесперспективными. Уже в 1946 г. венгерским политикам пришлось разочароваться в возможности некоторого улучшения своего статуса в послевоенной ялтинско-потсдамской Европе, а лидерам западных держав – в возможности сохранения Венгрии в качестве плацдарма своего влияния в Дунайском бассейне. Советский Союз сумел в ходе дипломатической борьбы на Парижской мирной конференции фактически навязать союзникам по антигитлеровской коалиции свое видение трансильванского вопроса и (вопреки не слишком затянувшимся англо-американским колебаниям) сыграл решающую роль в безоговорочной передаче всей Трансильвании Румынии в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. В основе советской позиции лежал политический прагматизм: стратегическое значение Румынии, «открывающей путь» на Балканы и к черноморским проливам, было для

Кремля особенно велико, и в этом смысле наблюдалась преемственность между имперской стратегией царской России и СССР. Именно Румынии предстояло играть приоритетную роль в концепции формирования «советской зоны безопасности».

Авторы затрагивают болезненный вопрос, связанный с устранением по решению советского военного командования в ноябре 1944 г. только что установленной в Северной Трансильвании румынской администрации, введением в крае советской военной администрации. Современной румынской историографией эти действия трактуются исключительно как один из этапов в процессе реализации далеко идущих планов Кремля. Т.М. Исламов и Т.А. Покивайлова также полагают, что переход всей системы управления в крае в ведение советских армейских структур, мотивированный неспособностью румынских властей предотвратить острые межэтнические (венгерско-румынские) столкновения и обеспечить спокойствие в тылу Красной армии, позволил СССР использовать вопрос о принадлежности Трансильвании в качестве инструмента для оказания влияния на политическую борьбу в Румынии. Как отмечается в одном из приведенных документов Наркомаиндела, там хорошо осознавали: «вопрос о передаче Румынии Северной Трансильвании должен являться важнейшим рычагом воздействия на румынское правительство не только в области выполнения экономических обязательств по Соглашению о перемирии, но и в области проведения им внутренней и внешней политики». В Кремле и на Кузнецком мосту, в здании НКВД, прекрасно понимали стратегическое значение спорной территории, вопрос о возвращении Северной Трансильвании под румынскую юрисдикцию служил эффективнейшим средством манипулирования политической жизнью Румынии в один из самых ключевых и ответственных моментов ее новейшей истории. В марте 1945 г. трансильванская карта была успешно разыграна кремлевским руководством в целях приведения к власти в Румынии левого, подконтрольного СССР правительства Петру Гроза, решающую роль в этом сыграл зам. наркома А.Я. Вышинский, открыто шантажировавший молодого короля Михая. Можно согласиться с тем, что восстановление румынской власти в Северной Трансильвании было на протяжении ряда месяцев центральной проблемой всей внутривойтинической жизни страны, оно напря-

мую зависело от того, кому, каким политическим силам удастся добиться успеха и, следовательно, каким будет режим в послевоенной Румынии. Узавзав возвращение Северной Трансильвании под румынскую юрисдикцию с усилением позиций коммунистов во власти, руководство СССР уже в начале 1945 г. заложило вектор дальнейшей внутриполитической эволюции страны.

При всем при этом советская политика, как показывают авторы, не сводилась всецело к стремлению использовать ситуацию в своих геостратегических целях. Она сумела положить конец бесчинствам одержимых жаждой мщения румынских экстремистских отрядов в крае против фактически беззащитного венгерского меньшинства, а может быть даже предотвратила гражданскую войну. Это играло на руку и укреплению румынской государственности, поскольку способствовало интеграции венгров. Можно согласиться с тем, что «если бы чиновники из центральной Румынии, хлынувшие в освобожденный край, соблюдали минимум законности и порядка, не было бы нужды советскому руководству создавать себе новые политические проблемы в общении с руководством Румынии и взваливать на свои плечи дополнительные хлопоты по управлению уездами, деревнями и волостями Северной Трансильвании» (с. 27). Помимо ликвидации румынской администрации у советского правительства имелись в арсенале и другие средства и возможности для влияния на Румынию, относившуюся к числу побежденных стран и ждавшую своей участи на мирной конференции. Другое дело, что оно умело воспользовалось ситуацией, созданной в значительной мере самими же румынами, для того, чтобы оказать на них давление в своих политических интересах.

Установление в Венгрии и Румынии к концу 1940-х годов коммунистических режимов и принадлежность обеих стран к одному военно-политическому лагерю, формировавшемуся под эгидой СССР, ускорили видимую нормализацию отягощенных грузом трансильванской проблемы двусторонних отношений, тем более, что в Москве, имея представление о тлеющих углях застарелого спора, явно не хотели раздувания новых конфликтов в стане своих союзников и многое делали для их смятения.

Авторы не могли обойти стороной и сегодняшнего состояния трансильванского вопроса. Преждевременно, на наш взгляд,

говорить о том, что «чувство реальности, учет позиции международной общественности не позволяет Венгрии ставить вопрос о пересмотре Парижских мирных договоров ни прямо, ни косвенно. Синдром Трианона в этом смысле преодолен и в политике, и в общественном мнении, и в науке исторической. Возврата к катастрофической политике ревизии и реванша времен хортизма нет» (с. 33). На самом деле, произошедший в политической жизни Венгрии в последнее время резкий сдвиг вправо способствует сохранению остроты трансильванского вопроса. Около 50 мест в венгерском парламенте получила на выборах весной 2010 г. крайне правая партия, прибегающая к откровенно ирредентистским лозунгам. Автор этих строк, часто бывающий в Будапеште, стал в июле 2010 г. непосредственным свидетелем крупномасштабной акции крайне правых: военизированная молодежь в майках с изображением карты дотрианонской Венгрии маршировала по центральной магистрали – проспекту Андраши, на хорошо организованном митинге выкрикивались соответствующие лозунги. В свою очередь, политическая элита Румынии рассматривает проблему почти двухмиллионного венгерского меньшинства как свое внутреннее дело, крайне болезненно реагируя на любые (даже доброжелательные) комментарии официального Будапешта и тех или иных политических кругов Венгрии по поводу положения венгров в Румынии. Трансильванский вопрос, таким образом, отнюдь не утратил своей актуальности, его дальнейшее состояние напрямую зависит от расклада сил на политической арене каждой из стран. Активизация политических сил, выступающих за соединение Румынии и Молдовы в одном государстве, вызывает в качестве ответной реакции дальнейшее развитие бессарабского анти-румынского «молдовенизма», находящего себе самого естественного союзника в движении трансильванских венгров, достаточно лояльном в настоящее время румынской государственности, но явно не заинтересованном ни в повышении градуса румынского национализма, ни в понижении удельного веса венгров в Румынии (неизбежного в случае расширения границ страны).

Первая в российской историографии монографическая работа о трансильванском вопросе, ставящая его в контекст политики великих держав, обещает вызвать интерес не только историков, но и политологов.

© 2011 г. А.С. Стыкалин

Проблемы истории Польши и российско-польских отношений на страницах исторического альманаха

На протяжении четырех лет – с 2006 по 2009 г. – по инициативе коллектива ученых, представляющих научные центры Юга России (Ставрополь, Волгоград и Пятигорск), и при поддержке Института славяноведения РАН, реализуется уникальный издательский проект – публикация ежегодного «Российско-польского исторического альманаха». В составе первых четырех выпусков альманаха вышли в свет 85 статей авторов, представляющих исследовательские центры России (университеты Ставрополя, Волгограда, Воронежа, Новосибирска, Перми, Краснодара, Ростова-на-Дону, Пятигорска, Институт славяноведения РАН и Институт всеобщей истории РАН), Польши (Институт истории ПАН в Варшаве, Институт философии и социологии ПАН, университеты Варшавы, Вроцлава, Жешува, Ольштына, Зеленой Гуры), Украины (Институт истории Украины НАНУ, Харьковский национальный университет) и Белоруссии (Белорусский государственный университет, университеты Гродно и Гомеля).

Во всех четырех выпусках альманаха представлены два традиционных тематических раздела: «Польша, поляки (и Россия) в интеллектуальном пространстве Европы», а также «Поляки и русские по обе стороны границы». В первый выпуск также включен раздел «Внутренняя и внешняя политика Польши в межвоенный период», во второй – «Страницы политической истории Польши», в третий – «Страницы религиозной истории Польши и России».

Ряд статей посвящены реконструкции образов взаимного восприятия поляков и русских в художественной литературе, источниках личного происхождения, публикациях региональной прессы и в историографии (А. Кулецка, Г.В. Макарова, М.В. Кирчанов, И.В. Крючков, А.Н. Птицин, Д.В. Карнаухов), а также проблематике трансформации идентичности польских политических и интеллектуальных элит различного времени (А.С. Стыкалин, В.В. Волобуев, М.В. Кирчанов, Н.В. Коровицына, С.М. Фалькович). Вызывают интерес публикации результатов историографических исследований, содержащих обзор достижений тех или иных научных школ в области изучения проблематики российско-

польских отношений (работы С.М. Фалькович, О.Ф. Шаталовой, М.Е. Колесниковой).

Важное место на страницах альманаха также занимают публикации, посвященные истории поляков в Российской империи и СССР, а также восточнославянских меньшинств – русских, белорусов, казаков – в Польше. Первому аспекту посвящены работы Л.Е. Горизонтова, Т.Н. Лихачевой, А.Н. Птицына, А. Замойского и И.Г. Шумского. Особо следует отметить достижения ставропольской научной школы, нашедшие отражение в публикациях И.В. Крючкова, А.С. Мухортова, Н.Д. Судавцова, А.И. Кругова, М.В. Нечитайлова, М.Е. Колесниковой и И.В. Цифановой, в области изучения истории польских ссыльных, переселенцев и военнопленных в Северокавказском регионе в XIX и XX в. Второму аспекту данной проблематики уделяется внимание в работах постоянного автора альманаха харьковского исследователя А.И. Елкина, посвященных истории русской эмиграции в Польше, а также публикации Б. Лоренса, Г.Г. Дедурина, О.М. Морозовой, П. Ковальского.

Немало работ, опубликованных в альманахе, посвящены проблемам политической, культурной и экономической истории Польши. В статьях польского историка из Жешувского университета Е. Кузицкого исследуется отношение польской политической эмиграции к проблеме дискриминации католического меньшинства в России в первой половине XIX в. О.В. Карпович, представляющий университет Гродно, затрагивает вопрос социального состава повстанческого движения на белорусских землях Российской империи в период второго польского восстания 1863–1864 гг. В работе харьковского исследователя Г.В. Штана рассматривается роль польских национальных демократов в партийно-политической системе Российской империи начала XX в. Постоянный автор альманаха волгоградский исследователь И.К. Ким затрагивает широкий спектр проблем политического развития межвоенной Польши, в частности, рассматривает роль основных политических сил в Польше в период становления «лагеря санации» после переворота 1926 г., а также освещает вопросы проведения пар-

ламентских выборов 1935 и 1938 гг. Проблематика экономической истории Польши и экономических польско-российских отношений разных эпох затронута в статьях польского исследователя П. Маркса. Вопросы взаимоотношений польских властей и католической церкви в ПНР посвящена работа Б. Калиского. Особенности формирования современного внешнеполитического курса Польши, ее взаимоотношения с Россией и странами Запада рассматриваются в исследованиях отечественных авторов С.А. Шпагина и Ю.В. Михалева.

На страницах альманаха также опубликованы документы и библиографические материалы, представляющие немалую научную ценность. В частности, М.В. Нечитайловой опубликованы архивные документы первой половины XIX в., позволяющие получить представление о положении поляков на Северном Кавказе. В.А. Филимонов опубликовал материалы отражающие вклад в исследование польской проблематики Н.И. Кареевым, а М.Е. Колесникова – библиографию трудов ставропольского ученого-историка XIX в. И.В. Бентковского. Документы и материалы по истории российско-польских отношений в XX в. были опубликованы на страницах альманаха А.Н. Птицыным и А.С. Стыкалыным.

Особо хотелось бы отметить рецензии на монографии и сборники научных трудов, опубликованные в Институте славяноведения РАН. Это начинание несомненно

нуждается в поддержке со стороны редакционной коллегии альманаха и дальнейшем развитии, поскольку придает этому периодическому изданию академические черты, позволяет получить представления о тенденциях развития «польских» исследований в нашей стране и за рубежом.

Одним из важнейших итогов развития проекта издания российско-польского альманаха, являющимся одновременно солидной заявкой на его успешность и востребованность научным сообществом в будущем, является восстановление некогда весьма тесных кооперационных связей ученых различных стран Восточной Европы. Роль Польши и России в судьбах народов этого региона трудно переоценить, и обмен мнениями, возможность дискуссии и расширения спектра знания о достижениях коллег конечно же заслуживает самой позитивной оценки.

Именно с этим связано пожелание, адресованное инициативной группе издателей альманаха: предоставлять об авторах, публикующих результаты своих исследований, более обстоятельную информацию, приветствовалось бы также введение раздела «научная жизнь», где крайне интересны были бы обзоры конференций по «польской» исторической проблематике в странах Восточной Европы и «русской» проблематике в Польше.

© 2011 г. Д.В. Карнаухов

Славяноведение, № 5

Z. PROFANTOVÁ a kol. Hodnota zmeny – zmena hodnoty: demarkačný rok 1989. Bratislava, 2009. 408 s.

3. ПРОФАНТОВА и кол. Ценность изменения – изменение ценности: демаркационный 1989 год.

Ценности – тот социальный феномен, который обладает относительно долгим историческим дыханием и трудно предсказуемыми темпами изменений: в одних случаях они опережают динамику социальных трансформаций, в других – отстают от нее. Вот почему столь значимы лонгитюдные, т.е. повторяющиеся и затрагивающие длительные сроки, исследования этих сгустков духовной энергии, выступающих побудителями социальных изменений.

Отсюда и значимость такого рода исследования в рамках, пожалуй, наиболее ди-

намично изменяющегося региона – Центральной Европы и, в первую очередь, одной из ее составных частей – Словакии. Оно предпринято в коллективной монографии группой словацких и чешских исследователей под руководством этнолога и историка З. Профантовой.

Хронологическое пространство труда – 60 последних лет истории Словакии – как части Чехословакии (до 1993 г.) и как самостоятельного государства с акцентом на ключевом пункте этой истории – «нежной» (в чешском варианте – «бархатной»)

революции 1989 г., но и с повышенным вниманием к 1948, 1968 и 1993 гг. «Словакия, – отмечает во введении З. Профанта, – является сегодня динамически меняющейся страной, и этнология использует уникальную возможность исследовать эти процессы “здесь и сейчас”: будь это провалы текущей экономической и политической трансформации или же течение модернизационных и постмодернизационных процессов, касается ли это повседневной и праздничной культуры жителей городских и сельских поселений Словакии, касается ли это взаимопроникновения или сосуществования глобальных и локальных проявлений макро- и микропроцессов, их форм и значения» (с. 5).

Данный труд – результат работы в рамках проекта ВЕГА «Нарративная повседневность в контексте исторических переломов в Чехии/Словакии после 1948, 1968, 1989, 1993 гг. в контексте динамики развития ценностей», выполненной коллективом словацких и чешских специалистов из ряда академических институтов Словакии и Чехии. Отличие данной коллективной монографии от других проектов этого же коллектива – сравнение избранных проблем бывшей ЧССР с этими же проблемами после 1989 г. в Чехословацкой федеративной республике и после 1993 г. в двух уже самостоятельных государствах – Чешской и Словацкой Республиках. Это итоги исследований, нацеленных на выяснение следующих моментов: как осуществлялись и осуществляются изменения в различных сферах повседневности, чем отличается сегодняшний день от коммунистического прошлого. Высказываться о наличии таких изменений – самое простое дело, куда труднее отследить их на эмпирическом материале, и авторам исследования это удастся.

Результаты исследования демонстрируют, как говорится, на уровне корней травы, процесс постоянной трансформации ценностей словацкого общества и доказывают безальтернативность (или почти неотвратимость) реализации демократических векторов такого развития на конкретном эмпирическом материале. Структурные подвижки в оценивании таких значимых феноменов, как свобода и истина, сила и страх, идентичность и самоцензура (и не только их) анализируются на самом сложном и трудно фиксируемом материале: изменениях повседневности.

Возьмем в качестве примера следующую констатацию: «Фактически все сред-

ства информации являются таблоидами. СМИ “сформировали” политиков. Крайне не хватает независимых журналистов, у которых есть не только идеи, но и мотивация. Влияние зарубежных владельцев на рынок газет нельзя назвать позитивным. Они скупили периодические издания с наибольшим тиражом и наибольшими рекламными площадями и превратили их в таблоиды в соответствии с правилами ведения своей деятельности, а большинство полученной прибыли выводится из Словакии. Они не озабочены культивированием журналистики в Словакии. Их интересуют только оборот и прибыль, в то время, как высокий уровень прибыли связан с низкими зарплатами квалифицированных журналистов. Иными словами, это неоклассицизм “бархатной нормализации” в сфере информации» (с. 160).

Конечно, этот взгляд вызывает интерес – но о каких СМИ этого не скажешь? Поэтому куда интереснее следующее эмпирическое наблюдение: оказывается, на пресс-конференциях практически не участвуют журналисты старше 30 лет, и, независимо от их таланта, все же пишут они о политике с точки зрения своего возраста.

Как отмечается в книге, новые ценности в принципе не могут не носить этнической окраски. И уже после 1948 г. сложилась ситуация, когда эта окраска то нарочито и даже насильственно игнорировалась, особенно в партийных документах, то непропорционально выпячивалась (например, в 1968 г., когда под здание чехословацкой государственности была заложена своеобразная мина, которая в принципе не могла не взорваться: закон о полномочиях двух республик в рамках федерации. «Возобновление нормального положения явилось реставрацией диктатуры партийного руководства и его аппарата, что предполагало ликвидацию достижений политической разрядки и процесса демократизации. Федерализацию государства (закон о которой был принят в октябре 1968 г.) можно назвать единственным итогом демократизации после января 1968 г., который пережил нормализацию. Однако федерализация была настолько деформированной, что не оправдала ожиданий ни словаков, ни чехов. Чехи воспринимали ее скорее в качестве уступки словакам. Словаки же ее активно добивались и видели в ней реализацию своих давнишних требований, но в конце концов и они остались разочарованными – если не все из них, то по крайней мере большая часть. Решения

относительно Словакии по-прежнему принимались не в Братиславе, а в Праге, поскольку реставрированная политическая система всего лишь новым способом базировалась на жесткой партийной и государственной централизации» (с. 24).

И все же слово, обозначающее высоко значимую ценность – национальную идентичность словаков – было произнесено, приведя к появлению нового набора ценностных ориентаций. Они проявляли себя в самых различных сферах жизни словацкого общества весьма корректно, а главное – даже на уровне региона – весьма корректно описаны в книге.

Важная сфера проявления и возвращения новых ценностей – литературная жизнь. В книге отмечено, что с 1949 по 1989 г. в этой сфере в Словакии происходили весьма существенные подвижки. Ряд авторов в той или иной форме выявлял границы «социалистического реализма», чтобы выходить за их пределы. И молчание десятков авторов (или дошедшие произведения эмигрантов – уехали более 30 писателей после 1968 г.) звучало громче, чем голос официально признанной литературы, что свидетельствовало: реализм социализма обществом в полной мере не был воспринят ни в предшествующие, ни в последующие десятилетия. Подлинная же словацкая литература стала поистине высоко реалистичной, выявляя богатый спектр ценностей этой центральноевропейской нации.

Нельзя, как указывается в книге, не признать в ее развитии и некоторого момента истощения от свободы – но и сказать, что литературная традиция характеризуется лишь разрывами, тоже вряд ли правомерно. Модернизм и постмодернизм как стадии ее развития – все же словацкие, а не заемные, в частности, они по-новому воспроизводят традиции XIX в.

Литературный дискурс в Словакии обладает и будет обладать моментами вечной новизны, правомерно утверждается в монографии. Ход подобных процессов тщательно описывается, а аргументация неизменно продуктивных перемен обосновывается в главах книги, посвященных театральному процессу, журналистике, смене архитектурных стилей, тем самым создается панорамная, можно даже сказать – голографическая картина сдвига ценностей, как они проявились в указанных и других сферах жизни. И в истории повседневной жизни – в данном ракурсе словацкие исследователи выступили пионерами.

В одной из наиболее интересных глав был использован потенциал устной истории, пожалуй, наиболее четко описывающей те «мелочи», которые зафиксировали безвозвратную смену стилей жизни. Чешский историк М. Ванек в интересном исследовании, опираясь на указанный метод, обращает внимание на то, что неуверенность в своей занятости волнует часть опрошенных рабочих не столько из-за потери регулярного дохода, сколько по эмоциональным причинам – выступая как шокоевое испытание для их устоявшихся жизненных ценностей. «Часть их них, – заключает автор, – считает свою безработицу позором, доказательством собственной бесполезности или неблагодарностью со стороны нового режима. Это было одной из причин, почему так много рабочих предпочли социалистический режим со всеми его ошибками новому, который создал для них столько неожиданных проблем» (с. 298).

Примечательно и такое наблюдение относительно финансирования строительства: «Хотя вложения денег и являются доступными для всех возрастных и профессиональных категорий населения, они выявляют одновременно четкое экономическое и психологическое деление вкладчиков в зависимости от высоких процентов и выплат в долгосрочной перспективе. Таким образом, если в тоталитарный период отношение индивидуумов к недвижимости характеризовалось отсутствием свободного выбора и затрудненностью оперирования с нею, то в современный период это осложняется задолженностями. Следовательно, можно сделать вывод, что специфическое для коммунизма “жилищное крепостничество” [...], сменилось новым видом крепостничества – экономическим, которое вместе с тем и представляет наиболее значимое изменение по сравнению с периодом до 1989 года в жилищной сфере» (с. 204).

В чем же ценность рецензируемой книги? В том, что она зафиксировала высокую значимость ценностных трансформаций в жизни словацкого общества, сама по себе став одним из проявлений такой трансформации. Вряд ли до 1989 г. были возможны подобного рода исследования, да и после этой даты они появляются не везде и не часто. Однако относительно значимости анализа того, что в конце книги характеризуется как зримая трансформация ценностей, сомнений нет.

Как пишет издатель сборника и соавтор исследования З. Профантова, «изменение

ценностей является само собой разумеющимся условием для любого общества, которое переживает политическую, экономическую или же социально-культурную трансформацию. Процессуальная сложность перерождения тоталитарного общества в демократическое является симптоматичной для всех постсоциалистических стран, она детерминирована именно характером ценностных структур и их инерцией. Изменения, безусловно, имеют место, но они постепенны и выглядят как в большей или меньшей мере поколенческие сдвиги» (с. 382). В книге приводится мнение одного из наиболее известных западных социологов Р. Дарендорфа, который, комментируя происшедшие после па-

дения коммунизма процессы, утверждал, что политические преобразования можно осуществить в течение шести месяцев, экономические – в течение шести лет, но культурные преобразования нельзя осуществить ранее, чем через шестьдесят лет. Поистине так, и знакомство с книгой словацких исследователей не может не побудить к подобного рода исследованиям и нашей отечественной «почвы», где ростки новой жизни пробиваются, по-своему формируя ландшафты и высококультурной, и повседневной жизни. Эти процессы, напоминают словацкие авторы, следует рассматривать со всей серьезностью и тщательностью.

© 2011 г. Э.Г. Задорожнюк

Славяноведение, № 5

И.С. ЯЖБОРОВСКАЯ. Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. М., 2008. 381 с.

В начале третьего тысячелетия проблема глобализации приобрела важнейшее мировое значение. По сей день, она занимает одно из ведущих мест не только в публикациях СМИ, но и в современной аналитической литературе, прежде всего, политологической, социологической, экономической и исторической. Особый интерес помимо США и стран Западной Европы вызывают и страны Восточной Европы, входившие в годы холодной войны в сферу влияния СССР. Начавшийся в мире во второй половине XX в. процесс глобализации совпал там с этапом трансформации и демонтажем прежней системы власти, а также экономических и социальных отношений.

2010 год стал для них во многом знаковым, поскольку с момента начала трансформации прошло ровно 20 лет. За это время страны Центрально- и Юго-Восточной Европы (ЦВЮВЕ) прошли большой путь от авторитаризма к демократии, от плановой экономики к рыночной, способной отвечать на современные вызовы. Наиболее серьезным из них, несомненно, стал мировой экономический кризис 2008 г. Можно сказать, что ныне большинство стран выходят из него без видимого ущерба для национальных экономик, хотя конечно определенные

трудности все же возникают. Тем не менее, в связи с экономическим спадом изменилось и политическое пристрастие избирателей, которые весной – летом этого года на местных парламентских выборах отдали свои голоса либералам, консерваторам и национал-радикалам. Левые и социалистические партии лишились власти. Политический ландшафт континента, таким образом, претерпел существенные изменения.

В отечественной историографии до сих пор мало работ, в которых был бы отражен процесс преобразований последних двух десятилетий в странах ЦВЮВЕ и их интеграции в мировое сообщество. Однако с выходом в свет монографии главного научного сотрудника Института социологии РАН, доктора исторических наук И.С. Яжборовской этот пробел в науке сократился. Автор нашла свой аспект изучения системной трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы, увязав трансформацию с процессом глобализации – рассматривая ее как составную часть процесса глобализации.

При этом И.С. Яжборовская не ограничивается какой-либо одной сферой общественной жизни, а стремится рассмотреть все основные области системной трансформа-

ции, начиная с вызревания перемен в исследуемом регионе в целом: трансформацию экономики, политической сферы, социальные преобразования.

В монографии предпринята попытка отразить противоречивость процесса трансформации, его проблемы, позитивные и негативные стороны при реализации неоллиберального пути становления рыночной экономики и диверсификации роли и функций государства.

Структурно монография состоит из Предисловия, четырех глав и Заключения, подготовленных на основе материалов отечественных и зарубежных исследователей, публикаций СМИ, отчетов различных гуманитарных организаций, официальной статистики и исследованиях западных социологов.

В Предисловии, которое фактически является вводной главой монографии, речь идет о системной трансформации стран ЦВЮВЕ в условиях глобализации и волн всемирной демократизации. Автор приходит к выводу, что постепенно глобализация стирает границы рынка, ограничивает суверенный характер территорий, тем самым ослабляя власть национальных государств. Помимо этого во введении раскрыто состояние общественных наук в области изучения преобразований общественного строя накануне системной трансформации.

В первой главе «Вызревание системных перемен», посвященной политическим особенностям развития стран ЦВЮВЕ в послевоенный период, проанализированы такие вопросы, как проблемы и противоречия «реального социализма», неудачные попытки реформирования общественного строя «сверху», региональные контуры «исторического зигзага» и выход на путь коренных перемен, в результате которых страны региона нашли свое место в геополитическом и геоэкономическом пространстве современного мира. Кроме того, отдельный раздел в данной главе посвящен осмыслению учеными смены парадигмы развития региона.

Во второй главе «Системная трансформация экономики» рассматривается переход от командно-административной системы к рыночной. Автор анализирует такие сложные проблемы, как становление в странах Восточной Европы современного рынка, поиск теоретических основ и моделей экономической трансформации. Кроме того, в главе также рассмотрен процесс преобразования отношений собственности, при-

ватизации и изменения роли государства и становления в странах ЦВЮВЕ нового институционального порядка. Помимо этого, И.С. Яжборовская особое место уделяет как итогам экономической трансформации, ее успехам, к которым можно отнести переход на рыночные рельсы, так и проблемам, коими являются трудности, связанные с ростом безработицы.

В третьей главе монографии «Социальные преобразования» речь идет о системной трансформации социальной сферы, которая неразрывно связана с экономическими преобразованиями и глобализацией. Основной упор сделан на изучении ослабления социальных функций государства, трансформации социальной структуры, проблем безработицы, реакции населения на смену общественного строя, попыток выработки альтернативной стратегии в социальной сфере, роли неправительственных и некоммерческих организаций в оказании социальных услуг, влияния Европейского Союза на социальную политику.

Четвертая глава «Системная трансформация политической сферы» посвящена переходу к парламентско-президентским республикам, становлению новых избирательных систем, института президентства, динамике электоральной активности, противоречий и проблем политической трансформации. Подробно описан процесс формирования политических партий и их развития. Представлены и объяснены те или иные политические предпочтения граждан.

В Заключении автор резюмирует, что глобализация и происходящее на мировом уровне изменение соотношения сил в последние два десятилетия оказывали мощное воздействие на переменные в странах ЦВЮВЕ. Системная трансформация общественного устройства региона развивалась как органическая составная часть «движения в Европу», чтобы встроиться в новый миропорядок и реализовать западную модель развития как наиболее эффективную.

Особенность заключалась в том, что для включения региона в мировое разделение труда и подключения к западной модели потребления пришлось воспользоваться адаптационной моделью. Сама трансформация оказалась заимствованной, осуществлявшейся при помощи и под контролем Запада, который был заинтересован, чтобы в Центрально-Восточной Европе она была успешной.

Благодаря монографии «Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы» существенно облегчается понимание особенностей формирования и функционирования процессов, происходящих сегодня как в Восточной Европе, так и в ЕС в целом.

Рассматриваемая работа может быть полезна как экспертам и политологам, так и

дипломатам и политикам, занимающимся проблемами международных отношений, а также студентам и аспирантам, занимающимся проблемами истории, экономики и политики стран ЦВЮВЕ. Опыт стран ЦВЮВЕ также может послужить примером и российской общественности.

© 2011 г. М. Вовк

Славяноведение, № 5

Р. РАДЕВ. Българската эротика. Енциклопедия. Варна, 2009. Т. 1. А – М. 452 с.; 2010. Т. 2. Н – Я. 435 с.

Р. РАДЕВ. Болгарская эротика. Энциклопедия. Т. 1, 2

В эпоху Просвещения энциклопедии создавались не с целью преподнести исчерпывающий материал, а с целью выразить свою позицию, свою концепцию, активировать любопытство читателя и уже с этой точки зрения систематизировать факты и события. Современные энциклопедии обычно масштабны по замыслу и исполнению, но холодны, сухи, схематичны по способу представления материала.

Именно поэтому удивительно, что двухтомная энциклопедия «Болгарская эротика» – труд одного автора, которому удалось не только собрать все, что накоплено по проблеме эротического, но и выразить свое живое и эмоциональное отношение. Автор энциклопедии – доцент филологического факультета Великотырновского университета им. св. Кирилла и Мефодия доктор Радослав Радев.

Чтение энциклопедии способствует, по мнению автора, сохранению доброго состояния тела и духа, ибо все описывается с юмором; автор смотрит на все «веселым взором». Именно такой подход, на наш взгляд, и необходим в изложении данного материала.

Энциклопедия представляет собой целостный труд о болгарской эротике от античности до современности. Главный тезис автора – болгары постигают эротическое как ритуал, как жизненную философию. Автор опровергает господствующее в литературе мнение о болгарской робости, стыдливости, полагая, что эротика проявляется во всех сферах быта, культуры и искусства. Он убежден, что стремление к эротическо-

му позволяет болгарскому обществу иметь организацию жизни, подчиненную не социальным нормам, а красоте. В этом его позиция сродни мнению нидерландского историка и культуролога Йохана Хейзинга, автора трактата «Человек играющий» (*лат. Homo Ludens*).

Работа основана на письменных источниках. Автор активно использовал составленные ранее сборники болгарского народного творчества, а также привлекал материалы фундаментального многотомного сочинения Флорентины Баладановой «Фольклорный эротикон» (София, 1993–1995).

Энциклопедия включает 70 систематизированных и обобщающих статей, вокруг которых в алфавитном порядке группируются свыше 500 конкретных разработок, очерчивающих характер и сущность эротики. Это эротическое в обычаях и обрядах, сказках, фольклоре, анекдотах, живописи, скульптуре, графике, иллюстрациях, карикатуре, а также художественной литературе, театре и кино.

Автор отмечает, что в последние годы в болгарском изобразительном искусстве эротика получила существенное развитие (примеры – творчество Стояна Венева, Илии Бешкова, Николы Ганушева и др.). В энциклопедии свыше 700 черно-белых и цветных репродукций картин художников.

Чудо любви постигается через созданное известными мастерами, знаменитыми личностями и политиками, чьей жизни и творчеству посвящено около 100 очерков. Это Е. Багряна, Д. Благоев, Х. Ботев, И. Вазов, Е. Пелин, З. Зограф, Л. Каравелов, П. Сла-

вейков, Софроний Врачанский, П. Яворов и др.

География материала охватывает 100 болгарских городов и сел, но реально – это все регионы Болгарии. Для автора важно показать эротические мотивы, историю, традиции, легенды и мифы, связанные с ними.

Энциклопедия представляет интерес и для изучения общих явлений в повседневности болгар и русских (например, снохачество). Заслуживает внимания в контексте болгаро-русских связей определенное раскрытие болгарского мироощущения под влиянием русской послереволюционной эмиграции. Так творчество воспитанника Петербургского университета Вадима Лазаркевича, известного иллюстратора детских книг в Болгарии в 1920–1950-е годы, оформившего свыше 250 книг, интересно

и с точки зрения его легких и веселых эротических рисунков. Влияние советской социалистической морали можно наблюдать в болгарской жизни после 1944 г. (см. статью «Тоталитаризм и сексуальная жизнь», т. 2, с. 299–306).

Стиль автора энциклопедии заслуживает особой характеристики. Язык, будучи терминологичным, в то же время образно богат, ясен и доступен, отсутствует схематизм в изложении. Достаточное количество цитат из художественной литературы, иллюстраций и цветных приложений создают правильный баланс образа и мысли, вводят читателя в умный и забавный мир, в котором много идей, что и является, на наш взгляд, главным достоинством данной энциклопедии.

© 2011 г. *О.А. Дубовик*

К ЮБИЛЕЮ АННЫ ЛЕОНИДОВНЫ ХОРОШКЕВИЧ

28 марта 2011 г. знаменательная дата в жизни Анны Леонидовны Хорошкевич, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН.

С 1957 по 2001 гг. научная жизнь Анны Леонидовны была связана с Институтом российской истории РАН. Последние десять лет она успешно работает в Институте славяноведения РАН.

Круг научных интересов А.Д. Хорошкевич чрезвычайно широк. Она является крупным специалистом по истории средневековых Руси, Украины и Белоруссии, плодотворно изучает политические, экономические и культурные связи стран Восточной Европы с другими европейскими странами эпохи Средневековья и начала Нового времени, основные источники этой эпохи, государственную символику, нумизматику и сфрагистику, историографию (в том числе участвует в издании трудов А.А. Зимина). Велик ее научный вклад в издание таких первоисточников важных исторических источников как сочинения С. Герберштейна, Михалона Литвина, Якоба Ульфельдта, Мартина Груневега, Литовская метрика, полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. и пр. Она – автор около 400 научных трудов.

Кроме фундаментальных публикаций источников А.Н. Хорошкевич является автором ряда серьезных монографий: «Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв.» (1980); «Россия времени Ивана Грозного» (1982) (в соавт. с А.А. Зиминным); «Древнерусское наследие и судьбы восточных славян» (1982) (в соавт. с В.Т. Пашуто и Б.Н. Флорей); «Символы русской государственности» (1993); «Герб и флаг» (1997) (в соавт. с В.А. Артамоновым); «Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв.» (2001); «Россия в системе международных отношений середины XVI в.» (2003) и др. В последнее пятилетие А.Л. Хорошкевич порадовала важными монументальными изданиями источников: «Литовская метрика. Книга судебных дел витебского воеводы М.В. Ключко 30–40-х годов XVI в. Книга № 228» (2008); *Genrix Штаден*. «Записки о Московии» (2008); Almut Bues (Hg.) *Aufzeichnungen des Dominikaners Martin Gruneweg (1562 – ca. 1618) ueber seine Familie in Danzig, seine Handelsreisen in Osteuropa und sein Klosterleben in Polen / Deutsches Historisches Institut. Warschau. Quellen und Studien. Bd. 19, 1–19, 4* (2008); *Сигизмунд Герберштейн* «Записки о Московии» (2009). На выходе интересное и трудоемкое издание «Образ России в записках Мартина Груневега, духовника Марины Мнишек». Выпущена монография «Герб, флаг и гимн. Из истории государственной символики Руси и России» (2008).

Научные заслуги Анны Леонидовны отмечены Почетной грамотой по случаю 250-летия РАН, премией митрополита Макария. Ей посвящен сборник статей «От Древней Руси к России Нового времени» (2003). Она является членом-корреспондентом Немецкого общества балтийской истории в Гамбурге, членом Ученых советов РГАДА и ГИМа и пр.

Свой богатый научный опыт Анна Леонидовна передает молодежи, став научным руководителем аспирантов, успешно защитивших кандидатские диссертации.

А.Л. Хорошкевич активно участвует в международных научных форумах в России и за рубежом (Украина, Белоруссия, Литва, Польша, Австрия, Германия, Швеция и др.) Благодаря сотрудничеству с учеными названных стран ею подготовлены монументальные публикации источников – сочинений иностранцев о России, Украине и пр. Она деятельно уча-

ствует во всех научных конференциях и «круглых столах» Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, изданиях трудов (в том числе ежегодниках «Белоруссия и Украина: история и культура») и прочих его научных мероприятиях.

Несмотря на свою природную скромность и доброжелательность, Анна Леонидовна проявляет твердость и принципиальность, когда речь идет о научной истине, которой предана бесконечно. Корректно и аргументированно она борется с попытками искажения исторических фактов, недобросовестного использования исторических источников, проявлениями профессиональной некомпетентности или политической ангажированности в науке.

Анна Леонидовна глубоко порядочный и отзывчивый человек, всегда готовый прийти на помощь. Своими качествами она завоевала большой научный и человеческий авторитет и уважение.

Дирекция и коллектив Института славяноведения, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» сердечно поздравляют Анну Леонидовну Хорошкевич с 80-летним юбилеем и желают ей новых успехов в обширной научной деятельности, отменного здоровья, семейного счастья и жизненного благоустройства.

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ АНДРЕЕВНЫ ПОКИВАЙЛОВОЙ

15 июня – знаменательная дата в жизни Татьяны Андреевны Покивайловой, старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН, высококвалифицированного специалиста по истории Румынии и других стран Восточной Европы, кандидата исторических наук.

Татьяна Андреевна родилась в Казани в семье служащих. После окончания средней школы в 1954 г. поступила на Исторический факультет МГУ, где избрала специализацию по истории Румынии на кафедре Новой и новейшей истории. Университетскими наставниками Татьяны Андреевны, привившими ей интерес к исследовательской работе, были известные ученые М.М. Залышкин и А.В. Адо. Получив диплом, Татьяна Андреевна, как многие ее сокурсники, была направлена на преподавательскую работу: в Центральном заочном лесотехническом техникуме она работала учителем истории. Мечта заняться «большой» наукой привела ее в 1961 г. в аспирантуру Института истории АН СССР. «Под крылом» крупного специалиста по истории Центральной и Юго-Восточной Европы профессора Ю.А. Писарева, руководившего в Институте сектором истории стран народной демократии, аспирантка с увлечением занялась исследованием социально-экономической проблематики. Итогом ее изысканий стала кандидатская диссертация, посвященная социалистическим преобразованиям в румынской деревне. Ее Татьяна Андреевна успешно защитила в 1966 г. По окончании аспирантуры она была зачислена в штат Института, а спустя некоторое время назначена ученым секретарем сектора истории стран народной демократии.

В 1968 г. группа сотрудников, и в их числе Татьяна Андреевна, была переведена в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. В нашем Институте трудится она и сегодня, пройдя в его стенах непростой путь от скромного и.о. младшего научного сотрудника до ведущего румыниста, серьезного и увлеченного исследователя, автора многочисленных научных публикаций.

Диапазон научных интересов Татьяны Андреевны весьма широк – проблемы истории румынской и российской политической эмиграции межвоенного периода, включая сложные вопросы национальной идентичности и адаптации в условиях социально-политической трансформации в XX веке; миграционные процессы в Европе после Второй мировой войны; внутривосточная жизнь Румынии накануне войны, политический кризис 1939 г.; движение Сопротивления в этой балканской стране; советская геополитика в восточноевропейском регионе и национально-территориальное урегулирование, в частности, венгеро-румынский спор из-за Трансильвании; этап народной демократии и формирование политических режимов советского типа в Восточной Европе (Татьяна Андреевна впервые в историографии исследовала проблему установления информационной блокады региона по отношению к Западу); историография новейшей истории Румынии; политический кризис в стране в конце 1980-х годов и падение режима Чаушеску – это далеко не полный перечень направлений научного поиска юбиляра. Работы Татьяны Андреевны хорошо известны не только румынским историкам. Отклики на них можно встретить в венгерской, словацкой, австрийской и немецкой историографии.

В последние годы Татьяна Андреевна особенно интенсивно исследовала комплекс национально-территориальных проблем в странах Восточной Европы. Ею опубликована серия статей по теме «Национально-территориальный вопрос в Румынии и проблемы послевоенного мирного урегулирования. 1940–1946 гг.», вышла в свет монография «Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг.» (М., 2008; в соавторстве с Т.М. Исламовым), получившая значительный резонанс в научном сообществе. Совместно с Т.М. Исламовым и румынским коллегой Р. Винцелером были

изданы на румынском языке две книги – «За кулисами борьбы за Трансильванию» (Клуж-Напока, 2003) и «И снова Трансильвания!» (Клуж-Напока, 2010).

Важным направлением творческой деятельности Татьяны Андреевны являются выявление и публикация архивных документов, содействующих восстановлению объективной картины прошлого. На это направлена и ее работа в качестве эксперта документов и материалов АВП РФ и Архива МИД Румынии, подготавливаемых для совместной публикации. В составе Общественной комиссии по изучению проблем, связанных с историей двусторонних отношений России и Румынии, Татьяна Андреевна занимается трудной и политически острой проблемой «румынского золота». Она не только неоднократно выступала на заседаниях Комиссии с докладами и сообщениями, но и выявила в российских архивах и подготовила к рассмотрению более 1000 листов архивных документов.

Еще одна грань разносторонней деятельности Татьяны Андреевны – руководство исследовательскими проектами, в том числе межинститутскими и международными. Особо результативным стало изучение истории эмиграции, иммиграции и миграционных процессов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

С момента основания в 1972 г. и по сей день Татьяна Андреевна активно работает в Комиссии историков России и Румынии, а в последние годы является ее ученым секретарем. Комиссия проводит ежегодные заседания и приуроченные к ним международные конференции и симпозиумы. Все, кто имели когда-нибудь отношение к проведению международных научных мероприятий, прекрасно представляют, каких огромных усилий и напряжения требует это от организаторов, какой большой объем разного рода вопросов, и не только научных, следует решать. Ответственное отношение к делу, постоянные тесные контакты с румынскими коллегами дали прекрасный результат – по признанию Национального комитета историков России, Российско-румынская комиссия является одной из наиболее активно работающих в системе РАН.

Коллеги Татьяны Андреевны по Научному центру истории сталинизма в Восточной Европе из года в год наблюдают напряженный график ее работы. Во многом это связано с острой нехваткой квалифицированных кадров румынистов. Болея за дело, Татьяна Андреевна озабочена подготовкой молодых специалистов, никогда не отказывает в научных консультациях и конкретной помощи, опекает молодежь, проявившую интерес к истории Румынии. Популяризируя научные исторические знания, Татьяна Андреевна регулярно консультирует представителей российских СМИ, участвует в радио- и телепередачах. Непосредственное содействие она оказала и кинематографистам Великобритании, готовившим документальный фильм об участии Румынии во Второй мировой войне...

Мы не случайно поставили многоточие. В малой заметке трудно учесть и отразить все направления работы Татьяны Андреевны. Надеемся, что уважаемый юбиляр не будет на нас за это в обиде. Поздравляя Татьяну Андреевну с прекрасной датой, желаем ей крепкого здоровья, долгой активной научной деятельности и новых творческих успехов.

Коллеги и друзья

ПАМЯТИ СЛОВАЦКОГО ИСТОРИКА ВЛАДИМИРА МАТУЛЫ
(1928–2011)

13 февраля 2011 г. скончался выдающийся словацкий историк, неизменный друг России, доктор исторических наук Владимир Матула. Он родился в селе Велки Дюр, в Южной Словакии, в интеллигентной семье. Родители привили ему любовь к русской литературе, особенно А.С. Пушкину. В 1948 г. В. Матула среди первых словацких студентов был послан для учебы в Москву. Он поступил на исторический факультет МГУ, где специализировался по кафедре истории южных и западных славян. В то время он сблизился со многими известными в будущем советскими и чехословацкими историками. Окончив МГУ в 1953 г. с красным дипломом, молодой словацкий историк вернулся на родину. Здесь он в 1953–1955 гг. преподавал на кафедре истории философского факультета университета им. Коменского в Братиславе. На посту директора Словацкого национального музея (1958–1963) в Мартине много содействовал его становлению и развитию. Но большая часть профессиональной деятельности ученого с 1955 по 1991 гг. (с перерывами) была связана с Институтом истории САН. Здесь же он защитил в 1964 г. кандидатскую («Идея славянской общности и Молодая Словакия. 1835–1848»), а в 1980 г. – докторскую («Славянские связи словацкого национально-освободительного движения 30–60-х гг. XIX в.») диссертации.

Главные научные заслуги В. Матулы состоят в изучении проблем словацкого национального возрождения, деятельности одного из его главных лидеров Л. Штура, словацко-славянских культурных и общественно-политических связей этого периода. Он по-существу восстановил заслуги этого деятеля перед словацким обществом в кодификации словацкого литературного языка, в выработке концепции национальной идентичности словаков и пр. Много сил вложил он в разработку новой концепции и написание разделов возглавляемой им части коллективного труда «История Словакии» (1992. Т. 2).

Научные исследования В. Матулы получили признание не только в Словакии, но и за рубежом. Он удостоен звания заслуженный работник САН, награжден золотой медалью Л. Штура от САН, серебряной медалью Ф. Палацкого от ЧСАН, медалью И. Сечени от Венгерской АН и пр.

Большой вклад внес В. Матула в развитие международного сотрудничества славистов. Много лет (1970–1990) он был членом Международного комитета славистов, а в 1988–1990 гг. – его вице-президентом. В 1975–1991 гг. ученый являлся зам. председателя Международной комиссии по истории славистики, активно выступая (вместе с В.А. Дьяковым) за активизацию историко-славистических исследований и пр. В. Матула неоднократно участвовал также с интересными докладами в VI–XI Международных конгрессах исторических наук, ряде международных конференций и форумов.

Теплая дружба всегда связывала В. Матулу с российскими коллегами. Она особенно укрепилась во время его научных стажировок в СССР в 1966–1968 и 1972–1974 гг. Именно в эти годы были задуманы и осуществлены многие совместные научные проекты. Ему удалось организовать две совместные конференции чехословацких и советских ученых в Братиславе и в замке Червени Камен. Дружеские отношения с российскими учеными не прервались и после «бархатных революций» 1989 г. и распада СССР. Его статьи в русском переводе продолжают появляться в российских научных изданиях. Оставаясь искренним другом России, ученый с 2000 г. деятельно участвовал в журнале «Союза русских в Слова-

кии» – «Вместе – Spolu», способствуя публикацией своих статей укреплению нынешних российско-словацких связей.

В. Матула всегда был верен делу, которому посвятил свою жизнь. В памяти осталось его недавнее (октябрь 2010 г.) выступление на третьем заседании Комиссии историков России и Словакии в Институте истории САН. Он сумел в немногих словах – четко, емко, обоснованно – охарактеризовать заслуги Л. Штура в словацком национальном движении, зачастую принижаемые в межвоенной и современной историографии.

Друзья и коллеги В. Матулы из Института славяноведения РАН глубоко скорбят о кончине словацкого историка. Светлая память о нем как авторитетном специалисте, искреннем друге России навсегда сохранится в наших сердцах.

© 2011 г. *М.Ю. Досталь, И.В. Чуркина*

Славяноведение, № 5

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА МИЛКИ ИВИЧ (1923–2011)

Сербская филологическая наука в течение одного года понесла две тяжелые потери. Вслед за академиком Александром Младеновичем (1930–2010), крупнейшим историком сербского литературного языка и письменности, окончила свой жизненный путь академик Сербской академии наук и искусств, член многих иностранных академий и научных обществ Милка Ивич – выдающийся филолог, лингвист широкого профиля, автор восьми ярких книг и сотен статей из области синтаксиса, морфологии, словообразования, лексики, семантики сербского и других славянских языков, общего языкознания, истории лингвистической науки. Ее книга «Направления в лингвистике» («Pravci u lingvistici»), впервые изданная в 1963 г. в Любляне и выдержавшая затем более 20 переизданий на разных языках, принесла ей мировую известность и стала для нескольких поколений лингвистов путеводителем в языковедческой науке; сегодня эту книгу можно найти едва ли не в каждой университетской библиотеке Европы и США. На протяжении почти полувека Милка Ивич и ее муж академик Павле Ивич (1923–1999), которого называют «великаном сербской лингвистики», стояли во главе югославской и сербской филологии – и как самые масштабные и авторитетные исследователи, и как организаторы науки, и как воспитатели молодых научных кадров.

Внучка известного сербского поэта Воислава Илича, ученица академика Александра Белича, Милка Ивич уже в студенческие годы обнаружила интерес и способности к научной работе и по окончании философского факультета Белградского университета в 1949 г. была принята на работу в Институт сербского языка, где она занималась обработкой материалов для многотомного академического Словаря сербскохорватского литературного и народного языка. С 1955 по 1984 гг. Ивичи жили в Новом Саде и работали на философском факультете университета, там Милка Ивич стала сначала доцентом, потом профессором и академиком и оттуда в 1984 г. ушла на пенсию. Павле Ивич заведовал кафедрой, а Милка читала курсы современного сербскохорватского языка и общей лингвистики. В эти годы сформировалась знаменитая «новосадская научная школа Ивичей», подготовившая целую плеяду исследователей сербского языка и специалистов по общему языкознанию, которые в наше время составляют ядро лингвистических кадров страны. Ивичи поддерживали научные и личные связи со многими выдающимися лингвистами всего мира: Р. Якобсоном, Б. Гавранекон, Е. Куриловичем, У. Вайнрайхом, Ч. Филмором и др. В эти же годы Милка Ивич активно участвовала в работе комиссии по грамматической структуре славянских языков при Международном комитете славистов. В 1976 г. она была назначена главным редактором основанного ее учителем Беличем международного журнала «Јужнословенски филолог» и руководила им более 30 лет (до 2007 г.), там же было

опубликовано немало ее собственных трудов. В 1984 г. Ивичи вернулись в Белград, и Милка Ивич возобновила работу над академическим словарем в качестве председателя редакционного совета (1983–2004). Последний, белградский период ее жизни, жизни на пенсии, оказался исключительно плодотворным – в это время были опубликованы ее важнейшие труды.

В 1954 г. в Белграде вышла первая книга М. Ивич «Значења српскохрватског инструментала и њихов развој: синтаксичко-семантичка студија» под редакцией акад. Белича, написанная на основе ее докторской диссертации (2-е изд. 2005). С 1983 г. стала издаваться под общим названием «Лингвистическе очерки» серия книг Милки Ивич, включавших как новые труды, так и уже публиковавшиеся в различных журналах и сборниках. В первой книге этой серии («Lingvistički ogledi») обсуждаются три группы вопросов: (1) счетность как грамматическая проблема существительных, способы глагольного выражения повторяющихся действий; (2) синтаксис предложений с глагольным и именным предикатом, способы выражения прямого объекта; проблема сербскохорватского герундия и др.; (3) структура падежной системы; способы выражения отношения «часть–целое» и др. Следующие книги этой серии выходили под названиями: «O zelenom konju: novi lingvistički ogledi» (Zemun, 1995); «Lingvistički ogledi, tri» (Zemun, 2000); «Red reči: lingvistički ogledi, četiri» (Beograd, 2002). Многие темы оставались в сфере интересов Милки Ивич на протяжении долгого времени и получили отражение в нескольких книгах. Такова, например, тема цвета и семантики слов, обозначающих цвет, в сербскохорватском и других славянских языках, имеющая большое типологическое и культурологическое значение и определившая название второй книги – «O зеленом коне». Отдельные очерки посвящены семантике и символике *белого*, *зеленого*, значению и сферам употребления сербскохорватских прилагательных *плав* ('голубой' и 'желтовато-серый') и *модар* 'синий', выражения *рујно вино*; цветовым характеристикам человека; глаголам, производным от названий цвета; метафорическим переносам в сфере цветовой лексики и др. Столь же устойчивым был интерес исследовательницы к семантике предлогов и предложных конструкций в сербскохорватском языке, к падежной системе, к функциям и семантике падежных форм, к морфологии и синтаксису глагола, к синтаксису и семантике предложений разных типов, к значению отдельных слов и выражений – работы на эти темы публиковались с середины 1950-х годов и до начала нового тысячелетия.

В последние годы, наряду с центральной для нее синтаксической и логико-семантической проблематикой, Милка Ивич большое внимание уделяла культурным аспектам и функциям лексики. Ряд ее статей посвящен вопросам нормы литературного языка, языкового узуса, проблеме нового перевода «Нового завета», метафоре и др. В 2005 г. в Белграде вышла последняя книга Милки Ивич, посвященная когнитивным, грамматическим и культурологическим аспектам изучения сербской лексики («O rečima: kognitivni, gramatički i kulturološki aspekti srpske leksike»).

На протяжении всей своей творческой жизни Милка Ивич сохраняла интерес к истории сербскохорватского языка и истории его изучения. Языком и языковой программой Вука Караджича и его современников она начала заниматься еще в студенческие годы. В 1990 г. вышла ее монография «O jeziku Vukovom i vukovskom» (2-е изд. 1997), где исследуется лексика и фразеология Вука, влияние на него немецкого языка, отличия вуковского языка от современного литературного сербскохорватского языка; роль Вука в нормировании эваского варианта сербскохорватского языка; язык и лингвистические взгляды Дж. Даничича, Л. Стояновича, С. Мркаля; проблема изучения нормы современного литературного языка, языка города, изучения текста и др. Постоянный отклик находили у нее труды современников, в первую очередь синтаксистов.

Научное наследие Милки Ивич и ее вклад в славистику и общее языкознание еще предстоит оценить. Ее труды поражают не только масштабом и диапазоном поставленных и исследованных проблем, но и глубиной мысли, тонкостью наблюдений и каким-то интимным восприятием языка во всем богатстве и многообразии его форм и смыслов.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Kim I.K.</i> (Volgograd). The «sanitation» authorities in the parliament elections of 1935 in Poland.....	3
<i>Mikhutina I.V.</i> (Moscow). The Polish-Ukrainian Alliance of 1920	14
<i>Volobuev V.V.</i> (Moscow). The problem the workers' self-government in the social-political system of the Polish People Republic and the Worker Movement in 1956–1980.....	26
<i>Mayorova O.N.</i> (Moscow). The August Agreements of 1980 in Poland: 30 years later.....	40
<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). The Polish crisis of 1980–1981 and the stand of the leadership in Hungary. Lessons of the year 1956 a quarter of a century later	52
<i>Khorev V.A.</i> (Moscow). Literature and political struggle in Poland (1980–1981).....	68

PUBLICATIONS

<i>Vycherov V.V.</i> The Polish diary, 1981–1983 (fragments)	82
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Stykalin A.S.</i> Т.М. Исламов, Т.А. Покивайлова. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы	108
<i>Karnaukhov D.V.</i> Problems of the history of Poland and Polish-Russian relations on the pages of historical almanac	113
<i>Zadorozhniuk E.G. Z.</i> Profantová a kol. Hodnota zmeny – zmena hodnoty: demarkačný rok 1989	114
<i>Vovk M.</i> И.В. Яжборовская. Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы.....	117
<i>Dubovik O.A.</i> Р. Радев. Българската эротика. Енциклопедия. Т. 1, 2	119

ANNIVERSARIES

To the jubilee of Anna Leonidovna Khoroshkevich.....	121
To the jubilee of Tatiana Andreevna Pokivailova	123

OBITUARIES

<i>Dostal M.Yu., Churkina I.V.</i> In memoriam of the Slovak historian Vladimir Matula (1928–2011).....	125
<i>Tolstaya S.M.</i> In memoriam of Academician Milko Ivić (1923–2011).....	126

Сдано в набор 01.06.2011   Подписано в печать 03.08.2011   Формат бумаги 70 × 100^{1/16}
Цифровая печать. Усл.печ.л. 10,4   Усл.кр.-отт. 3,2 тыс.   Уч.-изд.л. 12,1   Бум.л. 4,0
Тираж 304 экз.   Зак. 1597

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Индекс 70891

ISSN 0132-1366 Славяноведение, 2011, № 5